

КРИМ • КЪЫРЫМ

КРЫМ

1
[63] 2024

Литературно-художественный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Басыров В. М., директор ООО «Издательство “Доля”»,
председатель правления общественной организации
«Союз писателей Республики Крым»

Главный редактор
Валерий Басыров
E-mail: vbasyrov@mail.ru

Редактор
Ольга Прилуцкая
E-mail: primula2008@mail.ru

Дизайн и вёрстка:
Кирилл Лемешко
E-mail: izdadim@gmail.com

На обложке — коллаж Валерия Басырова

В журнале используются фотографии из архивов авторов,
Валерия Басырова и Ольги Прилуцкой

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ответственность за достоверность фактов
и соблюдение авторских прав несут авторы публикаций

Литературно-художественный
журнал «КРЫМ»
1 [63] 2024

© Валерий Басыров, 2024

ИТОГИ

IX МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ «ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН» (2023 год)

ОБЛАДАТЕЛЬ ГРАН-ПРИ ФЕСТИВАЛЯ — СОКОЛОВСКАЯ
Виктория (г. Полоцк, Беларусь)

НОМИНАЦИЯ «ПЕСНЯ»

Подноминация «Поэт-песенник»

СОКОЛОВСКАЯ Виктория (г. Полоцк, Беларусь) — 1 место
КОЛЯКА Ирина (г. Щёлкино, Крым, Россия) — 2 место
ТРУЩЕЛЁВ Юрий (г. Аксай, Россия) — 2 место
ЛЕНЖЕТОВА Алёна (г. Севастополь, Россия) — 3 место
ЧИЖОВА Светлана (г. Полоцк, Беларусь) — 3 место
ЖУРАВСКИЙ Александр (г. Анапа Краснодарского края,
Россия) — Приз зрительских симпатий

Подноминация «Автор-исполнитель»

ЖУРАВСКИЙ Александр (г. Анапа Краснодарского края,
Россия) — 1 место
КОЛЯКА Ирина (г. Щёлкино, Крым, Россия) — 2 место
ВОВК Валерий (г. Севастополь, Россия) — 3 место
ЩЕЛКАНОВ Игорь (г. Братск, Россия), гость фестиваля —
Приз зрительских симпатий

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»**Подноминация «Война За Мир — Победы нашим!»**

СОКОЛОВСКАЯ Виктория (г. Полоцк, Беларусь) — 1 место
САВОСТЬЯНОВ Валерий (г. Тула, Россия) — 2 место
ЧИЖОВА Светлана (г. Полоцк, Беларусь) — 3 место
СОКОЛОВСКАЯ Виктория (г. Полоцк, Беларусь) — Приз зрительских симпатий

Подноминация «Для детей»

СОКОЛОВСКАЯ Виктория (г. Полоцк, Беларусь) — 1 место
САВОСТЬЯНОВ Валерий (г. Тула, Россия) — 2 место
ЧИЖОВА Светлана (г. Полоцк, Беларусь) — 3 место
ИГНАТОВА Ирина (г. Феодосия, Крым, Россия) — Приз зрительских симпатий

Подноминация «Любовь»

САВОСТЬЯНОВ Валерий (г. Тула, Россия) — 1 место
СОКОЛОВСКАЯ Виктория (г. Полоцк, Витебская обл., Беларусь) — 2 место
ХАРЛАМОВА Ольга (г. Москва, Россия) — 3 место
КОЛЯКА Ирина (г. Щёлкино, Крым, Россия) — Приз зрительских симпатий
ШИЯН Александр (г. Ялта, Крым, Россия), гость фестиваля, 13 лет — кубок «Надежда» и диплом его обладателя

Подноминация «Природа»

АНТОНОВА Ирина (г. Москва, Россия) — 1 место
СОКОЛОВСКАЯ Виктория (г. Полоцк, Беларусь) — 2 место
САВОСТЬЯНОВ Валерий (г. Тула, Россия) — 3 место
ЖУРАВСКИЙ Александр (г. Анапа Краснодарского края, Россия) — Приз зрительских симпатий
ВЕРШИНСКИЙ Анатолий (г. Раменское Московской обл., Россия) — Диплом лауреата фестиваля за народность поэтического языка произведений

НОМИНАЦИЯ «МАЛАЯ ПРОЗА»**Подноминация «Война За мир — победы нашим»**

КОРАБЛЁВ Виталий (г. Ясиноватая, ДНР, Россия) — 1 место
и Приз зрительских симпатий

Подноминация «Для детей и юношества»

АНТОНОВА Ирина (г. Москва, Россия) — 1 место
ЗВЕКОВА Елена (г. Симферополь, Крым, Россия) — 2 место
ДАНЬШИНА Елена (г. Севастополь, Россия) — 3 место
КОРАБЛЁВ Виталий (г. Ясиноватая, ДНР, Россия) — 3 место
БОБИНА Любовь (г. Томск — г. Феодосия, Крым, Россия),
гостя фестиваля — Приз зрительских симпатий

Подноминация «О жизни и любви»

СОКОЛОВСКАЯ Виктория (г. Полоцк, Беларусь) — 1 место
АНТОНОВА Ирина (г. Москва, Россия) — 2 место
ЧИЖОВА Светлана (г. Полоцк, Беларусь) — 3 место
ГЛЕЧИКОВ Олег (г. Керчь, Крым, Россия), гость фестиваля —
Приз зрительских симпатий

НОМИНАЦИЯ «ДРАМАТУРГИЯ»

ДЕЙНЕГА Галина (г. Севастополь, Россия) — 3 место
БОБИНА Любовь (г. Томск — г. Феодосия, Крым, Россия),
гостя фестиваля — Приз зрительских симпатий

НОМИНАЦИЯ «ЛИТЕРАТУРА НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ»**«Малая проза»**

ДЖЕЖЕР-ЛЫЧЁВА Светлана (г. Сватово, ЛНР, Россия) — 1 место
ДЕЙНЕГА Галина (г. Севастополь, Россия) — 2 место

«Поэзия»

СТРЕМЕНОВСКАЯ Людмила (г. Рыбница, Приднестровье) — 1 место
ДЖЕЖЕР-ЛЫЧЁВА Светлана (г. Сватово, ЛНР, Россия) — 2 место
ЖУРАВСКИЙ Александр (г. Анапа Краснодарского края, Россия) —
3 место и Приз зрительских симпатий

НОМИНАЦИЯ «ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД»

СОКОЛОВСКАЯ Виктория (г. Полоцк, Беларусь) — 1 место
ЧИЖОВА Светлана (г. Полоцк, Беларусь) — 2 место
ДАНЬШИНА Елена (г. Севастополь, Россия) — 3 место
ЖУРАВСКИЙ Александр (г. Анапа Краснодарского края, Россия) —
3 место
ЧИЖОВА Светлана (г. Полоцк, Беларусь) — Приз зрительских
симпатий

НОМИНАЦИЯ «ИЛЛЮСТРАЦИЯ КНИГ»

КОРАБЛЁВА Анастасия (г. Ясиноватая, ДНР, Россия) — 1 место
МОНГУШ Саглаш (г. Чадан, Тыва, Россия), 14 лет — 2 место,
кубок «Надежда» и диплом его обладателя, Приз зрительских симпатий

ХАРЛАМОВА Ольга (г. Москва, Россия) — 3 место

БАРАНОВА Наталья (г. Москва, Россия) — Диплом почётного участника номинации «Иллюстрация книг»

ГРАН-ПРИ ФЕСТИВАЛЯ

Виктория СОКОЛОВСКАЯ (г. Полоцк Витебской области, Беларусь) — 1 место в номинации «Малая проза» («О жизни и любви»); 1 место и Приз зрительских симпатий в номинации «Поэзия» («Война За Мир — Победы нашим!»); 1 место в номинации «Поэзия» («Для детей»); 2 место в номинации «Поэзия» («Любовь» и «Природа»); 1 место в номинации «Поэтический перевод»; 1 место в номинации «Песня» («Поэт-песенник»).

МУДРАЯ ЖЕНЩИНА

У Зинаиды Павловны болело колено. Левое. Иногда очень сильно. И поэтому она уже несколько лет не носила каблуки. Как-то на работе, а это было ещё на Севере, ей на ногу упал тяжёлый ящик.

Это сейчас она заведующая огромным магазином, а тогда была просто «Зинуля-пробей-сыр» или «Зина-эти-коробки-туда». Она не жаловалась, выполняла свои обязанности хорошо, покупатели её любили. А ведь пришлось и продавцом поработать, и простым кассиром. Обычно тётки за кассой злые, а Зиночка была вежливой и улыбалась людям, даже когда сильно уставала. Только улыбка тогда становилась тихой.

Колено давало о себе знать при резкой смене погоды, и когда Зина сильно волновалась.

Она давно отдала свою обувь на каблуках дочери: у них с Верочкой был один размер. Две пары туфель на шпильке и высокие кожаные сапожки, которые Николай привёз ей из первой командировки в Париж.

Зиночка любила Париж. Она никогда там не была, но всегда с упоением слушала французские рассказы мужа. Ей потом снилось, как идут они с Николаем по Елисейским полям. Она, в облегающей блузе в широкую полоску и белой пышной юбке с красным поясом, держит мужа под руку. А тот с умным видом рассказывает ей о Триумфальной арке, приводя цитаты из Ремарка. Просыпаясь, Зиночка

пару минут лежала с закрытыми глазами, воображая себя с мужем на фото возле Эйфелевой башни, как Марина Влади с Высоцким. Красивая такая фотография, ставшая для Зиночки символом большой любви и желания хотя бы раз побывать в Париже.

Зина втайне мечтала о заграничной поездке, но реальная жизнь водила её другими маршрутами.

Когда-то молодой инженер увёз цветущую Зиночку из Краснодарского края в Салехард. Тогда многие уезжали на Север: кто зашибить деньгу, кто по зову сердца. Николаю прочили большое будущее и сулили незамедлительное повышение с условием эффективной работы в суровом климате. Он принял перспективное предложение, тут же сделав предложение Зиночке стать его женой.

И Зиночка не сопротивлялась судьбе. Её детская душа была открыта серьёзным намерениям и отдельной квартире. Пусть за полярным кругом, но своей.

Через два года родился Толик. Ещё через полтора — Верочка. Когда Верочке исполнился годик, стали думать о том, чтобы остаться на Севере навсегда. Хорошая работа, обжитая квартира, садик близко, положение стабильное, Николая в городе уважали.

Дома надёжный тыл ему создавала Зиночка. Она умела готовить, всегда знала, как гастрономически угодить мужу и как порадовать детей. Нужно сказать, что и супруг, и детишки в еде не привередничали и с удовольствием уплетали наготовленное Зиночкой и к праздникам, и в будни.

Вкусная еда, чистота, уют и покой. Чувство комфорта проникало в каждого, кто пересекал порог их гостеприимного дома. Гости были нечастыми, но однозначно желанными.

Отношения между супругами складывались по кирпичику в прочную надёжную стену. Они вместе учились любить и уважать друг друга, даже в разногласиях не позволяя себе грубости и всего того, о чём потом можно было пожалеть.

Зиночка никогда не перечила мужу. В редкие минуты раздора она давала ему время успокоиться, потом подходила, обнимала, ласково называя Николашей, и успокоительно поглаживала по руке. Просто подходила первой и молча гладила по руке.

В бытовых вопросах выбор, в основном, был за Николаем.

— Зинаида, а как ты смотришь на то, чтобы нам купить ковёр на стену?

Зине ковёр на стене казался лишним, но она пошла с мужем в магазин и с улыбкой одобрила красный с восточными узорами коврики два на три.

— А если нам отдать Толика на хоккей?

И, глядя в счастливые глаза сына, Зина тщательно выбирала коньки и клюшки.

— А может, махнём все вместе на Карское ближе к лету?!

И Зиночка соглашалась.

Её жизнь на Севере была простой и размеренной. Поначалу, конечно, было тяжело, но со временем ко всему привыкаешь. И к людям, и к новой работе, и к холодам, и к короткому лету.

И всё же Зина, молодая, красивая, здоровая женщина, мечтала о тепле. Если не о родном Краснодаре, то хотя бы о Москве. Она и прежде размышляла вслух о возможном переезде. А когда Николаю предложили должность в столице, и он без особого энтузиазма сообщил об этом жене, Зиночка затрепетала.

— Мы же не за длинным рублём сюда ехали, Николаша. Толику скоро в школу, потом и Верочке. Может быть, стоит начать всё заново там, где дети смогут устроить свою жизнь без оглядки на циклоны и антициклоны?

Николаша не был так однозначен в своих суждениях. Он приводил в качестве аргументов в пользу того, чтобы остаться на месте, не только высокую зарплату. Его устраивала стабильность и элементарно привычка.

Зиночка не настаивала. Она никогда не была женщиной гордой. В её живом характере гармонично сочетались уступчивость и чёткое видение главных целей. Пригладив белокурые локоны, она усаживалась поближе к мужу, брала в ладони его руку и тихо говорила:

— Ты прав, Николаша. Здесь наш дом, и нам хорошо здесь. Но наш дом всегда там, где мы. Нам будет хорошо в любом другом месте. В любом. Потому что у нас есть мы. Мы молоды, и ещё успеем начать всё с нуля. Я знаю, что ты примешь верное решение. Просто не спеши пока отказываться от должности.

Через полтора месяца семья переехала в Подмосковье.

Суэта, хлопоты, временные затруднения — всё было преодолено в довольно короткие сроки. Зиночка была счастлива. Она с особым усердием взялась за обустройство выделенной им двухкомнатной квартиры. Пусть служебной, но почти в Москве.

Шли годы. Николай стал большим начальником. Он пополнел. На его добром лице отразились не столько пережитые трудности и связанные с ними стрессы, сколько полная удовлетворённость жизнью. Глядя на этого красивого пятидесятилетнего мужчину, женщины завидовали его жене.

А Зиночка и в свои сорок четыре всё ещё чем-то напоминала ту цветущую девчонку с юга. Стройная, ухоженная, с аккуратными локонами до плеч, она только на работе была для всех Зинаидой Павловой. Для мужа она по-прежнему оставалась любимой Зиночкой.

Он покупал ей лимоны. Зина любила пить чай непременно с лимоном и пекла чудесные лимонные пироги. Он дарил ей на 8 Марта не стандартные тюльпаны в целлофане и не пучки гвоздик, а одну розу. Ведь его Зиночка очень любила розы и особенно, когда ей дарили одну.

Николай не забывал важных семейных дат и часто радовал жену сюрпризами. И у него никогда не было любовницы. Это ведь о многом говорит, когда у мужчины нет любовницы. У Николая не было.

Дети выросли. Толик учился на третьем курсе московского института, Верочка — на первом. Но жизнь в семье почти не изменилась. Вечера были такими же тёплыми, праздники — такими же вкусными, гости — желанными.

Если и случались ссоры между супругами, то Зина всегда знала, как лучше уладить конфликт. Когда люди любят друг друга и не собираются расставаться, то уступать легко.

В этот раз колено разболелось ночью. Зина резко проснулась. Николай сопел во сне. Чтобы не будить мужа, пришлось пробираться в кухню на цыпочках.

Зина включила свет и увидела, что нога опухла и сильно покраснела. В аптечке на этот случай всегда лежала мазь-анальгетик. Зина открыла тюбик, и тут в кухню вошла сонная Верочка.

— Мама, ты не спишь? Что случилось?

Увидев распухшее колено, Верочка не стала дожидаться ответа.

— Тебе срочно нужно к врачу! Может, вызвать скорую?

— Ничего, доченька. Я потерплю до утра. И мазь хорошая, она всегда помогает. Иди спать, тебе же завтра на учёбу.

Но Вера не ушла. Полностью проснувшись, она присела на табурет у стола:

— Мам... Я хочу тебе что-то сказать. Я понимаю, что сейчас не самое подходящее время... И вряд ли оно в ближайшем будущем станет подходящим, но...

— Говори.

Вера отвела взгляд и, помедлив секунду, выдохнула.

— Я беременна.

Колпачок от тюбика упал из рук матери и с глухим звуком покатился по полу.

— Только пока папе не говори, — быстро произнесла Вера и вскочила, чтобы поднять колпачок.

Зина привстала и притянула к себе своё восемнадцатилетнее дитя. Она молчала, но мысли одна за другой атаковали мозг. «Что теперь будет? Господи, как же болит нога... Тихо, спокойно. Она совершеннолетняя. В институте возьмёт академический, через год-два можно восстановиться. Папу уговорим. А кто отец ребёнка? А какой срок?»

— Ты уже была у врача? — задала Зина единственный вопрос.

— Нет. Мне страшно.

— Завтра пойдём в поликлинику вместе. Я с коленом, ты... Ты со мной. А сейчас спать.

Через полгода Зине сделали операцию на колене. А ещё через два месяца она стала бабушкой.

Забирая из роддома дочь с белым кружевным свёртком, перевязанным розовой лентой, Зинаида и Николай сияли от счастья. Молодой человек по имени Павлик — так просила его называть Вера — стоял с цветами наперевес. Он заметно нервничал и не сообразил, кому отдать букет, принимая на руки дочурку. В итоге медсестра ушла довольная с цветами и шампанским, а жена осталась без подарка. Но главные подарки были впереди.

Новоиспечённые дедушка и бабушка поздравили Веру и Павлика и в тот же день вручили им ключи от новой квартиры. Пусть однокомнатной, но в Москве.

Николай с Зинаидой долго откладывали деньги, чтобы обеспечить достойное будущее детям. Толик ещё заканчивал институт, а ему уже подыскивали хорошее место. Свадьба Верочки была скорой, по понятным причинам, и скромной: собрались только свои. А вот рождение внучки отметили на славу.

Девочку назвали Софией. Не модное имя, старинное, редкое, в переводе с греческого означает «мудрость». В семье даже своя сказка появилась: «Мудрость, рождённая Верой».

Молодые с Сонечкой вскоре переехали в своё жильё. И жизнь снова стала новой.

Однажды, проходя мимо обувного магазина, Зинаида обратила внимание на пару шикарных туфель на витрине. Чёрные, изящные, на шпильке. Каблучок, конечно, был высоковат, но не таким высоким, как она носила в юности.

Через месяц Зине исполнилось сорок пять. И оставался ровно месяц до срока, рекомендованного врачом, когда она, наконец, сможет снова встать на каблучки. Зиночка мечтала об этом много лет.

Она вошла в магазин и попросила примерить пару с витрины.

«Безумно красивые туфли. Нарядные. И к любому образу подойдут». Верно подметили в «Служебном романе»: «Именно обувь делает женщину Женщиной».

Зина смотрела в зеркало и очень себе нравилась.

Она вышла из магазина с большим ярким пакетом. Шла по улице, улыбалась прохожим и вся как будто светилась изнутри.

Дома она припрятала коробку в шкаф. До Дня Рождения.

День Рождения выпал на субботу.

Проснувшись утром, она не застала Николая в постели. Обычно в выходные он любил поваляться подольше, чтобы встать вместе с женой. А сейчас ещё не было восьми.

На подушке рядом лежал конверт. По белому фону почерком мужа было начертано четыре слова: «С твоим днём, любимая».

Зиночка открыла конверт и ахнула.

Два авиабилета компании Air France. В Париж. С открытой датой. В дверях спальни появился Николай с подносом, на котором дымился ароматный кофе и лежала, изящно свесив за края полураскрытый бутон, одна роза.

— Вы не желаете прогуляться со мной по улочкам Парижа, мадам?

Через три недели Зинаида гуляла по Елисейским полям, держа под руку Николая. Он что-то увлечённо рассказывал, сыпал цитатами из Ремарка, читал наизусть Верлена. Она шла неторопливо, лёгкой походкой, как в кино. Пусть медленно, но на каблуках.

Прохожие с интересом смотрели на элегантного мужчину и его прекрасную спутницу в чисто французском наряде: полосатая маечка, белая длинная юбка-клёш, красный пояс с большой пряжкой.

«Красивая пара!» — восхищались им вслед.

— А не сфотографироваться ли нам у Эйфелевой башни? — предложил Николай.

Зиночка не сопротивлялась. Она никогда не перечила мужу. Мудрая женщина.

ПЕРЕД БОЕМ

*Долго дятел стучал на ближнего —
дальний считывал каждый стук...
Кто не спал? — То ли Димка с Нижнего,
то ли Толик, армейский друг.*

*Камуфляжем сливаясь с зеленью,
мимикрируя под самшит,
то ли Димка воюет с теменью,
то ли Толик к земле пришит*

*тишиной предрассветной, тонкою,
прикорнувшей заподлицо,
что обнимет лихой девчонкою,
а потом отведёт лицо.*

*Толик, помнится, силой мерился,
а у Димки наколот крест...
Дятел клювом-иглой прицелился,
и посыпался стук окрест.*

*Красношляпый стучит неистово —
желторотые начеку:
то ли Толик дождётся выстрела,
то ли Димке срывать чеку.*

*Каждый правлен своими битвами.
Каждый свой выжигает страх.
Сберегаемые молитвами,
вознесёнными в двух мирах,*

*выйдут в бой без особых правил, и
каждый вынесет новый шрам.
Свечи сосен собой оставили
поднебесный священный храм*

*леса, утренней мглой распятого...
А у Толика на груди
фотография Ленки с пятого:
дверь без кнопки — стучи и жди.*

ЗИМНЯЯ СПЯЧКА

*Мишка уснул в берлоге.
Плотно укутал ноги.
Под головой — подушки,
Сверху — мохнатый плед.
Тапочки на паркете,
Чтоб после сна надеть их.
В рамке — портрет подружки,
В вазе — сухой букет.*

*Стужа за дверью ходит.
И по такой погоде
Мишке так сладко спится:
Снятся цветные сны.
Тускло горит светильник,
И заведён будильник
Где-то на девять тридцать
Первого дня весны.*

* * *

*Я не знаю, какого цвета
будет осень в твоих ладонях,
но оттенки чужого лета
мы оставим для посторонних.*

*Наша осень мелькнёт зелёным,
ускользая из бездны взгляда,
и взмахнёт за стеклом оконным
кистью с красками листопада.*

*Жёлто-рыжим устелет парки,
брызнёт сизым в мазке лазури
и укроет под скобкой арки
от стального дождя и хмури.*

*Ярко-красным штрихом помадным
вспыхнет в ворохе лиц и улиц,
апельсиново-лимонадным
шлейфом кутая след распутиц...*

*Я не знаю, какого цвета
будут листья на старых клёнах,
но уверена в море света,
уготованном для влюблённых.*

*Опьянив ароматом пряным
кофе, мускуса и корицы,
наша осень пером багряным
разукрасит крыло жар-птицы,*

*что, над домом моим витая,
станет видимым оберегом,
непокорно в ладонях тая
с первым снегом...*

* * *

*Белая плачет звонница.
На сердце непокой.
Медленно солнце клонится
к рощице за рекой.*

*Солнцу поклоны отданы
травами вдоль озёр.
Ветви деревьев сотканы
в мелкий чудной узор.*

*Каждая тварь бездомная
ищет покой в тиши.
Мгла пробуждает тёмное
в недрах любой души.*

*И проступают в темени,
падающей на лес,
звёзды как вежи времени,
пуговицы небес.*

О, ЖЕНЩИН КРАСОТА!..

*(Перевод с французского языка стихотворения
Поля Верлена)*

*О, женщин красота! Их слабость, бледность рук,
Что в мир несут добро, а могут сделать больно.
А их глаза: в них ровно столько зверских мук,
Чтоб ярости мужской без слов сказать «довольно».*

*По-матерински, как всегда, утешат стон,
И даже если лгут — о, этот голос дивный! —
Предутренный ли зов, вечерней песни звон,
Рыданье ль, что почиет в складках палантина...*

*Жестокие мужи! Жизнь безобразна здесь!
Но высоко в горах ещё немного есть —
Хотя бы там, вдали от битв и поцелуев, —*

*То, что по-детски тонко в сердце отзовется,
Добро и честь! Иначе с чем сосуществуем?
Когда приходит смерть, что, правда, остаётся?*

ДАВАЙ УЕДЕМ

(песенный текст)

*Давай уедем туда, где море, —
Там лёгкий ветер не вторит травам.
Давай откроем в морском просторе
Не продолжение к нашим главам,
А бесконечное начинанье,
Как инь и ян в ореоле круга.
Давай придумаем нам названье
И станем компасом друг для друга.
У моря часто не так, как дома, —
Оно потребует отреченья.
Но важно ль, где мы? Ведь только, кто мы,
Имеет главственное значенье.*

Слушать песню на https://vk.com/sokolovskaya_vs?w=wall3120258_22733

МАЛАЯ ПРОЗА

Виталий КОРАБЛЁВ (г. Ясиноватая, ДНР, Россия) — 1 место и Приз зрительских симпатий в номинации «Малая проза» («Война За мир — победы нашим») и 3 место в номинации «Малая проза» («Для детей и юношества»)

НА СЛУЖБЕ ОТЧИЗНЕ

Подразделения чеченского спецназа, шаг за шагом, производили зачистку жилого района Мариуполя, примыкающего к заводу имени Ильича.

Украинские националисты и наёмники, прибывшие в основном из стран западной Европы, неистово, с крысиной жестокостью загнанного зверя, предпринимали попытки защищаться. Видимо, подкожно чувствовали, что придётся отвечать за свои злодеяния по всей строгости военного времени.

Командир взвода лейтенант Руслан Курбанов и его бойцы детально обследовали один из подвалов многоэтажного дома. Уже на выходе офицер уловил еле слышный всхлип маленького ребёнка. Вглядываясь в каждый угол подвального помещения, в одном из них Руслан разглядел женщину. Сидя под водопроводными трубами в куче всевозможного мусора, она, словно птица крыльями, обвивала ребёнка, пытаясь его защитить.

— Убейте, меня убейте, только дитя не трогайте!

Лейтенант видел, с какой силой женщина сжимала в своих объятиях малыша.

— Аллаху Акбар, — только и смог он сказать, словно пронзённый её словами.

Женщина тотчас востропнула и, пристально всматриваясь в силуэт офицера, трижды еле слышно повторила:

— Свои, свои, свои...

— Да, — пытаюсь осторожно разжать её пальцы, полушёпотом соглашался с нею Руслан, — свои мы, свои.

— Родные, русские, — пытаюсь во мраке рассмотреть лейтенанта, она с каждой секундой убеждалась, что перед нею стоит не украинский националист.

— Да уж, — с улыбкой ответил Руслан. — Я чеченец, но здесь понял, что на войне я ещё и русский.

Через пару минут Руслан вывел женщину на свежий воздух. С особой осторожностью выходя из подвала, он вынес на руках ребёнка. Тут же возле подъезда присел с ним на лавочке. Словно затравленный зверёк, малыш испуганно осматривался, интуитивно подставляя личико ласковому солнцу. Им оказалась девочка лет восьми. Малышка не говорила, лишь всхлипывала. Женщина — Нина Сергеевна — была её бабушкой. Она рассказала, что три дня назад азовцы на глазах у ребёнка с особой жестокостью застрелили её родителей, и с того страшного момента Леночка совсем не разговаривает.

— Слушай, — пытаюсь привлечь внимание к себе, обратился к ребёнку Руслан. — У меня в Грозном такая, как ты, дочка растёт, и лет ей столько же. И я вас, как только закончится война, приглашу в гости. Я покажу вам, какая красивая моя Чечня. Мы поднимемся на высокую гору, и будем любоваться необыкновенными солнечными восходами и закатами. Над нами будут парить облака так близко, что можно будет потрогать их руками. А на самой высоте мы увидим, как плавно кружит настоящий орёл. Обязательно искупаемся в горной речке, такой чистой и прозрачной, что вы увидите, как у ваших ног будет плескаться форель. Ну, ты согласна?

Девочка еле слышно прошептала:

— Горы, облака, — и, доверчиво прижимаясь к руке офицера, сказала:

— Только ты не обмани, приедь за нами, пожалуйста!

Из её детских глаз блестящими капельками падали слёзы. Она плакала не одна. Глядя ввысь, по-мужски, отрывисто, рукавом вытирал предательски выступившую испарину Руслан. Совсем не стеснялись своих слёз и двое бойцов, принёсших воду, кашу и чай. А Нина Сергеевна, с трудом поднявшись, подошла к ним, по-матерински перекрестила каждого и тихо сказала:

— Бог, вам сыночки, в помощь. Аллаху Акбар.

СКАЗКА О БЕГЕМОТИКЕ ТИМОШКЕ

За высокими горами, за синими морями, в жаркой-прежаркой Африке жил бегемотик по имени Тимошка. Жил он с папой и мамой на берегу чудесного озера, рядом с такими же бегемотами и бегемотиками.

Целыми днями бегемоты грелись на солнышке, собирали вкусные коренья и принимали водные процедуры. Тимошка был непоседой, и такой размеренный образ жизни его не устраивал. Хорошо, что в озере водилось много рыбок! Тимошка с удовольствием играл с ними в догонялки. А когда на водопой приходили слоны, наш бегемотик весело толкался со слониками.

Тимошка, хоть и маленький, никого не боялся, потому что рядом всегда находились родители. Если бегемотику угрожала опасность, мама грозно фыркала, а папа громко топал. На этом озере никто не смел обижать Тимошку: ни львы, приходящие на водопой, ни крокодилы, живущие по соседству...

Так и проходили день за ночью, ночь за днём. Обитатели озера жили своей размеренной и привычной жизнью, пока не наступила страшная засуха. Солнце палило нещадно, воды в озере становилось всё меньше и меньше. Для всех зверей наступили трудные времена. Вода испарялась, а корешки, которые так любил Тимошка, засохли. Наступал голод.

Как-то на озеро из-за высокой горы пришла стая хитрых гиен. Они всю расхваливали огромное болото, которое находилось за этой горой, и говорили, что там совсем нет засухи.

— А корешки, корешки там есть? — спросил Тимошка.

— Конечно, есть! Их так много, что хватило бы всем бегемотам в Африке, — проскулили гиены.

Бегемотик никогда не уходил от озера — мама не разрешала. Тем более за высокую гору, где в болоте жил огромный крокодил, которого боялись все, даже бесстрашные львы. Но хитрые гиены так красочно расхваливали чудесное болото!

— Тимошка, неужели ты не хочешь поесть вволю корешков, да ещё и маме с папой принести? — ехидно улыбались гиены. — Ведь это совсем недалеко.

— Но меня не отпустят родители, — пытался оправдаться бегемотик.

— Чепуха, — скулили гиены, — когда ты принесёшь много корешков, твои родители и слова не скажут.

— Может, я у мамы разрешения спрошу? — сопротивлялся Тимошка.

— Твои родители сейчас спят, — визжали гиены, — а когда проснутся, ты уже вернёшься с целой охапкой вкусных корешков, и тебя, глупый бегемотик, они только похвалят.

— Хорошо, тогда пойдём поскорее, — наконец согласился малыш. — Как обрадуются родители, когда увидят, что я принёс много вкусных корешков!

Забыл Тимошка и о страшном крокодиле, и о том, что родители запретили одному уходить далеко от озера — пошёл с гиенами к бо-

лоту. А гиены тоже спешили, боялись, как бы родители Тимошки не проснулись.

Когда бегемотик с гиенами перебрался за гору, он увидел, что хвалёное ими болото почти пересохло.

— А где же корешки? Ведь болото совсем засохло, зачем вы меня обманули? — заплакал Тимошка.

— А-а, — засмеялись гиены, — а ты подойди поближе к болоту и увидишь много чего вкусного.

Бегемотик послушался, подошёл. И тут из болота выскочил огромный крокодил. Тимошка хотел убежать, но сзади гиены не пускают.

— Не забудь наш договор и обязательно поделись с нами, — завопили они крокодилу.

— Поделюсь, — рявкнул крокодил, — дайте только затащить его в болото.

И тотчас поймал Тимошку за хвостик. Бегемотик испугался и закричал:

— Мама, папа, помогите, от злого крокодила спасите!

Но не слышат его родители, ищут, не могут найти своего сыночка. Тут пролетала мимо птичка Колибри.

— Колибри, пожалуйста, полети за высокую гору, позови моих папу и маму, а не то пропаду, съест меня крокодил, — просит бегемотик, а у самого уже ножки в болоте.

Добрая птичка пожалела бегемотика и полетела за помощью. А крокодил тянет Тимошку, насмехается. Плачет малыш, упирается и уже с жизнью прощается. Вдруг послышались топот и рёв, а гиены кубарем, кто куда, покатались. Это папа с мамой поспешили спасти сыночка и львов на подмогу позвали.

— Ну-ка быстро, крокодил, отпусти Тимошку, а не то затопчем! — закричали они.

— Что же ты, крокодил, на Тимошку пасть открыл? Вот намнём тебе бока, поломаем, не помиluем!

Еле вырвался крокодил от разъярённых родителей бегемотика. Бежит, не оглядывается, а лишь приговаривает:

— Не вернусь я в это болото, никогда не вернусь. Прощай, любимое болото!

— Папа, мама! Простите меня, я хотел корешков принести, но меня обманули гиены, — плакал Тимошка, — спасибо, что спасли меня от гибели!

— Что ж, сыночек, — сказала мама, — мы тебя простили, только впредь слушайся нас, не поддавайся на обман. Если бы ты спросил разрешения, такого не случилось бы. А благодарить нужно птичку Колибри. Если бы не она, то съел бы тебя крокодил.

— Большое бегемотское спасибо, птичка Колибри! Теперь можешь кататься на моей спине целыми днями, а я тебя буду защищать. Никто тебя не обидит!

— Какой герой — два вершка с горой! — засмеялись родители.

И отправилась семья бегемотов на своё озеро. А ночью пошёл сильный дождь, и озеро до краёв наполнилось водой. Опять появилось много вкусных корешков, и зажили бегемоты своей привычной жизнью. А Колибри поселилась недалеко от озера и целыми днями каталась на спине бегемотика Тимошки.

Ирина АНТОНОВА (г. Москва, Зеленоград, Россия) — 1 место в номинации «Малая проза» («Для детей и юношества») и 2 место в номинации «Малая проза» («О жизни и любви»)

МОРЕ

«НАДЕНУ Я ЧЁРНУЮ ШЛЯПУ...»

В доме царил суматоха и чемоданное настроение. Папа время от времени, чтобы разрядить обстановку, комментировал события опереточным пафосом:

Надену я чёрную шляпу,

Поеду я в город Анапу.

Мама решила за год до школы вывезти меня на всё лето к морю. Врачи настаивали на удалении гланд, а для этого надо было укрепить организм, желательнее в Анапе. Ради моего здоровья мама была готова на любые жертвы. Она сумела занять деньги на поездку и с великим трудом добилась на работе отпуска за свой счёт.

«ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ»

В поезде мы ехали двое суток в одном купе с маминой сослуживицей А. В. и её двумя детьми. Было весело, и время текло незаметно. Мамы раскладывали на откидном столике крутые яйца и бутер-

броды. Мне нравилось выбегать в коридор, прижиматься к окошку и подставлять лицо навстречу горячему ветру. Может, отсюда пошло выражение «Ветер странствий»? Спать меня уложили на одной полке вальетом вместе с Аллочкой — старшей дочерью А. В.

«БЕЛОЙ АКАЦИИ ГРОЗДЬЯ ДУШИСТЫЕ...»

Трудности начались по приезде. Снять комнату на юге в сезон тогда было почти невозможно. С маленькими детьми не хотели пускать. Всё осложнялось ещё тем, что мама болезненно переносила жару. Превозмогая надвигавшуюся мигрень, в спасительной шляпе с широкими полями, с неподъёмным чемоданом, мама стучала в очередные ворота, — и мы шли дальше. При каждом порыве ветра подымалась пыль и нас накрывала душная волна цветущей белой акации, которая здесь росла почти у каждого дома.

ДОКТОР

В конце концов комнату «не близко от моря» мы нашли. Но тут как назло я заболела каким-то непонятным гриппом с температурой. Мама разузнала адрес врача и пригласила ко мне частного доктора. Это была немолодая интеллигентная женщина, видимо из «бывших». В Москве я панически боялась врачей из поликлиники, а к этой сразу почувствовала доверие...

РЫНОК

Едва светало. По прохладному воздуху мама уходила на рынок. К моему пробуждению из корзинки торчали тощие шеи колхозных цыплят для бульона или влажный хвост кефали, только что выловленной из моря и, главное, среди персиков, обёрнутый в газету, лакомый кусочек чёрной паюсной икры от местных контрабандистов.

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Каждый вечер я с нетерпением ждала, чтобы мама прочла мне на сон грядущий очередную главу из «Руслана и Людмилы». У мамы был «свой» толстый однотомник Пушкина, в строгом чёрном переплёте, выпущенный к столетию со дня гибели поэта. Тонкие страницы от времени пожелтели и переворачивать их надо было с большой осторожностью. Мама практически с ним не расставалась. Пушкин был выигран ею в школьной олимпиаде...

Картинок в книжке не было, но все происходящие чудеса были настолько убедительны и зримы, что иллюстрации не требовались — перед глазами роились то говорящая голова, то бани, где нежился

витязь, то испуганная Людмила, пока облако сна окончательно не обволакивало сознание.

Лёгкая ирония маминой интонации не мешала мне воспринимать драматические коллизии сюжета. После окончания поэмы я испытала что-то похожее на досаду от вынужденного расставания с героями. Испив живой воды пушкинской поэзии, я навсегда запомнила её хрустальную чистоту и неподдельный вкус.

КОСТЮМ МАУГЛИ

Белый зыбучий песок обжигает ноги, полуголые человеческие тела преграждают дорогу. Мама решительно сняла с меня платье, только на голове панамка, я — в костюме Маугли. Забытое чувство наготы вернуло мне первозданное сознание родства с каждым земным существом от мала до велика. Я всего лишь одно из тысячи растений под солнцем. Наверное, так себя чувствовали первые люди в раю.

«ЧЁРНОЕ МОРЕ МОЁ...»

Какое оно огромное, прозрачное вблизи. А там дальше, взрослые говорят, турецкий берег. Тот самый из песни: «...не нужен мне берег турецкий». В некоторых местах пляжа у самой воды какое-то зелёное месиво с отвратительным запахом. Мы его брезгливо обходим. Мама смеётся — водоросли. Обмотав голову полотенцем, чтобы сразу после купания насухо меня растереть, мама завела меня в море по подбородок и слегка придерживая, положила на воду. На расстоянии вытянутой руки пронизанные лучами, прозрачные как льдины, скользят медузы, иногда они задевают мои ладони.

ПРО МАМУ

Мама не была спортивным человеком, но плавала прекрасно, так как выросла на берегу Тихого океана в далёком и загадочном Владивостоке. Без всяких резиновых фигурок она за считанные дни обучила меня элементам браса. Тогда же в Анапе она случайно спасла жизнь тонущему мальчику. Заплыв за буйки, она вдруг услышала отчаянное: «Помогите, помогите!». Ни секунды не сомневаясь, поплыла на крик и увидела, как мужчина одной рукой тщетно пытался вытянуть ребёнка, ушедшего под воду. Мама подплыла с другой стороны, и вместе им это удалось. По иронии судьбы люди на берегу приняли её за мать мальчика, и стали порицать, зачем она рисковала жизнью ребёнка.

НАБЕРЕЖНАЯ ДЕТСТВА

Каждый вечер после купания мы с мамой гуляли по набережной. Шёлковые наряды, голые плечи, пряные веянья деревьев и шум при-

боя складывались в незабываемое понятие южной ночи. Мы с мамой тоже частица этой ночи, одна из составляющих её ауры.

Иногда мы заходили в маленький сувенирный магазин, больше всего мне нравились выставленные на витрину ракушки, хотелось заглянуть в их перламутровую глубину и расслышать нескончаемый гул моря. Это был период дружбы с Китаем, и прилавки ломились от непривычно ярких, радующих глаз, китайских вещей: махровые полотенца, тазики с бабочками, термосы и шёлковые зонтики. До сих пор на дне старого шкафа лежит мамин розовый зонтик от солнца, частица её души. Прошлое оживает. Зонтик, подобно пиону, расцветает над её головой. Розовые тени ложатся на бледное лицо. Живопись импрессионистов, модели Ренуара... Папа прозвал этот зонтик Алыми парусами.

В этом же магазине мама выбрала в подарок доктору, вылечившему меня, веер из сандалового дерева, расписанный фигурками японок.

ПАРК

По дороге к морю мы проходили через маленький пыльный парк с атрибутами победы над турками. На постаменте стояла чугунная внушительных размеров пушка, до блеска отполированная не одним поколением «лихих наездников» из числа детей, желавших её оседлать. Крутились карусели. В памяти отпечаталось, как в тёплых лучах заката у клумбы с засохшими цветами танцевала немолодая цыганка вместе с маленькой босой девочкой. Тоской бродячей жизни веяло от их танца.

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

В августе, как обещал, приехал папа, весёлый, энергичный, с анекдотами и рассказами о фестивале. Торжественно раскрыв громоздкий чемодан, он извлёк оттуда кучу подарков. Это были всевозможные китайские фонарики и фигурки из раскрашенной бумаги. Весь наш размеренный режим с папиным приездом полетел к чертям. Папа хотел высыпаться и ходил на пляж в любое время. Жара ему не мешала.

Мама по старинке в свободные часы обучала меня рукоделию. На листке в клеточку рисовался цветок, а я должна была обвести контуры ровными стежками. Правильно пользоваться иглой у меня никак не получалось, и это крайне раздражало маму. Вместо вышивания папа предложил научить меня запускать воздушного змея. Три дня он его старательно клеил. Сбежались все окрестные мальчишки, когда самодельная конструкция стала набирать высоту. При каждой совместной прогулке по городу папа старался преподать мне математические азы: вот эти улицы параллельны, а те перпендикулярны, то есть под прямым углом.

ДИКИЙ ПЛЯЖ

С папой мы отваживались ходить на скалистый берег, где когда-то был дикий пляж. Раньше отдыхающие выкапывали там из-под камней целебную глину, которой обмазывались с ног до головы как туземцы.

Погода испортилась, дует пронзительный ветер. Море мутное, у берега закипает грязная пена, но мы делаем заплыв. Я поднимаюсь и опускаюсь вместе с волной, как учила мама. Мне не страшно — родители по краям. Прямо на меня движется всплывшая кверху брюхом большая рыба, видимо, погибшая от шторма.

ДЖЕМЕТЕ

В переводе с татарского Джемете — что-то вроде райского места. Знакомые родителей предложили выбраться туда на пикник. Ехали до заповедного уголка долго и трудно. За колючими зарослями открылась пустыня с раскалённым песком. Питьевой воды нигде не достать. У кромки моря копошатся маленькие крабы.

Везли на всю компанию огромный арбуз. Я увязалась за папой его мыть. Я никогда не пробовала арбузов, только видела на картинках. Арбуз показался мне похожим на большой полосатый мяч. Мне безумно захотелось бросить его в море и посмотреть, как он упруго подпрыгнет. Я разжала руки, он грузно шмякнулся на дно, и рваная розовая мякоть всплыла на поверхность. В то же мгновение мой добрейший папа, не сдержав досады, от души отвесил мне звонкий шлепок.

БАБОЧКИ ОСЕНИ

В последние дни перед отъездом спала жара. На засохших клумбах доцветали неприхотливые цветы вроде бархатцев и петуний. В садах ночами варили персиковое варенье, и дух его витал над городом.

Говорили, что в Анапе целебный воздух, во всяком случае, дышать им было райское наслаждение.

На южном солнце я почернела, и меня нельзя было отличить от местных загорелых ребятшек.

То, что не давалось в Москве, легко получилось на юге: я научилась читать и получать удовольствие от книжек. Кажется, первая прочитанная мной у моря книга, называлась «Бабочки осени» Бианки.

Прощаясь с морем, мы допоздна гуляли по высокому берегу над диким пляжем. В чёрном пространстве моря то загорались, то гасли красные огоньки маяка.

Больше на море вместе с родителями мне побывать не пришлось. Долгие пятнадцать лет детства, отрочества и юности мы отдыхали летом в средней полосе. Я скучала по морю. Иногда мне снился его прибой и качели волн. В одну из ночей вместо подготовки к вступительным экзаменам я грезила морем. Я слышала его плеск и чувствовала горячий песок под ногами. И тогда (от невозможности встречи) родились строки:

*И скинув в синеву морскую
Заботы непосильный груз,
Я никогда не затоскую
В краю малиновых медуз.*

БАБОЧКА

Я разбирала вещи близкого человека, квартира отходила городу. Книги, книги, с трогательными автографами и без, русская и мировая классика, пьесы Мольера на французском, открытки репродукций из Германии, Пушкин и Гоголь — в подарочном довоенном издании, между ними — бархатные старинные альбомы с фотографиями предков. По рассказам, я знала историю каждого. На большом фотопортрете Миша — его двоюродный племянник из Ленинграда, очень рано ушедший из жизни и очень похожий на моего покойного друга. На полках в антресолях старинные ёлочные игрушки, которых скопилось так много, что каждый год только часть их достаивалась украшать ёлку. Сам он ухитрился родиться на Старый новый год, и мы всегда отмечали его вдвоём... До последнего он не дожил чуть меньше месяца... На письменном столе под стеклом фотография его юной матери, у моря. В картонных коробках из-под печенья аккуратно связанные в стопки письма и открытки, некоторые датированы началом прошлого века... Переписка его бабушки и тёток, довоенные письма матери и бесконечные телеграммы на цветных бланках.

Всю жизнь он вёл дневники, фиксировал время прозой и стихами: что-то отпечатано на пишущей машинке, что-то просто записано от руки в блокнотах и на отдельных листочках... На этажерке долгоиграющие пластинки: первый концерт Чайковского в исполнении Вана Клиберна, отдельной стопкой — король советской эстрады, улыбающейся Аркадий Райкин, в синей, чудом сохранившейся бумажной упаковке фирмы мелодия, безмянные катушки магнитофонных записей.

В румынском серванте, как на витрине, чудесный чайный сервиз с розами на 12 персон — когда-то его мать мечтала о пышной свадьбе для единственного сына.

Куда это всё вывезти, кому подарить? Ветвь пресеклась, родственников не осталось. Знакомые вряд ли согласятся взять что-либо на память. Меня торопили с вывозом вещей

и разбором реликвий. И вдруг на полу среди бумажного хлама мне попала на глаза белая бабочка — маленький атласный бантик на резинке.

Я подняла её, поблѣкшую и бездыханную... и беспорядочный поток образов, звуков и ощущений недавнего прошлого наводнил пространство...

Последняя декада мая, когда бульвары и скверы Москвы буквально утопали в сирени, и мы, опаздывая, разыскивали здание, где был назначен очередной поэтический конкурс, белая бабочка, на удачу, так и сияла под воротником его рубашки. Сиреневые кущи сменяются то золотым листопадом, то снежной позёмкой, мы выходим из метро «Красные ворота». Через дорогу в старинном отреставрированном особняке, известном как Дом национальностей, большой концерт, мы там выступаем, благодаря заслугам руководителя нашего «Лито» — репатрированного грека.

Это бывало и в Малом зале ЦДЛ, и в гостиной княгини Зинаиды Волконской, и на разных других площадках и сценах Москвы, где изредка устраивали поэтические презентации и нас приглашали почитать собственные стихи. Незабываемый миг лёгкого волнения и радости, повседневности больше нет, и ты паришь высоко-высоко...

В лучшие годы внешность его напоминала молодого Аркадия Райкина. Тёмные волнистые волосы, красивое лицо, звучный голос. Он выходил на сцену и преображался, глаза сияли: «Клубника красная на белом блюде с зелёными листочками лежит...» Кто-то даже сочинил музыку на это стихотворение. Увы, ноты утеряны и композитор-любитель давно уже в лучшем из миров. Всегда на выступление он вместо галстука надевал эту белую бабочку. Мечта о признании? Многие дамы после выступления подходили к нему и просили подарить или продать сборник стихов с автографом.

Даже собираясь в санаторий, он спрашивал меня, а бантик взять? Бери, конечно, устройшь творческий вечер. Белый атласный бантик — бабочка души, такой одинокой и по-детски ранимой...

Елена ЗВЕКОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — 2 место в номинации «Малая проза» («Для детей и юношества»)

СОБАЧЬЯ ВСЕЛЕННАЯ ЦВЕТА РЕЧНОГО ПЕСКА

Всё в ней пропахло аристократизмом. От изгиба спины, неподвижности и того как она сидела, не шевелясь, на холодном тротуаре. Казалось, она даже не дышала. Всё — от цвета речного песка её короткой, прилаженной к телу шерсти — волосок к волоску — гладко струившейся вниз, отчего вся она казалась нереальной, слепленной из подножной глины пробежавшим мимо скульптором-мечтателем. Слепил ради собственного удовольствия или на заказ, это останется тайной, как и то, почему творение осталось здесь. Я смотрела вниз из-за того, что в глаза бил яркий свет частых фонарей. Всё время думаю, зачем их так много? Возможно, существуют загадочные нормы расстановки городских фонарей, созданные давным-давно, когда электричество ещё не было изобретено. Вместо сочного света — нервно мигающие газовые рожки, зажигаемые фонарщиками. И фонарщики, и старые фонари исчезли, а нормы остались.

Переливающийся свет фонарей разбавлялся голубым, белым, золотистым и красноватым отблеском от фар автомобилей, и всё это добавляло нереальности сидевшей неподвижной статуе, от которой я не могла оторвать взгляд. Но вот она шевельнулась. Повернула голову направо — медленно, столь медленно, что ни один волосок не шевельнулся на её породистом теле, столь медленно, как и положено даме самого благородного рода. Затем, так же не торопясь, вернула голову на прежнее место, не переступив длинными стройными лапами, не почесавшись, не напрягая эльфийских ушек, одно из которых было прострелено биркой волонтеров. За этот краткий миг я успела разглядеть белую полоску на выпуклом лбу — утончённую отметину, словно добавку истинного происхождения на гербах её семейства, как

и те цвета кофе с молоком ровные, вычерченные по линеечке полоски на внутренних сторонах передних лап. Она не была ещё совсем старой — можно сказать, она была на пороге тех дверей, что вот-вот откроются, а вся она целиком была в ожидании некоего, кого-то, того самого, кто спасёт от надвигающегося холода и дней, когда не удастся отыскать жирную косточку возле мусорных баков или встретить доброго самаритянина, что поделится с ней кусочком сочного беляша или просто ломтем хлеба.

Её тело сохранило упругую силу, подтянутость и нужную упитанность. Рёбра не выпирали, не выпадала шерсть, не текла слюна из красиво очерченной аккуратной пасти, а хвост был что надо — не слишком длинный и не слишком толстый. Всё то, что было отвратительным и гадким, то, от чего скоро все начнут отворачиваться, пряча и отводя глаза, торопясь шагнуть и обойти неприглядное, всё это находится там, за дверью, которая откроется через год или два. Время есть, конечно, оно есть, чтобы встретить того, кого она ждёт столь терпеливо. Его, кто играл с ней, когда она была круглым, симпатичным шариком, полным радости и энергии. Шариком, гонявшимся по парку за голубями и осенними кружившимися листьями, давно улетевшими за распахнувшуюся для них дверь.

Как? Как же он звал её, когда она убегала слишком далеко? Тут она снова повернула голову — подбородок на уровне, нос не опускать, но и не задирасть, ведь я ещё она, та, чьё имя... Но имя она никак не могла вспомнить. Только запах, который искала, а вернее просто ждала каждый вечер. Именно здесь он исчез, именно в это самое время, когда невидимый фонарщик зажигает фонари. Именно тогда, когда летят листья и неподвижно сидеть на тротуаре так холодно. Она помнила долгую поездку в этой штуке, где он не разрешал двигаться. «Сидеть!» И она сидела. Так же, как сейчас. Хотя никто её об этом не просил. Ведь это была его последняя команда. Он увидит, что она всё ещё слушает его и позовет её по имени, которое она сразу вспомнит. Он просто забыл открыть дверь и впустить её назад. Просто забыл, как она забыла своё имя. Теперь она просто собака.

— Эй, собака, держи!

И она держит. Не сразу. Она стала брать еду у чужих, когда голод превратился в злобного монстра, которому пришлось подчиниться. Один раз подчинившись ему, она стала брать и держать. Здесь, возле больницы эти чуждые ей запахи добры. Она не знала, почему они добры, как не знала и того, что здесь находится больница. Знала только, что здесь её покинул его запах. Наверное, спешил к «Милой», а потом потерялся. Он, конечно, нашёлся и возвращался, но её не было. Наверное, в тот самый день, когда он вернулся за ней, её похитили те, со странным, бьющим в нос противным запахом, от которого она долго ничего не могла вспомнить. Запах исчез, как исчезли и они, маленькие комочки, что уже резвились и толкались в животе.

А левое ухо чуть побаливало из-за штуки, которая никак не хотела убраться. Все попытки стряхнуть, свалить лапой, потереть ухом о бетон и землю не помогали. И она смирилась с присутствием странной штуки на ухе, как смирилась с отсутствием маленьких комочков.

Троллейбус всё не появлялся, маршрутки исчезли, а я словно радовалась этому, хоть и замёрзла в лёгкой ветровке, так необдуманно надетой днём вместо утеплённой куртки. Холод просачивался в уставшие мышцы, и я мечтала о тёплом салоне не появлявшегося троллейбуса и о горячем душе, в который ринусь непременно сразу, едва переступлю порог дома. И всё же я действительно радовалась и не хотела уезжать, пока мы сидели здесь — я в ожидании тепла, она в ожидании того, что исчезло. И вдруг метры, десятки метров, сотни, километры чёрно-белой плёнки зажужжали, замелькали кадры, и за десятки секунд я увидела чужую вселенную. Как быстротечны они — годы собачьей жизни прожиты мной всего за несколько мгновений. Эйнштейн! Что ты недосказал нам? Какую тайну скрыл о времени и пространстве? А может, ты и не скрывал? Может, мы столь глупы и невежественны, что ничего не поняли?

Она нервно встрепелулась словно отвечая на мой вопрос. Грация её исчезла вместе с резким движением. Из-под красивого хвоста вытекала жидкость, от которой она тщетно пыталась избавиться, от ледяного бетона взвился лёгкий пар. Последняя струйка закончилась прозрачными каплями, и я увидела, как невидимая дверь слегка приоткрылась — совсем чуть-чуть, не более пары миллиметров. В отличие от белоснежного «Мерседес спринтера», чья дверца легко отошла в бок, вытолкнув молодого мужчину в сером драповом пальто и тёплых ботинках. Дорогие вещи, я сразу это поняла, хотя сама одевалась в секунд-хендах и комиссионках. В такое же дорогое, как у мужчины, пальто, но только белое, была одета девушка. Она опёрлась на руку рыцаря и легко, несмотря на то, что была обута в ботинки на толстой армейской подошве, выпорхнула из тёмного салона. И вдруг! Хвост заходил по щенячьи, позабыв о приличиях в благородном семействе, все манеры полетели к чертям собачьим — она узнала этот запах. Нос уткнулся в мягкий белоснежный ворс.

— Пшла, пшла прочь!

Из-под серого пальто приподнялась нога в начищенном ботинке. Нет. Больно ей не было, то есть было, но не в боку. Боль прошла в сердце, и всё же она, отшатнувшись, осталась стоять и продолжала вилять хвостом и втягивать поднятым кверху носом её аромат. Аромат «Милой». Так пахло в его квартире, когда «Милая» приходила, а её выставляли за дверь — гулять. И она гуляла. Одна, если не считать голубей и жёлтых кружившихся листьев. А потом... Потом он забыл её здесь и потерялся. Если бы она могла говорить, она бы спросила «Милую», где он и почему она не с ним, а с этим сердитым ботинком? И ещё, может, «Милая» знает, где он? Но «Милая» не смо-

трела в её зовущие глаза, а просто прижалась к чужому серому пальто, и вместе они смотрели в странную штуку, из которой раздавался голос невидимого фонарщика. Хвост перестал ходить из стороны в сторону, опустился на отведённую линию на тротуаре, лапы чётко и ровно, спина в нужном изгибе по градусу, нос... вот только нос смотрел вниз, пытаюсь... Что он пытался учуять, на что надеялся? Среди миллионов запахов она отыскивала сегодня тот, который знала, но это её не спасло от двери, что скоро распахнётся настежь. Годы, минуты, секунды — собачья жизнь во Вселенной, которую никто не заметит. Миг — и я, и все, кто уже давно пританцовывал на остановке рядом со мной возле яркого, пахнущего старой выпечкой магазинчика с оранжево-красной вывеской «Свежий хлеб», все ринулись в тёплый салон запоздалого ночного троллейбуса, оставив за мягко закрывшимися дверями неподвижно сидящую Вселенную цвета речного песка.

Светлана ЧИЖОВА (г. Полоцк Витебской области, Беларусь) — 3 место в номинации «Малая проза» («О жизни и любви»)

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

*Я уношу в своё странствие странствий
Лучшее из наваждений земли...*

— Любимый, просыпайся...

— М-м-м... Ещё немного... Сегодня же выходной.

— Вставай, вставай. Вспомни, мы мечтали о путешествии в нашу незабываемую юность. Так вот, я уже собрала чемоданы. Пока ты спал, я заказала и оплатила билеты. Мы ведь много раз пытались приобрести билеты. Даже накануне, я проверяла, не было мест. А сегодня утром — сразу два места свободных. Правда, в разных купе, но зато оба нижние.

— Видимо, кто-то отказался от южного странствия и сдал их.

— Ну, что ж, давай попробуем приблизить мечту. Наши пенсии позволяют. Дети в достатке, живут своей жизнью, далеко, и нас ничто не держит. Собирайся быстрее. Нам ещё предстоит добраться до Вельска.

— Да, дорогая, я почти готов. Документы у тебя? А мои шорты и кепка? Взяла что-нибудь почитать?

— Я всё упаковала. Причём твои вещи в красном чемодане, мои — в зелёном. Автобус из Ровдино через три часа. К вечеру доберёмся.

— Мы ещё успеем позавтракать.

— Да, я приготовила куриные отбивные, как ты любишь, в кляре. И салат.

— Вот и чудненько.

...К станции мы подъехали без происшествий и вовремя. Поезд дальнего следования — транзит, стоянка у него короткая. До отправления всего полчаса. Впрочем, нам и нужно лишь заскочить в магазин за хлебом и сладостями к чаю. В продмаг отправилась я и справилась быстро. Вагон мы нашли беспрепятственно. Благо, поезд подошёл без прогнозируемого опоздания. Мой муж заботливо внёс чемоданы, зелёный оставил в ближайшем по ходу купе — место 13. Сам направился в дальний конец вагона. Вскоре вернулся, достал с верхней полки матрас и застелил бельём. Вместе мы поужинали, и мой милый, поцеловав меня и пожелав спокойной ночи, ушёл на своё 29 место.

Утро выдалось солнечным и радостным. Привычным поцелуем увенчалось моё пробуждение. Ясный день мы провели, почти не расставаясь.

Соседи по купе оказались доброжелательными и общительными, не в пример попутчикам мужа. Второй день был также насыщен совместным общением, шутками и лёгкими разговорами. Вечером я рано улеглась спать. Почитав и разрешив несколько головоломок экспертных судоку, как-то незаметно уснула. Мой любимый не торопился к завтраку, и я занялась стихами. Пишу много лет, печатаюсь, участвую в различного уровня поэтических конкурсах и, по сути, живу Поэзией.

Не дождавшись своей дорогой половинки, заглянула в его купе. Соседи у него поменялись, а точнее — их сменили соседки. Там царило весёлое оживление, и общая трапеза занимала умы и чувства участников. Мой драгоценный был неоспоримым центром внимания и всеобщей опеки. Не стала мешать честной компании. Ретировалась так, что моего присутствия милый даже не заметил. Не беспокоила его и к обеду, а ужин и сама проигнорировала. Он не спешил и проститься перед сном. У них в купе не смолкало веселье. Проходя ночью мимо купе мужа, обратила внимание, что он спит на верхней полке, а нижнюю занимает миловидное юное создание.

Подъезжая к конечной станции южного города К. ранним утром, увидела сначала край знакомого красного чемодана, а затем счастливое лицо своего неизменного спутника. Как ни в чём не бывало, он улыбался, желая доброго утра и заботливо оберегая, предупреждал мои скупые желания. Я старалась не демонстрировать разочарованного взгляда и ничего не значащими фразами разбавляла невольное смущение. Внешне, казалось, ничего не изменилось в отношениях двоих. Супругов.

Отдых шёл своим чередом, не нарушая моих относительно радужных ожиданий. Погода баловала. Море было тёплым и ласковым. В очередной раз искупавшись и выйдя на берег почти безмятежной, остановилась как вкопанная. Мой загорелый мачо широко улыбался склонившейся к нему в соблазнительной позе молодой, цветущей блондинке в более чем откровенном бикини. Что-то знакомое... Осенило! Это же та пассажирка, которой он уступил место в вагоне! Ну и что такого? Джентльмен, благородный мужчина, поступил по-мужски, даже плюс его галантности. Но... Как же они встретились на этом отдалённом от шумных курортных тусовок, тихом посёлочном пляже степенных семейных пар? Как? Да проще простого! Мой единственный дал адрес нашего пребывания — знал же, что мы едем в посёлок нашего с ним знакомства и первого свидания.

Как давно это было. Около тридцати лет прошло, и мы впервые выбрались по следам памяти. И вот на тебе, получи! С окончанием военной службы отсутствие серьёзных интересов повлияло на характер мужа. После отставки он изменился в сторону эгоистичной беспечности. Впрочем, командирские замашки остались прежними, в непогрешимой своей правоте... Эксцесса в поезде мы не коснулись даже намёком. Он не вспоминал поездку. Я упорно молчала, не выказывая удивления происшедшим. Но когда и этим вечером он обошёл молчанием «нечаянную» встречу с соседкой по купе, я очнулась.

*Земля уходит из-под ног.
Ну, как же ты... ну как ты мог?
Теряют значимость слова.
Ещё живу. Ещё жива.
Но цепью сковывает круг. —
Смятенье? Жалоба? Испуг?
Как воздух тяжёк сердцу вдруг.
Как истребителен недуг.*

Ранним утром, забрав свой зелёный, я, не оставив записки, отправилась на вокзал. И уехала.

*Нет, невозможно... Даже ты?
И ты? — На всех других похоже
Ей поклоняешься — пусты
Слова. Но льдинкою по коже,
Царапаясь и мороза,
Переплавляются и тают,
Доверчиво к земле скользя,
И воздух осени глотают.*

Прошло полгода.

Я перебралась в зимник дома моей прекрасной, горячо любимой мамы Нюры — в маленькую комнату с одним утеплённым окошком и полатами под потолком.

Вакуум... Надо забрать к себе маму. Сколько ей зимовать в Пороге, деревне на угорье за рекой. К ней из Ровдино не простой путь местами по бревенчатой гати через болота, потом на лодке через широкую бурливую Вагу. Обрато не всегда легко дозваться перевозчика. А с гостинцами — и ноша тянет к земле, и мрачноватая природа давит светлые мысли. Конечно, в уютной деревне Порог дом знатный, рубленый на века, с печкой русской роскошной, где моя любимая бабушка Лиза пекла за раз несколько противней белых и ржаных шанежек. Иногда, выметая начисто золу, прямо на дно горнила выкладывала аппетитное тесто, окутывая ароматом печенева окружающих. А потом румяные, раскладывала в рядочек, накрывая полотенцами, после чего мазала сливочным маслом, макая в миску кисточкой из птичьих перьев, посыпала толокном и снова щедро поливала растопленным маслицем. А какие рыбники: в коричневатом с поджаристой корочкой обрамлении целые рыбы, зачищенные по краям красивым узором, как рама с картинкой. Дедушка Фёдор ловил рыбу с завидным постоянством для всей семьи. А посвящал улов непременно своей жене. Удивительно тонкие отношения соединяли эту волшебную пару — самодостаточного, уверенного в себе хрупкого мужичка с надёжным внутренним стержнем и маленького росточка милую девушку-женщину, сиротинку до замужества, родившую в браке трёх сыновей и двух дочек.

Моя незабвенная Лизавета певала:

*Сухой бы я корочкой питалась,
Холодну б воду я пила,
Тобой бы, мой милый, наслаждалась,
И тем довольная была...*

Дом высокий со ступеньками на широкое крыльцо. Под окном черёмуха — горько-сладкие чёрные ягоды с косточками. А сосновый бор — с лисичками и белыми. Лисичек местные и не собирают почти,

называя их поганками. Неподалёку болото с морошкой, розовато-жёлтой, сочной, с неподражаемо вкусенькой, мясистой консистенцией крошечных шариков-ячеек. Похожая на крупную малину или ежевику, нежнее по цветовой гамме и свежее, прохладнее на вкус. А луга — полевые цветы, разнотравье в пояс пологом окружают песчаные плёсы. Буны из обрезных брёвнышек, накрепко сцепленных тросами, глубоко врезаются в ширь реки, плещутся, качаясь течением. Огромные понцы — рогатые из жердей конструкции для ловли рыб, как пауки, на четырёх ходулях. Стоят часовыми в воде. И течёт водная стихия, впадая в Северную Двину, и далее — в Белое море.

Крутой спуск к реке, подъём противоположного берега, одинокий любимый дом и за ним лес и болотная топь. Но... за рекой — дорога в большой мир.

*Снова осень ковёр растелила цветистый,
Наступает невинным своим башмачком
На декабрь, что покровом искристым — пречистый —
Невозможно сравнить — разве что с молоком
Звёздной россыпи яркого зимнего неба,
Под пятой — серебристую солью земля.
Скоро праздники с нежной ковригой хлеба,
И рождественский звон, и печаль хрусталя.*

Не однажды хотелось бросить всё и уехать, например, в Беларусь, на родину отца у Западной Двины. Воспоминание затянуло мысли в их с мамой молодость, когда служивший на Северном морском Флоте белорус, бегал на свидание за двадцать километров в посёлок Сельцо, где мама работала учительницей. Туда и обратно, успевая из увольнительной на срочную службу. Предопределено: Анна + Анатолий. Совпадение буквенное имён поразительно. Кстати, у нас с мужем — тоже.

*Эта осень отметилась светом
И теплом, до конца октября,
Я ждала тебя нынешним летом —
Даже осенью, видимо, зря.
Отцвели календарные сроки,
На палитре природы — снега
Белой россыпью так одиноки,
Что пускается ветер в бега.*

И надо бы поехать. Но... как я без этих дощатых тротуаров, лесных тропинок, больших снегов, вдалеке от мамы... Главное, без надежды, что рано или поздно он возвратится, мой Любимый.

И он вернулся. Поселился на летней половине дома, его и моего — нашего дома, общего в течение двадцати пяти лет. Мама оформила дарственную. Замок я не меняла. Тягуче потекли сложные непредсказуемые дни. Мы как бы не замечали друг друга.

Он пришёл ко мне согбенный, с застенчивым грустным видом и тихим, едва слышимым, дрожащим, прерывающимся голосом сказал:

— Прости, моя любимая. Ты помнишь, я называл тебя своим Северным сиянием. Ты и есть моё сияние, с такой же неуловимой, завораживающей огнём красок трепетной аурой, вибрирующей в унисон со светлыми чувствами Вселенной. Моей вселенной, центром которой никем непревзойдённым, незаменимым — ты. Прости меня.

«Бог простит...» — думалось ответить на эту витиеватую, явно продуманную, речь.

*Вопреки моему неверью,
Вопреки и любви, что была,
Ты стоишь за моею дверью,
Умоляя, чтоб я не гнала.*

*Сколько будней вонзало жало,
Сколько праздников падало в тень,
Разве я нелюбовь провожала
В тот ненастный последний день?*

*Боль вот только ушла с дороги,
Я её не желала знать.
Ты теперь на моём пороге —
Не принять, не обнять — ни прогнать.**

За окном свистел неугомонный нордический ветер. На грани крика. Вьюга подвывала диким подголоском. Метель заносила снежной крупой дороги и ступени высокого крыльца тёмного дома на краю любви, осиянной разноцветием Северного сияния.

*Авторская орфография и редакция

Елена ДАНЬШИНА (г. Севастополь, Россия) — 3 место в номинации «Малая проза» («Для детей и юношества»)

ЗЕФИРНАЯ СТРАНА

сказка

1.

Жила-была девочка Лиза восьми лет. Больше всего на свете она любила маму, бело-розовый зефир и Новый год, а ещё Деда мороза, который всегда клал под ёлочку огромную коробку зефира.

Однажды в предновогоднее утро Лиза проснулась очень рано. Она выбралась из-под тёплого одеяла, взобралась на высокий стул и стала дышать на покрытое морозными узорами оконное стекло, чтобы в нём появилась проталинка и возможность выглянуть во двор. За окном было ещё темно, лишь белели высоченные сугробы, накрывшие розовые кусты в палисаднике, да серебрились от инея ветви деревьев, подсвеченные уличным фонарём. Из труб соседних домов шёл дым — это топились жаркие печи. Ведь сегодня многие хозяйки встали пораньше, чтобы испечь новогодние пироги. А ещё она увидела, как дедушка, вставший раньше неё, расчищает от снега дорожку к калитке.

От окна Лиза побежала в гостиную и, распахнув дверь, ахнула — посередине комнаты стояла высоченная красавица-ёлка, украшенная разноцветными шарами, шишками, золочёными орехами, фонариками и бусами. Наверное, её принёс ночью Дед Мороз. Лиза захлопала в ладоши, запрыгала от счастья и, на всякий случай, заглянула под праздничную ёлочку. Но там было пусто. Значит, подарки Дед Мороз ещё не приносил.

Потом Лиза отправилась в прихожую, где сунула босые ножки в валенки и надела прямо поверх пижамы шубку. Дело в том, что она уже несколько дней ждала пригласительный билет на новогодний утренник и по несколько раз за день бегала к воротам, чтобы проверить почтовый ящик. Но и сегодня приглашения не было.

— Кто ж его ночью принесёт? — заметил дедушка, когда огорчённая Лиза возвращалась от калитки с пустыми руками. — Погоди чуток, к обеду почтальон обязательно придёт с газетами да письмами. А может, и с поздравительной телеграммой!

Весь день в доме пахло пирогами, мандаринами, царила предпраздничная суэта. В гостиной раздвинули большой стол, расстелили на нём белую кружевную скатерть, расставили красивую посуду и ароматные свечи. На окна, поверх тюлевых штор, повесили весело мигающие разноцветные гирлянды. Вся семья Лизы любила Новый год и старалась украсить свой дом, накрыть щедрый стол.

Перед обедом Лиза снова побежала через заснеженный двор к почтовому ящику. Пошёл снег, и крупные снежинки запорошили лёгким пухом дорожку к воротам, расчищенную утром дедушкой. Девочка распахнула дверцу и заглянула в тёмные глубины ящика, на котором под двумя скрещенными почтовыми рожками крупными буквами было написано: «Денно и ночью движется почта». Письма с пригласительным билетом опять не было, но в полутьме ящика Лиза заметила какое-то шевеление. Она вгляделась внимательнее и увидела большущего жука изумрудного цвета с длинными усиками. Девочка протянула руку, чтобы потрогать насекомое, но жук зашипел, затрещал жёсткими крыльями, и Лиза явственно услышала: «Вини-види-кир!». Она отёрнула в испуге руку и хотела захлопнуть дверцу ящика, но жук активно закопошился, расправил крылья и вылетел из своего убежища. Сделав два круга над головой изумлённой девочки, он сам нырнул в карман её шубки.

В доме всем было не до Лизы. Она проскользнула в свою комнату, скинула шубку и потрясла ею над столом. Жук вывалился из кармана, громко стукнулся о стол и быстро перевернулся со спинки на лапки. Лиза снова протянула руку и опять услышала: «Вини-види-кир!», отчего рука её словно онемела. Девочке стало по-настоящему страшно.

«Сейчас возьму веник и вымету тебя на улицу», — подумала Лиза. Но раздался скрипучий голос:

— Не надо выметать меня на улицу. Там очень холодно.

— Это кто говорит?

— Я, жук. Меня зовут Колеоп.

— Но ведь жуки не разговаривают!

— Я не простой жук, а волшебный. Я прилетел за тобой, Лиза.

Меня прислала Принцесса Кира.

— Принцесса Кира? Кто она такая?! Откуда эта Кира знает меня?

— Скажи, что ты любишь больше всего на свете?

— Маму и бело-розовый зефир! А ещё Новый год...

— Принцесса Кира — моя госпожа и хозяйка Зефирной страны, и ей нужна твоя помощь.

— Разве есть такая страна?

— Полетели со мной, сама увидишь.

— Но как же я полечу? Меня мама не отпустит. Да и летать я не умею...

— Никто и не заметит твоего отсутствия. Мы улетим вечером, а утром ты уже вернёшься домой. Соглашайся, Лиза. Моя госпожа очень тебя ждёт!

— Хорошо, — подумав немного, согласилась Лиза, — я помогу Принцессе Кире, если смогу.

Когда взрослые сели за новогодний стол, а Лиза была уложена спать, она потихоньку выбралась из кровати и оделась. Жук сидел на подоконнике и потрескивал крыльями, расправляя их для полёта.

— Я готова, — сказала Лиза. — Но как же мы полетим?

— Я отнесу тебя, — ответил Колеоп. — Только открой пошире форточку.

Жук подлетел к девочке, сел ей на плечо и коснулся длинным усиком её щеки, произнеся своё: «Вини–види–кир!». Лиза почувствовала, как она начала уменьшаться, и скоро стала не больше мышонка. Она увидела свои комнатные тапочки на коврик у кровати — огромные, словно корабли. «Садись скорее мне на спину, — сказал жук. — Нам пора лететь».

Лиза утробилась на бархатистой спинке жука и ухватилась за его усики. Жук присел на край форточки, потрепал перепончатыми крыльями, и они полетели через двор к почтовому ящику. Жук протиснулся в щель для писем и приказал Лизе:

— Зажмурь крепче глаза.

2.

Когда Жук разрешил девочке открыть глаза, светило солнце. Было очень тепло и пахло цветами, потому что они летели над цветущим лугом. Лизе очень хотелось расстегнуть жаркую шубку, но она боялась разжать руки, которыми крепко держалась за изогнутые усики жука. Вскоре впереди показался прекрасный бело-розовый дворец. Колеоп опустил на площадку перед высокими ступенями, и Лиза увидела, что дворец построен из... зефира.

— Слезай! — скомандовал жук.

Он встал на задние лапки, взял девочку за руку, и они поднялись по ступеням к дворцовой двери. А навстречу им уже спешила прекрасная золотоволосая девушка в белоснежном платье с отделкой из розовых кружев. У неё были большие, но очень грустные серые глаза с длинными ресницами.

— Здравствуй, Лиза. Меня зовут Принцесса Кира. Спасибо, что согласилась помочь мне и моей Зефирной стране. Сейчас мы с тобой выпьем чая с зефиром, и я расскажу тебе о нашей беде.

Принцесса пригласила Лизу в ажурную леденцовую беседку на берегу ручья. Они стали пить ароматный цветочный чай, который

подавали им стрекозы и бабочки. Лиза ела зефир, а Кира рассказывала, как к ней посватался ужасный правитель Осинового королевства, злой и коварный король Стинг. Принцесса отказалась стать невестой короля ос. И теперь каждый день полчища полосатых ос-солдат совершают налёты на Зефирную страну. Они разрушают города и уводят в плен жуков-воинов. Спасти сладкую страну могут только волшебные сети, которые плетут в Паучьем царстве.

— Лиза, только ты можешь помочь нам защититься от страшных ос. Для этого тебе нужно будет отправиться в Паучье царство к Царице Аранее и уговорить её дать нам эти сети, — сказала юная Принцесса.

— Но я очень боюсь пауков, — испуганно ответила Лиза.

— Я тоже их боюсь. А мои подданные — жуки, стрекозы и бабочки — тем более. Только тебе это по силам. Я знаю, что ты храбрая девочка. Пожалуйста, помоги нам.

— Помоги, помоги нам, Лиза, — затрепыхали крылышками порхающие над беседкой бабочки и стрекозы.

Лизе было очень страшно, но она всё же нашла в себе силы и согласилась помочь бело-розовой Зефирной стране и её жителям.

3.

И вот девочка снова отправилась в путь верхом на жуке Колеопе. Сначала они летели над цветочными лугами и звонкими ручьями, потом над зелёным лесом. Солнца становилось всё меньше, — они приближались к Паучьему царству. Когда совсем сгустились сумерки, девочка увидела высокий мрачный дворец. На голых деревьях, растущих вокруг дворца, клочьями висела серая паутина.

Колеоп опустил Лизу на землю недалеко от дворца. Он дрожал от страха и поскорее спрятался в нору под старым пнём. Лиза неуверенно направилась к ступеням дворца. Земля здесь была устлана мягкой сухой паутиной — серой, шелковистой и переливчатой, как туман. Девочка поднялась во дворец, где с потолка свисали длинные гофрированные паутинные нити. Она осторожно пробиралась между ними, боясь коснуться клейких паутинок, и вдруг услышала грозный шипящий голос:

— Кто ты? Что делаешь в моих покоях?

И тогда девочка увидела стоящий в тёмном углу высокий трон, на котором восседала восьмилапая Царица Аранья. Она беспрерывно плела серебристую клейкую паутинную сеть, почти как лизина бабушка вязала носки. Паучиха была такая огромная, по сравнению с Лизой, что девочке стало очень страшно.

— Ну, что скажешь мне, человек? — снова прозвучал страшный голос.

Лиза набралась храбрости и представилась.

— Зачем пожаловала?

— Мне нужны ваши волшебные ловчие сети.

— А с какой стати я должна их тебе дать? Что хорошее ты сделала для меня и моих подданных?

Лиза задумалась. Она не знала, что сказать. Но ведь Принцесса Кира ждёт помощи. Нужно было что-то отвечать. И вдруг Лиза вспомнила, как осенью они с бабушкой делали уборку в доме. Бабушка смела веником паутину из всех углов вместе с её обитателями и хотела бросить в горящую печь. Лиза вступилась за безвредных домашних паучков, которых все дети с их улицы называли «часиками». Она выпустила пойманных паучков в чулан, где те расползлись обживать новые углы и ловить моль. Эту историю и рассказала Лиза паучьей царице. А ещё рассказала о беде, которая обрушилась на Зефирную страну.

Выслушав Лизу, паучиха помолчала, а потом приняла решение:

— Так и быть, человечек, я дам тебе волшебные сети для спасения Зефирной страны.

Королева отпустила девочку, пообещав, что через три дня её подданные доставят сети в зефирный дворец.

Лиза верхом на жуке Колеопе вернулась к сероглазой Принцессе с доброй вестью. А спустя три дня пауки-солдаты принесли волшебные сети и растянули их над Зефирной страной. Теперь злые осы больше не могли совершать набеги на владения Принцессы Киры.

4.

Юная принцесса устроила в честь Лизы бал. Сверчки, цикады и кузнечики играли на скрипках и флейтах. Стрекозы подавали чай с зефиром. Бабочки расставили во дворце прекрасные букеты из ярких полевых цветов. Когда стало вечереть, важные жуки, одетые во фраки, развесили разноцветные фонарики, в каждом из которых сидел светлячок. Гусеницы-шелкопряды соткали тонкую шёлковую ткань, из которой Лизе сшили розовое бальное платье со множеством оборок. Все танцевали и веселились. А когда бал окончился, Принцесса Кира поцеловала Лизу на прощание, и изумрудный жук Колеоп отнёс девочку домой. В полёте она сладко уснула, убаюканная потрескиванием перепончатых крылышек жука.

Утром Лиза открыла глаза в своей кровати. На столе у окна она увидела конверт с пригласительным билетом на новогодний утренник. В комнату зашла мама и с улыбкой сказала:

— Доброе утро, дорогая. Ты не хочешь заглянуть под ёлочку? Кажется, ночью приходил Дед Мороз...

Лиза быстро отбросила край одеяла и побежала босиком в гостиную, к ёлке. В окно заглядывали тонкие солнечные лучики, и ёлочные игрушки сверкали, словно драгоценные камешки, зелёными изумрудами, красными рубинами, жёлтыми топазами, синими аметистами. Под ёлкой Лиза увидела огромную коробку зефира. На её крышке были нарисованы бело-розовый зефирный дворец, яркие цветы, нарядные бабочки и большой изумрудный жук.

Любовь БОБИНА (г. Томск — г. Феодосия, Крым, Россия), гостья фестиваля — Приз зрительских симпатий в номинации «Малая проза» («Для детей и юношества»)

ИНСТИНКТ

С черёмух облетал последний цвет. Мелкие лепестки устлали белым, похожим на редкий первый снег покрывалом, начинающую пробиваться зелёную траву. Весна расплетала свои косы. На берёзах закачались серёжки и, наконец-то, наступало летнее тепло. Птичий щебет заливисто вещал о приближении новой жизни.

По ещё неспаханному огороду бродила индюшка. Она готовилась стать матерью. Нанесла яиц и вот-вот собиралась сесть на гнездо. В этот последний перед долгим сидением день большая белая индюшка грелась и наслаждалась моментом уединения. Пощипала пробившуюся мягкую травку, искала жучков-паучков, выползших после долгого зимнего заточения на свет. Довольная и сытая, она взъерошила и без того мягкую, хорошо удобренную почву и улеглась. Сморгенная ласковой тёплой негой, индюшка вытянула свои длинные ноги и закрыла от блаженства глаза.

В это время мимо огорода пролетала сорока. Описав над ним круг, она заметила большое белое пятно, ярко выделяющееся на чёрной земле. Сорока села на росший неподалёку куст черёмухи и стала наблюдать за этим пятном. Перелетая с ветки на ветку, она всё ниже и ближе спускалась к спокойно спящей индюшке.

Пятно не шевелилось. Сорока слетела с черёмухи и, описав ещё один круг, села неподалёку от пятна. Наклоняя голову то влево, то вправо, она пыталась с разных сторон разглядеть это пятно и решить: «съедобно или несъедобно?»

Манящее пятно было неподвижно! Любопытная птица сделала несколько прыжков к нему и опять остановилась. Внимательно понаблюдав и решив, что сегодня удача ей улыбнулась: «Наконец-то будет отличный обед!» Сорока, видимо, решила, что сначала она сама

поест, а уж потом сообщит и всей своей большой семье, гнездившейся неподалёку в берёзовой роще за огородом. Осмелев, она подлетела совсем близко. Пятно не подавало никаких признаков жизни. От радости сорока захлопала крыльями и стала подпрыгивать на месте. В очередной свой прыжок она опустилась рядом с индюшкой. И только счастливая белобока собралась отведать вкуснейший обед, как индюшка открыла глаза и вскочила на ноги!

Обезумевшая от неожиданности сорока присела и несколько секунд смотрела на ожившее мясо. А индюшка уже заносила клюв над головой наглой птицы. В один миг оцепенение улетучилось, сорока увернулась от удара, но страшный звук хлопающих крыльев индюшки, ее клёкот окончательно повергли сороку в шок. Она попятилась от ужасного белого чудища, в которое превратился ожидаемый вкусный обед и, развернувшись, побежала от него.

Индюшка бежала за сорокой, громко хлопая крыльями и грозно кричала: «Кулды-ы-ы! Кулды-ы-ы!». Сорока, видимо, от испуга, совершенно забыла, что умеет летать, и бежала по огороду довольно долго. Неизвестно, удалось бы ей убежать от настигающей страшной птицы или нет, если бы в очередной раз, прыгая всё быстрее и быстрее, она не взмахнула крыльями и не полетела.

Только взлетев, сорока возмущённо застрекотала, описала круг над огородом, над своим несостоявшимся обедом и полетела в сторону гнезда на окраине болотца в берёзовой роще.

Гордая и довольная индюшка спокойно вышагивала по огороду, возвращаясь назад. Она точно станет хорошей мамой!

Рушан ПИЛОСЯН (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, прозаик, переводчик, журналист, председатель Союза крымских армянских писателей, главный редактор общекрымского русскоязычного журнала «Наш Крым». Один из основателей, автор и ведущий двуязычных историко-культурологических («Аракял луйси»), музыкально-литературных («Сердце моё в горах») и музыкальных («Гандзер») программ на Крымском телевидении. Заслуженный журналист Автономной Республики Крым.

Постоянный член жюри конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

МАТ ЛЕГАЛЯ

(Рассказ из книги «Клочки памяти»)

Мат Легалья — красивая и быстрая шахматная партия, которой до сих пор восхищаются любители шахмат. Впервые он встретился в партии Легаль — Сен Бри (Париж 1750 г.), откуда и получил своё название. Всего семь ходов, и Легаль, который играл белыми, объявляет мат чёрному королю, до этого пожертвовав своего ферзя.

Но эта история, дорогой читатель, не о деталях той партии и её участниках. Цитата из Википедии преследует определённую цель — не позволить, чтобы вы впали в глубокие размышления, более того, гадали на кофеной гуще, о каком пальце шахматиста Легалья — указательном или о мизинце — идёт речь? Разговор пойдёт о шахматном мате, а не о чьём-то пальце*.

Теперь, когда вам всё ясно и понятно (вроде бы), позвольте перейти к преамбуле рассказа...

В средней школе армянского села Личк все мужчины, без исключения, играли в шахматы, независимо от того, сильно или слабо они играют, вообще, умеют играть или просто выучили шахматные ходы и считали себя шахматистами.

В учительской было две шахматные доски, которые почти всегда были «в игре». Те учителя, которые имели свободные часы или уже закончили свои уроки, не спешили домой, пока не сыграют пару партий. Это называлось «расслабиться после тяжёлого рабочего дня». Особенно интересно было наблюдать за такой разрядкой во время перемен, когда за пять минут участники успевали сыграть две партии. Такие блицпартии ещё не играл ни один гроссмейстер.

Некоторые учителя, имеющие врождённый талант к шахматам, играли очень хорошо и смогли бы выполнить норму кандидата в мастера или даже мастера спорта по шахматам. Среди них особенно отличался завуч школы Санасар Петросян, которого практически невозможно было победить. Он думал очень быстро и порой играл просто блестяще. Иногда, сражаясь со слабым игроком, позволял себе убрать какую-то фигуру, скажем, ладью или слона, и всё равно побеждал его. Другими словами, он был на голову выше всех остальных.

Я тоже поддался этой «шахматной эпидемии». Но, в отличие от других слабых игроков, никогда не «скрещивал свой меч» с сильными, заранее зная, что потерплю сокрушительное поражение. В то же время, с удовольствием следил за игрой сильных и сражался с теми, кто играл, как я.

Чуть отходя от главной темы, скажу, что я ещё с детства любил эту мудрую игру, всегда следил за международными турнира-

*Игра слов. «Мат» в переводе с армянского означает палец.

ми, особенно за поединками за мировую корону. В какое-то время я был настолько поглощён шахматами, что купил книгу «Шахматные миниатюры» и решил серьёзно заняться шахматами. Я изучал различные дебюты и партии известных шахматистов. Именно в этой книге я прочитал о мате Легалья. Мне этот мат так понравился, что я запомнил наизусть все ходы этой партии и ждал удобного случая, чтобы применить его. Но здесь был один нюанс, условие, без которого невозможно сыграть эту партию: я должен был строго следовать ходам Легалья, а мой соперник — ходам Сен-Бри.

И вот однажды такая возможность мне представилась.

Была суббота, уроки уже закончились, но группа учителей, в основном сильные игроки, в том числе Санасар Петросян, проводили очередной шахматный турнир. Точнее, Санасар по очереди играл со всеми и обыгрывал одного за другим. В этот день свои партии с Санасаром не могли свести вничью даже сильные игроки.

Я, как всегда, когда играли сильные, был в роли зрителя. Повторюсь: мне просто интересно было следить за игрой. Не было исключением и этот день, и я не менее Санасара получал огромное удовольствие.

Наконец, все повержены. Санасар на седьмом небе и в ближайшее время не собирался спускаться оттуда. Шутка ли, за один час выиграть у шестерых?

— Кто остался? — после шестой победы спросил Санасар и огляделся вокруг.

Остался я, но я «свой ум не ел с хлебом», чтобы сразиться с чемпионом школы. Где я, где он! Я был убеждён, что такая встреча невозможна во всех случаях. Но провидение приготовило мне иную судьбу.

— Не хочешь попробовать свои силы? Не бойся, давай сразимся! Хочешь, я буду играть чёрными фигурами, без ферзя или без двух ладьей? — дерзким и ироничным тоном предложил мне Санасар.

Это уж слишком! Такой наглый вызов для меня был оскорбителен, и как бы не закончилась партия с Санасаром, я должен был принять вызов, чтобы сохранить самоуважение. Но как это сделать — победить чемпиона? И тут я вспомнил о мате Легалья! Подумав несколько секунд, я принял решение и, скрывая недовольство, спокойно сказал, придав голосу презрительный тон:

— Я буду играть с тобой, господин гроссмейстер, только если ты выполнишь все мои условия.

— Интересно, слушаю тебя! — проговорил Санасар, поражённый моей смелостью.

— Во-первых, не надо давать мне фору! Во-вторых, нельзя отдавать ход назад, мы должны играть, соблюдая все правила шахмат. Далее, я буду играть белыми фигурами и, наконец, играем только одну партию.

— Принимаю все условия, — сказал Санасар, очень довольный моим неожиданным согласием. — Ну что, расставим фигуры?

Он уже праздновал предполагаемую победу и наслаждался этим счастьем.

— Расставим! — ответил я.

Я расставлял фигуры и думал: «Нужно наказать чемпиона. Пришло время мата Легалья, надо разыграть эту партию, и первой жертвой станет Санасар. У меня нет другого способа, чтобы добиться победы. Если мне повезёт, и повторятся все семь ходов партии Легаль — Сен-Бри, то победа будет моей, и это будет сокрушительным ударом по его обидному высокомерию. Надеюсь, что наш чемпион не читал шахматную литературу и не имел ни малейшего представления о мате Легалья. Что ж, Боже, помоги, пусть случится чудо».

Размышляя так, я начал «матч века». Все присутствующие с особым интересом следили за нашей игрой. Я был более чем уверен, что все они не имеют ни малейшего сомнения в том, кто будет победителем...

Я делаю первый ход Легалья. Санасар отвечает ходом Сен-Бри. «Хорошо, — молча подбадриваю я Санасара, — так держать и далее». Второй, третий и четвёртый ходы повторяются одинаково, как было сыграно в знаменитой партии. Из семи ходов четыре Санасар «правильно» сделал. Ловушка уже готова, но мой противник не замечает её, продолжает играть спокойно и уверенно. Как будто какая-то невидимая сила ведёт его по той дороге, которая нужна мне для победы. Я тоже внешне спокоен, но внутри очень взволнован и чувствую, как моё сердце начинает биться быстрее. Я делаю пятый, роковой ход, сознательно поставив моего ферзя под удар слона противника и только в этот момент якобы «замечаю», что совершил «ужасную ошибку».

— Ой, что я наделал, как не заметил, что ставлю под удар своего ферзя! — воскликнул я и посмотрел в глаза Санасара: проглотит ли наживку?

— Хотя мы договорились, что ходы не будем возвращать, но я позволю тебе сделать ход назад. Давай, исправь ошибку, — великодушно предложил Санасар. — В противном случае без ферзя проиграешь. Я прощаю один раз и повторяю, верни ход назад.

Стало ясно, что чемпион проглотил наживку, и мне остаётся довести к логическому завершению мой замысел.

— Нет, ни в коем случае, — грустным голосом, не принимающим возражений, сказал я. — Сам ставил условия, надо держать своё слово.

— Как хочешь, воля твоя, — невозмутимо произнёс Санасар.

Он слоном взял моего ферзя и с улыбкой проговорил:

— Пора сдаваться, складывай оружие, не трать зря время.

— И не подумаю, буду бороться до конца, — спокойно ответил я и объявил шах королю противника.

И только после этого наш чемпион осознал трагичность ситуации, увидел следующий ход — мат. Его лицо, которое ещё несколько секунд

назад сияло от радости, моментально сникло, челюсть отвисла от изумления. Какое-то время он не отрывал свой взгляд от игровой доски, тупо смотрел на фигуры, не веря собственным глазам. Затем медленно поднял голову, посмотрел на меня, чуть не плача, не проронив ни слова.

Зрители тоже потеряли дар речи, моя победа для них была чем-то невероятным, лишённым всякой логики.

— Это сон? Или я пьян? Что происходит? Как это случилось?.. — воскликнул Санасар. Он, наконец, пришёл в себя, к нему вернулся дар речи.

— Как это случилось? — повторил свой вопрос чемпион. — Объясни, я не понимаю, как ты победил? Десять таких игроков, как ты, не смогут победить меня! Как тебе это удалось? Что ты сделал со мной? Было бы лучше, если бы убил...

В голосе и во взгляде Санасара было бесконечное страдание. Меня совесть замучила. Подумал, что очень жестоко поступил с ним — это был такой сокрушительный удар по его репутации, что он ещё долго не оправится от него. Это поражение стало горьким уроком для него.

— Я помню, что мы договорились играть только одну партию, но, может быть, сделаем исключение, сыграем ещё одну? — обратился ко мне Санасар, направив на меня полные мольбой глаза.

Ясно было, что чемпион стремится к реваншу, будучи уверенным, что моя победа абсолютная случайность. Только победой надо мной он может восстановить репутацию, утраченную всего несколько минут назад. Но я не намерен был играть. В то же время меня действительно мучила совесть. Нужно было прояснить ситуацию, надо было сказать правду. Этого достаточно, чемпион наказан за моё оскорбление, и я был полностью удовлетворён. Настал момент моей «исповеди».

— Ты замечательно играешь в шахматы, пусть простят меня ребята, но в нашей школе лучше тебя нет шахматиста, — начал я. — Если бы ты серьёзно занимался шахматами, то мог бы легко выполнить норму мастера спотра, как минимум. Скажу больше: если мы с тобой сыграем сотни партий, то я не сомневаюсь, что все они закончатся твоей победой. Какой я тебе соперник! Говорю искренне. А что касается ещё одной партии, скажу следующее: я с тобой больше никогда не буду играть: ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, никогда! Я уже сказал, что проиграю все партии. Тем не менее, хочу дать пару советов, которые, надеюсь, тебе ещё пригодятся в жизни. Во-первых, быть уверенным в своих силах, это хорошо, но запомни, что непобедимых людей практически не бывает, каждый может проиграть хотя бы один раз в жизни. Во-вторых, никогда не считай других глупее себя, они могут оказаться умнее. Сегодняшняя моя победа — тебе пример. Но это ещё не всё. Хочу открыть секрет моей победы...

И я рассказал о мате Легалья...

Татьяна ОКОМЕНЮК (г. Франкфурт-на-Майне, Германия) — известный немецкий русскоязычный прозаик и публицист. Автор тридцати книг художественной прозы, переведённой на немецкий, английский и татарский языки. Публикуется в периодике и литературных журналах Германии, России, Австрии, Греции, Бельгии, Франции, Чехии, США, Израиля, Латвии, Беларуси. Лауреат многих международных литературных премий. Член жюри различных международных литературных конкурсов. Председатель оргкомитета Берлинского Международного литературного конкурса «Лучшая книга года». Постоянный член жюри конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

ПО УТОЧНЁННЫМ ДАННЫМ...

— Слышь, братан, не мог бы ты в субботу за меня подежурить, а? Мне во как надо, — провёл ребром ладони по горлу спасатель второго класса Ванька Кордуба, обращаясь к своему сослуживцу Олегу Фомину.

— Не могу, дорогой, — развёл тот руками, — тёща припахала на дачу её отвезти, я уже пообещал.

— Тёща — это святое, — вздохнул расстроенный Иван. — А попросить-то мне больше и некого: Пашка к свадьбе готовится, Вертоградов на больничном, Палыч на курсах повышения квалификации, Юрец уволился. Прям, вилы...

— Анек в тему, — раздался в раздевалке задорный голос начинающего спасателя Женьки Рокотова, недавно влившегося в коллектив взвода военизированной горноспасательной службы МЧС: «Чтобы сэкономить на бензине, Олег отвозил тещу на дачу в субботу, а забирал её в ноябре».

— Ха-ха-ха-ха! — грохнула раздевалка смехом.

— Кстати, вот тебе и замена, — мотнул Фомин подбородком в сторону новенького. — Молод, полон энергии, рвётся в бой. А, Жень? Подежуришь в субботу за Ваньшу? За ним не заржавеет, он потом отбратчит, а ты получишь плюстик в карму.

— Говно-вопрос! — не стал ломаться парень, мечтающий стать своим в суровом мужском коллективе. — Анек в тему: «Звонит тёт-

ка в Службу спасения: “Алло, помогите!!! Мой дом в дачном посёлке Дубки взял и загорелся!” — “Опшаньки!!! Какие люди! Лидия Прокофьевна, зятёк ваш на проводе. Вы как? По-прежнему считаете, что лучше сдохнуть, чем ещё раз увидеть мою противную рожу?”».

Мужчины снова разразились хохотом — настроение у всех было отличным, дежурство спокойным, грядущие выходные обещали хорошую погоду, отдохновение от забот праведных и полный дзен...

После окончания Технического пожарно-спасательного колледжа двадцатилетний Женька Рокотов попал на стажировку во взвод военизированной горноспасательной службы МЧС, базирующийся в промышленном городке Кумаринске. Там и остался служить по контракту. «А почему нет? Поднаберусь опыта и, имея приоритет, поступлю в Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, продвинусь по службе, женюсь, возьму в ипотеку приличную квартиру, куплю автомобиль... — оптимистично рассуждал он. — Это сейчас я — последний подползающий, живу в общежитии и на тусовку в областной центр добираюсь на автобусе. Со временем же всё изменится, профессия-то уважаемая: стабильный доход, возможность получения ипотечного сертификата, полтора месяца отпуска, график работы сутки через трое, возможность подработки в свободное от дежурства время, бесплатный санаторно-курортный отдых, оплачиваемый проезд к месту отдыха и обратно... Как при таких условиях не дослужиться до спасателя международного класса? Впрочем, всё это — не самое важное. Главное — ощущение причастности к ответственному делу спасения человеческих жизней».

Мать Женьки, вдова погибшего на службе пожарного, его выбор не одобряла.

— Куда тебя несёт, сынок? — вздыхала она. — Зачем тебе этот ад вдали от родного дома? Ненормированный рабочий день, психологическое напряжение и риск для жизни за зарплату в тридцать тысяч рублей? Ведь это же — вызовы среди ночи, учения, тревоги, внезапные командировки, запрет на выезд за границу... Ты не будешь себе принадлежать и ничего не сможешь планировать... Неужели в жизни тебе так не хватает драйва?

— Не хватает, мам, — признался Женька. — А зарплата будет со временем повышаться, появятся надбавки за звание, выслугу, опасные условия труда, командировки в отдалённую местность. И вообще, я хочу быть, как папа. Спасатель — это не работа, это — призвание, а оно нам посылается свыше.

С тем и уехал далеко за Урал.

В Кумаринске его приняли хорошо, без издевательских шуточек и тупых приколов, сопутствующих «прописке» новичка в коллективе. Оно и понятно: Женька — парень симпатичный, компанейский, ма-

стер спорта по кикбоксингу, КМС по армрестлингу, гитарист, шутник и балагур, всегда готовый помочь ближнему.

В тот день он заменял своего коллегу респираторщика¹ Ивана Кордубу. Заняться в выходные ему всё равно было нечем: любимой девушкой и друзьями парень на новом месте пока не обзавёлся. С развлечениями и культурным досугом молодёжи в шахтёрском моно-городке было не просто плохо, а совсем никак. «Вот куплю автомобиль и буду гонять “на выгул” в областной центр на все три выходных, хотя нет, на два», — вспомнил он напутствие командира взвода. Зачисляя Женьку на службу, тот строго предупредил, что сутки, предшествующие дежурству, предназначены не для загулов и напряжённой работы, а для сна и занятий спортом, иначе от усталости можно не только подставить коллег, но и самому погибнуть. Любой «зевок» в шахте может закончиться смертью.

Впрочем, его это не касается. Какие загулы могут быть в Кумаринске? А до покупки автомобиля ему как до китайской границы. Да, у всех ребят их взвода машины есть, так они и пашут в свои свободные дни, как заведённые. Кто занимается промышленным альпинизмом, кто работает инструктором по технике безопасности, кто подвизается на шахте каким-нибудь консультантом. А он, Женька, пока ещё не освоился на местности, но это дело наживное. Будут и у него подработки, отсутствие финансовых проблем и весь пакет жизненных благ: квартира, машина, дача, приличная техника в доме, модные шмотки.

Ход мыслей парня, занимавшегося проверкой исправности своей кислородно-дыхательной аппаратуры, прервали сигнал тревоги и голос оперативного дежурного по громкой связи: «Первое и второе отделение, на выезд!». Через две минуты спасатели уже стояли в гараже, рядом со своими белыми спецмашинами, на борту которых красовался девиз: «Предотвращение, спасение, помощь».

— Классные у нас тачки! — восхитился Женька, любуясь тяжёлыми автомобилями на шасси КамАЗа с эмблемой ВГСЧ на двери.

— Это ещё что! — многозначительно хмыкнул респираторщик Илья Корзухин, откусывая один из шоколадных батончиков, которых у него было напихано по всем карманам. — В прошлом году я был в командировке в Якутии, так тамошние коллеги ездят на трёхосных вездеходах на пневматиках низкого давления. Вот это машинки! Кабина с системой обогрева и шесть колёс, каждое — размером с бегемота. Прикинь, для пневмохода любое бездорожье нипочём как зимой, так и летом. Он может преодолевать водные преграды, не оставляет

¹ Сотрудник военизированной горноспасательной части, подготовленный к проведению спасательных работ, с применением средств защиты органов дыхания и владеющий приёмами оказания первой медицинской помощи.

после прохода глубоких следов, безопасен при движении по тонкому льду. Нам бы такие!

— Раскатал губу! Ты не за Северным полярным кругом служишь, — скептически заметил командир отделения сержант Мамаев. — А ты, Рокотов, что там мнёшь в руке? Ну-ка, покажи!

Женька разжал кулак. На его ладони лежал старый оловянный солдатик в форме рядового бойца Советской Армии. Фигурка была тёмно-серой, и только каска на голове — светлой, отполированной. Видно, игрушку часто гладили по голове.

Брови сержанта удивлённо поползли вверх:

— Что это?

— Наш семейный талисман, — смутился Женька. — Сначала он был у моего деда, потом у отца. Батя всего один раз забыл его взять с собой на работу и в тот же день погиб на пожаре, вынося из огня двух пацанят. Он у меня был огнеборцем.

— Понятно, — уважительно произнёс командир отделения, возвращая Рокотову оберег. — Никогда его дома не оставляй, а то у нас на службе... всякое случается.

— Анек в тему, — зажал Женька солдатика в кулаке. — «На вопрос: “Что получает горноспасатель после смерти?” армянское радио ответило: “Три дня отпуска, а потом — опять под землю”».

И снова мужчины, привыкшие ходить по лезвию бритвы, зашлись в истерическом хохоте. К смерти, которой они не единожды бросали вызов, спасатели относились не то чтобы несерьёзно, но как-то отстранённо, по-философски.

— А вот ещё один, — решил вставить свои пять копеек респираторщик Руслан Сябитов, который с появлением во взводе Рокотова лишился титула первого шутника и балагура. — «Объявление в газете “Спасатель”: “Приглашаем молодёжь на работу в МЧС. Только у нас: ненормированный рабочий день, оплата труда (300 у.е. в месяц), отсутствие тринадцатой зарплаты, возможность переходить улицу на красный сигнал светофора, заплывать за буйки, стоять под стрелой, ходить по крышам без страховки, работать с открытым огнём и другие узкосоциальные льготы. Также вы получите уникальный шанс редко видеться с родными, близкими, друзьями и за максимально короткий срок сможете приобрести различные заболевания (от начальной стадии алкоголизма до глубокого маниакально-депрессивного психоза). Проверьте себя на прочность!!!”»

Спасатели хохотали так, будто надышались веселящим газом. До икоты, до колик в животе. Смех оборвался, как только в дверях появился заместитель командира взвода майор Топорков с «путёвкой на аварию» в руках. Он не стал делать подчинённому замечание, поскольку понимал: смех — это один из способов отогнать от себя тревогу перед неизвестностью. Что-то вроде «наркомовских ста грамм», выдаваемых бойцам Красной Армии перед атакой.

— Вот что, орлы, — окинул он взглядом выстроившихся в шеренгу спасателей. — Едем в Шахтёрск. На шахте «Разлогая» в вентиляционном штреке произошло задымление. Вентиляция вышла из строя. Сейчас под землёй на глубине четырёхста метров находятся двести сорок три горняка. Наша задача — определить причину задымления, оказать первую помощь пострадавшим и вывести живых на-гора. Одним словом, всё, как обычно. По машинам! Ни пуха ни пера нам!

— К чёрту! — выдохнули спасатели, запрыгивая в пассажирские отсеки автомобилей с оранжево-синей полосой на борту. Включились сирены, замигали проблесковые маячки, и белые КамАЗы понеслись в пекло — до Шахтинска было более сорока пяти километров.

— Очкуешь? — поинтересовался у Женьки Руслан Сябитов, остро завидовавший его чувству юмора, самоиронии и мастерской игре на гитаре.

— А что, уже пора? — погладил подушечкой большого пальца каску своего оловянного солдата не нюхавший пороху парень.

— Вот ты, Сябит, новенького всё время троллишь, а он сегодня возьмёт и подвиг совершит, — лукаво улыбнулся сержант Мамаев. — Его наградят медалью, а тебя нет. Тогда и посмеёмся.

— Дай бог нашему телёнку волка съесть! — скривился спасатель первого класса, дайвер, водитель снегоходной техники и речных судов, бывший шире в плечах и на голову выше Рокотова.

— Анек в тему, — совсем не обиделся Женька, всегда готовый сам над собой посмеяться. — «Награждают, значит, меня, отличившегося во время спасательных работ на шахте ээээ...

— «Разлогая», — подсказал ему спасатель второго класса Олег Белобородов.

— Точно! — поблагодарил его кивком Рокотов. — «...Как водится, вокруг девушки с цветами, звучат речи, пресса щёлкает фотоаппаратами, телевизионщики стрекочут своими камерами. Директор шахты распинается: “...и этот замечательный парень, зная о возможности взрыва метана, не удрал из забоя, а, лёжа на спине, удерживал своды галереи до тех пор, пока не были закончены восстановительные работы и сняты все временные домкраты”. Я стою и скромно улыбаюсь. Корреспонденты выкрикивают: “Потрясающе! Евгений настоящий герой! У него открытое доброе лицо, с которого не сходит широкая улыбка!”. — “Ну, улыбка — дело временное, — чешет директор лысину. — Просто коллеги-спасатели второпях установили домкрат на его подбородке”».

— Га-га-га-га! — взорвался смехом автомобиль.

И даже ревнивый Сябитов растянул в полуулыбке уголки своего скептически скривлённого рта.

— Премия за лучший анекдот месяца! — протянул Корзухин Женьке шоколадный батончик.

Тот механически засунул его в карман брюк, поймав на себе завистливый взгляд Руслана.

— Станция «Березай», кому надо — вылезай! — остановил спецмашину водитель. — Гляньте, пацаны, папарацци раньше нас приехали, — кивнул он головой в сторону машины с маркировкой «Пресса». — Опять эти уроды пристроились у самого устья ствола, перегородив дорогу!

— Куда только менты смотрят? Вон их сколько сегодня нагнали! — покачал головой Мамаев, глядя в окно. — Зевак за черту отеснили, а то, что эти стервятники раскорячились посреди дороги, в упор не видят.

— Это, сержант, не зеваки, это — близкие оставшихся под землёй горняков. Видишь, слёзы вытирают? — тяжело вздохнул Белобородов. — Видно, плохи дела сегодня. Не иначе, метановоздушная смесь взорвалась.

Пока замкомвзвода получал у главного инженера предприятия информацию, необходимую для работы спасателей, последние надевали спецодежду, проверяли исправность аппаратуры, готовились к спуску в шахту.

Недалеко от них возмущались и рыдали вытесненные со двора шахты родственники потерпевших аварию.

«Сын не раз мне рассказывал, что уровень содержания газа в забое во много раз превышает допустимые показатели, поэтому руководство изнутри проклеивает датчики скотчем, — плакала седая женщина в скромном платочке. — Спаситься при такой загазованности просто нереально. Даже если прижаться к стенке, плотно прикрыв дыхательные пути, всё равно выдержишь не больше пяти часов».

«Во-во! Полная безалаберность! — подхватил эстафету мужчина в шахтёрской куртке. — Перед тем, как приехать на «Разлогую», проверяющие всегда предупреждают местное руководство о своём визите. Иногда, чтобы создать видимость контроля, выписывают мелкие штрафы. Сами же никогда не спускаются под землю. Что им наши жизни?»

«Муж давно жаловался на условия труда, говорил, что метан у них просто зашкаливает. Прибор пищит, мужики его смочат водой, он и замолкнет, — всхлипывала невысокая беременная женщина в берете, наспех натянутом на влажные волосы. — Руководство же на это безобразие никак не реагирует. Говорит: “Не нравится — увольняйтесь”. Легко сказать! Попробуй найди в нашем регионе другую работу. В шахте они получают грязными тысяч пятьдесят-шестьдесят, в лаве — все семьдесят. Заработок зависит от выполнения плана, вот и не увольняются. Наши мужики для хозяев предприятия — расходный материал».

«Это точно! — поддержал её сухонький, без конца кашляющий старичок. — Если горнорабочий уволится, ему могут выставить круп-

ный штраф. И запись в трудовой электронной книжке сделают такую, что на другую шахту уже не устроишься, а семью-то нужно кормить. У всех же кредиты, ипотека, алименты».

«Да что тут говорить, шахта находится в руках холдинговой компании, чей владелец — долларовый миллиардер, — развела руками пожилая интеллигентная дама в шляпке. — Ещё в прошлом году обещали создать комитет по вопросам охраны труда и промышленной безопасности. И где он? Прибыль, господа, и ничего личного. Налицо — преступление без наказания».

Записав на диктофоны всё произнесенное родственниками, пасшиеся в толпе журналисты заметили, наконец, белые машины МЧС.

— Братва, черепахи прибыли! — выкрикнул кто-то из них, и представители СМИ бросились к спасателям с неуместными в данный момент вопросами. Напрасно. Те в их сторону даже головы не повернули.

— Ну, и наглые — пробы негде ставить, — возмутился Евгений. — Сначала черепахами нас обзывают, а потом тычут под нос свои диктофоны. Пусть бы сами попробовали раньше нас из Кумаринска добратся.

— Тёмный ты, Рокотов, как дупло! — снисходительно хохотнул Сябитов. — Мы не потому черепахи, что вечно опаздываем, а потому, что похожи на них в своём специальном снаряжении.

К моменту возвращения Топоркова все они уже стояли на старте в герметичных защитных костюмах, касках с аккумуляторным фонарём и лицевой маской. Последняя соединялась гофрированной трубкой с висящим за спиной дюралюминиевым ранцем, в котором находился респиратор.

— Вот что, ребята, — нахмурился майор, — по предварительной версии, причиной аварии стал взрыв метана. По закону подлости, случилось это в пересменку, когда рабочих в шахте бывает вдвое больше обычного. Из 243-х находившихся под землёй горняков 174-м удалось самостоятельно выбраться на поверхность. Им сильно повезло: когда произошёл хлопок, электричество какое-то время ещё работало, и те, кто оказался рядом с «бабой Леной»¹, упали на неё и выехали наверх. Остальные шестьдесят девять человек ждут сейчас нашей помощи. Будем надеяться, что ещё ждут. С Богом!

На разведку в штрек первое отделение спускалось с опаской. От перемены атмосферного давления закладывало уши.

— Это с непривычки, — пояснил Женьке Сябитов. — Как сказал о нашей работе один остряк: не привыкнешь — подохнешь, не подохнешь — привыкнешь.

— Оптимист, блин, — фыркнул недовольно Корзухин. — Вечно ты на новеньких жуть наводишь и кармаешь под руку...

¹ *Ленточный конвейер*

С разведки ребята вернулись с двумя телами и двумя живыми горняками. Последние были ранены и обожжены. На них спасатели натянули свои вспомогательные респираторы. Оно и понятно: собственные портативные дыхательные устройства шахтёров, рассчитанные на один час работы, давно исчерпали своё полезное действие.

Увидев шатающихся из стороны в сторону спасателей и перепачканных угольной пылью горняков, к ним тут же бросились Топорков и четверо медиков в синих куртках с надписью «Медицина катастроф». Горняков они увезли сразу и тут же вернулись за спасателями, трое из которых уже едва держались на ногах.

— Товарищ майор, в шахте раскалённые угольные пласты, сильная задымлённость и нулевая видимость. Взрывом выбиты все шлюзы, способные остановить распространение газа. Нами обнаружены два нулевых забойщика и два живых проходчика, которые умудрились на козе¹ проехать двести метров нам навстречу, — пытался удержать равновесие сержант Мамаев. — По их свидетельствам, бобик сдох², верблюды³ тоже. Аварийный участок с людьми отрезан обрушившейся горной породой. В шахте кислорода нет, полно маргарина⁴, температура — плюс пятьдесят. Взяли пробы на треугольник взрываемости и...

Закончить он не успел — потерял сознание. Медики подхватили отравившегося оксидом углерода мужчину и, вслед за Корзухиным и Белобородовым, повезли к своему реомобилу, вызывая по рации подмогу — число медицинских бригад экстренного реагирования сегодня было критически малым.

Из первого отделения в строю остались только двое: Руслан Сябитов и Женька Рокотов.

— Ну, тебя, Сябит, и оглоблей не перешибёшь, а ты-то, Жека, как не скопытился? — кинулись коллеги обнимать выбравшихся из ада спасателей. — Видать, твой ангел-хранитель на перекур не отлучается.

«Это точно», — подумал парень, поглаживая оловянного солдата у себя в кармане.

— В забое остались шестьдесят пять человек, — задумчиво произнёс Топорков.

— ...или шестьдесят пять тел, — дрожащим голосом добавил появившийся рядом с ним заместитель директора шахты. — Бедствия подобного масштаба «Разлогая» ещё не переживала. Вон уже явились Следственный комитет и губер со свитой. Сейчас начнётся адский движняк.

¹ Вагонетка для перевозки людей и грузов.

² Поломался проходческий комбайн.

³ Насос, работающий от сжатого воздуха.

⁴ Газы после взрыва.

— И правильно начнётся! — психанул майор. — Надо было провести предварительную дегазацию пласта, поставить дополнительный вентилятор на горах и снизить добычу, чтобы лава успевала проветриваться. Экономите на безопасности? Вот и доигрались.

После проверки проб, взятых первым отделением, выяснилось, что из-за высокой концентрации газа и неработающей вентиляции реально угроза повторного взрыва. Поисковые работы решено было приостановить. Родственники потерпевших зарыдали в голос. Все понимали, что каждая уходящая минута уменьшает шансы на выживание попавших в беду шахтёров. Вскоре к спасателям явилась делегация заплаканных жён и матерей.

— Ребята, миленькие, не бросайте наших мужиков на произвол судьбы, — умоляли отчаявшиеся женщины. — Если сами не хотите, помогите спуститься в забой нам. Мы готовы голыми руками их раскапывать.

— Да разве ж мы не хотим? — всплеснул руками Игорь Самарин, командир второго отделения, на усиление которого Топорков направил Рокотова и Сябитова. — Мы — люди служивые, подчиняемся приказам начальства. Вон видите большую машину с надписью «Передвижной командный пункт МЧС»? Идите туда к майору Топоркову. Если он даст отмашку, мы тут же начнём спасательную операцию.

Родственники тут же ринулись в указанном направлении.

— Ребят, а может, всё-таки попытаемся? — робко отозвался Рокотов. — Высокая вероятность — это значит, что повторный взрыв может быть, а может и не быть. Правильно? Кто не рискует, тот не пьёт шампанское...

— ...а пьёт водку на поминках того, кто рискует, — продолжил Сябитов. — Сказали же специалисты: вот-вот рванёт. Тебе что, жить надоело?

Женька выскочил из машины и стал наматывать круги вокруг передвижного оперативного штаба. Потом остановился у его приоткрытой двери.

— А если бы ваш собственный сын был сейчас под землёй, вы бы тоже так рассуждали? — звенел отчаянием возбуждённый женский голос внутри штаба. — Не полезли бы его спасать?

— Полез бы. Один. Но чужих сыновей не потянул бы с собой на верную гибель, — уверенно ответил замкомвзвода.

— Так пустите туда нас. Одних. Мы и без вас откопаем наших родненьких, — зазвучал другой, более низкий, голос.

— Об этом не может быть и речи. Никто из штатских не проникнет на оцепленную территорию. Идите лучше в помещение. Там вас ждут специалисты, приехавшие для оказания психологической помощи.

Делегация возмущённо загомонила:

— На фига нам ваши психолухи? Верните наших мужей, братьев, отцов!

— Да вы понятия не имеете о сложностях работы горняков! Только и можете отсиживаться в штабе, пока наши мужики задыхаются без воздуха!

— Вы — экстренная служба или кто? Вас бы на шахтёрскую адову работу!

Майор откашлялся и совершенно севшим голосом произнёс:

— В спасатели я попал именно после этой адовой работы, где трудился вместе со своим отцом. Он был стволовым подземного участка шахтных подъёмов. Мы с ним работали в разные смены, поскольку кто-то должен был ухаживать за прикованной к постели мамой. После гибели отца я дал себе слово, что, став сотрудником МЧС, сделаю всё от меня зависящее для спасения моих бывших коллег. Но не ценой жизни молодых ребят, у которых тоже есть малые дети, беременные жёны и престарелые родители. Уровень метана в воздухе превышает норму во много раз. Пока он не упадёт до пяти процентов, рисковать людьми я не стану. Я всё сказал.

— Извините... простите... это всё нервы... — зашелестела делегация. — Мы всё понимаем, но всё же...

Когда женщины вышли из штаба, Женька решился-таки обратиться к замкомвзвода:

— Товарищ майор, а если в забой отправятся только добровольцы? В нарушение вашего приказа. Что тогда будет? — поинтересовался он.

— Если останутся живы, — задумался Топорков, — получат предупреждение о неполном служебном соответствии. Если погибнут, накажут меня.

— Есть получить неполное служебное! — щёлкнул Рокотов каблуками и тут же помчался к сослуживцам.

— Мужики, майор сказал, что тот, кто слушается его приказа и спустится в шахту, получит дисциплинарное взыскание в виде «неполного служебного», — сообщил он. — Я готов его получить. Кто-нибудь из вас пойдёт со мной?

Спасатели молчали, обдумывая ситуацию.

— Братцы, ну что ж вы, как неродные! — едва не плакал Женька. — Ну, как можно здесь отсиживаться, когда люди видят в нас свою последнюю надежду? Как нам в глаза им смотреть?! Стыдник же!

— Ну да, тебе терять нечего, — скривился Сябитов. — А у нас семьи, дети, ипотека, карьера. И опыт. В отличие от тебя, бравого невменяшки, мы хорошо знакомы с последствиями взрыва метана.

— Ваше право, — сник Рокотов. — Тогда я пойду один.

— Погоди, — поднялся с корточек спасатель первого класса старлей Максим Приходько. — Я пойду с тобой. Бог не выдаст, свинья не съест.

— Тогда и я с вами! — надел на голову каску респираторщик Жора Горадзе. — Сердце кровью обливается, когда смотрю на этих бабонек. Выговором больше, выговором меньше — без разницы.

И отчаянная тройка потопала к шахтному стволу.

— Вернитесь, пацаны! Не чудите, — крикнул им в спину замкомвзвода.

Женька оглянулся, хотел что-то ответить, но, увидев, что Топорков исподтишка осеняет их крестным знамением, не стал этого делать. К горлу подкатил ком. В памяти всплыли чьи-то стихотворные строки:

*Я верю: избежим мы лиха,
Болезней, смерти, многих бед,
Пока есть тот, который тихо,
Нас незаметно крестит вслед.*

Вспомнил, и на душе стало спокойнее. Женька прекрасно понимал, что наверх он может уже не подняться. Что если метан рванёт, полетят клочки по закоулочкам — даже хоронить матушке будет нечего. Он знал, что подобные мысли роятся сейчас и в головах у обоих его коллег, а потому решил отвлечь их привычным ему способом.

— Анекдот в тему, мужики: «Алло, это Служба спасения?» — «Она самая. Что у вас случилось?» — «Ради бога, помогите мне отсюда выбраться». — «А где вы находитесь?» — «В ТiкТок(е)».

— Не смешно! — фыркнул сосредоточенный Максим.

— А этот? — не отставал Рокотов. — «Редакция газеты “Спасатель МЧС России”, отвечая на многочисленные вопросы читателей, официально уведомляет: “В опубликованном в прошлом номере газеты предложении: “Горноспасатели Максим Приходько, Георгий Горадзе и Евгений Рокотов несколько дней не могли выйти из заБоя” все слова напечатаны правильно»».

Жорка хихикнул, а Макс по-прежнему был серьёзен и напряжён.

— Вот на фига каркать? — буркнул он недовольно. — Не хватало ещё нам тут застрять.

Спустившись в «преисподнюю», спасатели долго шли по задымлённому треку, затем нырнули под берму¹ и поползли по забою. Было очень жарко и, что греха таить, страшно. Видимость нулевая. Наклонные шахтные выработки уходят глубоко в недра, поэтому часть пути была предельно сложной — в гору. К тому же, амуниция спасателей весит около пятнадцати килограммов, а закрепляющие маску резиновые хомуты немилосердно сдавливают голову.

Наконец, группа добралась до завала. Лезть напрямую было нельзя — могло произойти новое обрушение породы, которое похоро-

¹ Вспомогательная горная выработка.

нило бы всех. Приняли решение идти обходным путём, сделав просек размером 120x90 сантиметров. Преодолев ползком около пятидесяти метров рукотворного лаза, спасатели нашли тела десятерых горняков, разбросанные в метре-двух друг от друга. Пройдя на путевой штрек, они обнаружили ещё двенадцать тел.

— Все нулевые, — выдохнул Горадзе, поправляя на каске фонарь-коногонку. — Будем эвакуировать?

— Им уже торопиться некуда, — отозвался старлей Приходько, старший по званию в этом микроотряде. — Где-то находятся ещё сорок два человека. Они могут быть живы, будем их искать.

И потопали — вверх, вверх, вверх. Вскоре настойчивость отважной троицы была вознаграждена. С трудом открыв железную дверь в стене, плотно сбитой из шлакоблоков, ребята обнаружили двенадцать живых горняков. Ослабленных, обезвоженных, раненых. У кого-то были переломы конечностей, у кого-то — сотрясение мозга, кому-то посекло углем глаза, кто-то получил многочисленные ушибы...

— Спа-са-те-ли, — едва слышно прохрипел кто-то из них. — Я же говорил, что нас обязательно найдут, а вы не верили...

— Как же вам удалось уцелеть? — поинтересовался у них Жора. — На вашем горизонте всё разнесло на атомы. Одна пыль осталась.

— Так это... Дальняя сбойка нас защитила, — пояснил пожилой горняк. — На удивление прочной оказалась, добросовестно была сделана.

— ...и сразу железная дверь захлопнулась, не дав к нам хлынуть потоку газа, — добавил молодой проходчик, держась руками за разбитую голову.

— Дело совсем не в двери! — прохрипел уже знакомый голос. — Просто тут рядом проходит воздухоподающий ствол. Вот и выдуло вокруг нас всю углекись. Там уклон идёт, и свежая струя с него омывает эту выработку.

Спасатели оказали пострадавшим первую медицинскую помощь и стали их готовить к эвакуации.

— Подъём, мужики! — скомандовал Максим шахтёрам. — Будем выбираться. Надеваем самоспасатели.

Нашупав свои кислородные трубки, мужчины с трудом поднялись на ноги.

— Осталось ещё двадцать девять человек, — ни к кому не обращаясь, пробубнил Жора Горадзе. — Где они могут быть?

— Мы за ними вернёмся! Нужно сначала вывести этих, — пообещал Приходько, кивнув подбородком в сторону чудом уцелевших мужчин.

Задача эта оказалась весьма непростой. Особенно марш-бросок по тесному лазу вместе с обессиленными людьми. Передвигаться по шахте с её бесконечными поворотами, изменениями высот и риском

обрушения породы было невероятно сложно. Время от времени приходилось делать привал — четверо из двенадцати шахтёров самостоятельно идти не могли.

«Главное — дотащить раненых до уклона, который ведёт к первым вентиляционным воротам, — стучало в мозгу Рокотова, — а там и до клетцевого ствола¹ рукой подать».

Наконец, уже практически на автомате, отряд добрался до околовствольного двора с проводным телефоном.

Старлей позвонил в диспетчерскую и попросил отправить им вниз клеть и питьевую воду. Пять минут с «горизонта 400» они поднимались наверх и все пять минут жадно хлебали живительную влагу из двухлитровых пластиковых бутылок.

Когда мужчины выбрались на поверхность, на улице уже было темно. Двор освещали мощные прожекторы, размещённые на крышах МЧСовских спецавтомобилей. У пропускного пункта скопились десятки машин скорой помощи. Люди, собравшиеся у служебного транспорта, стали аплодировать героям-спасателям и двенадцати выжившим горнякам, чёрным, хрипящим, едва дышащим.

Родственники последних со всех ног ринулись к ним, невзирая на окрики медиков и полицейских. Защёлкали фотовспышки, включились телекамеры, затараторили радио- и телекомментаторы. Медики стали увозить пострадавших в больницу.

Растроганный Топорков обнял ребят.

— Спасибо вам, сынки!

— За что? — искренне удивились те.

— За то, что выжили, — произнёс тот срывающимся от волнения голосом. — За то, что рискнули собой и спасли людей.

— Это наша работа! — синхронно ответили все трое.

— Тогда докладывайте!

— Товарищ майор, — стал по стойке смирно Максим Приходько. — Обстановка по-прежнему взрывоопасна. Концентрация метана в забое превышает 7%, окись углерода — 25%. Кроме двенадцати живых счастливиц, мы обнаружили двадцать двух «нулевых». Таким образом, на этот момент, остаётся неизвестной судьба двадцати девяти горняков. И... разрешите обратиться!

Замкомвзода, молча, кинул.

— А почему мы не знаем, где они находятся? В лампы же на касках встроены маячки, которые каждые две секунды должны подавать сигнал для определения локации любого из них.

— Ну да, ты один у нас такой умный. Остальные погулять вышли, — вздохнул Топорков. — Сила взрывной волны была такой, что сорвало все стационарные средства связи. Приборы молчат, сигнала

¹ Шахта пассажирского скоростного лифта.

лы не поступают. Так что, придётся нам всё делать вслепую. Потом. А сейчас отдыхайте. На сегодня с вас хватит приключений. Особенно с Рокотова, сделавшего два захода в душегубку. На твоём личном счету, Евгений, уже и так два плюс двенадцать.

— Никак нет, товарищ майор! — возразил тот. — Мы сейчас немного передохнём, выпьем горячего чаю и попытаемся найти недостающих. Если с этими двенадцатью случилось чудо, может, и остальным повезёт.

— Я этого не слышал! Шагом марш в автобус! — нахохлился замкомвзвода. — Нельзя испытывать судьбу бесконечно.

— Так точно! Вы ничего не слышали. Мы же готовы получить «неполное служебное». Да, ребята? — обратился парень к коллегам.

— Так точно! — выпалили те дуpletом.

Немного передохнув, спасатели поменяли дыхательные аппараты и снова полезли в штрек. К ним присоединился четвёртый — командир второго отделения Игорь Самарин. Не мог он больше сидеть в автобусе, в то время как его подчиненные рискуют жизнью.

— Не найдём живых, принесём мёртвых, — пообещал он бросившимся к ним родственникам, воспрянувших духом после возвращения из забоя двенадцати человек.

Спасатели взяли с собой носилки, лопаты для разбора завалов, кайло и лом — не исключено, что пропавшие без вести находятся как раз под тем завалом, который они обогнули, сделав просек.

Первым шёл Рокотов. В одной руке он нёс двустороннюю кирку, которую горняки называют «корчагиным». В другой — лом, именуемый ими «поддырой». Следом, с разборными горноспасательными носилками, шагали Горадзе и Приходько. Замыкал процессию нагруженный лопатами командир второго отделения Самарин, который напевал себе что-то под нос. Парни прислушались.

Душа горит. Душа в огне.

Душа у горла.

Друзья, не плачьте обо мне.

Живите долго¹, — фальшиво выводил Игорь.

— Ничего ж себе тематика! — не выдержал суеверный Приходько. — Кончай с этим минором — накличешь беду.

Не верящий ни в бога, ни в чёрта Самарин лишь презрительно фыркнул. Его всегда бесили разговоры коллег о том, что следует вернуться домой, если по дороге на работу встретишь женщину в белом платье. Что нельзя говорить «последнее дежурство», только «крайнее». Что не рекомендуется сидеть и уж тем более лежать на

¹ Автор Лира Абдуллина.

носилках — на них и вынесут. Что не стоит возвращаться, если что-то забыл дома. Суеверность он считал чем-то сродни недоразвитости, поэтому и разозлился на старлея.

— Анекдот хотите? — кинулся разряжать обстановку миротворец Женька.

— Хотим, — ответили хором Горадзе и Самарин. Приходько промолчал. С юмором у него было не очень.

— «На открытии новой шахты по традиции туда первой бросили кошку. Она-то, выбираясь наверх, и нацарапала первые три тонны угля».

— Ха-ха-ха-ха! — затряслись от смеха Жорка с Игорем. — Прикольню!

Приходько, по обычаю, промолчал.

— А вы в курсе, мужики, что когда-то горняки брали с собой в забой клетку с канарейкой? — поинтересовался Жора, опасливо поглядывая на свой газоанализатор. — Пока слышалось пение птицы, они спокойно работали — значит, в шахте нет гремучего газа. Если же канарейка замолкала, они срочно поднимались наверх.

— Конечно, в курсе! — хохотнул Самарин. — Я даже в курсе, что сегодня, вместо канарейки, они берут с собой чифирь и в потенциально опасных туннелях смачивают им язык. Если горький на вкус напиток становится сладковатым и начинает отдавать металлом, это верный знак повышенной концентрации метана.

Группа уже преодолела часть пути, как вдали что-то хлопнуло и вспыхнуло. Женьку тут же опрокинуло на спину и приложило головой о раскалённый угольный пласт...

Когда он очнулся, то не сразу понял, где находится. Всё вокруг было затянуто дымом. Темно так, что не видно даже пальцев на руке. И тишина. Гробовая. «А вдруг меня контузило? — напрягся парень. — Вдруг я ослеп и оглох?»

Первым делом Рокотов ощупал голову — крови не было. Каски на голове — тоже. Не обнаружил он и часов на левой руке. Но часы-то ладно, неведомая сила сорвала на последней три ногтя. Аккуратно сорвала — пальцы жгли, но не кровоточили.

«Так что же здесь всё-таки происходит? Я что, на учениях? — никак не мог сообразить Женька. — Ну да, на них, родимых. А где ж ещё, если я в герметичном защитном костюме и дышу через респиратор. Стало быть, это испытательный полигон, моделирующий угольную шахту — закрытую бетонным саркофагом стометровую учебную трубу. Сейчас мы отрабатываем тактику применения спасательного оснащения в экстремальных условиях. Только... где все ребята, и где инструктор по профессиональной подготовке? Ничего не понимаю. А может, я сплю, и весь этот ужас мне просто снится?»

Рокотов встал на четвереньки, начал ощупывать землю под ногами. Вскоре он нашёл кайло и свою искореженную каску без фона-

ря. Крепления на ней были дико растянуты, будто какое-то чудовище огромной силы содрало её своей лапой с его головы. Сильная боль в висках свидетельствовала о том, что его предположения были недалеки от истины. «Бережёного бог бережёт! — мысленно произнёс Рокотов, нахлобучивая каску. — Кто знает, какие сюрпризы готовит мне этот задымлённый туннель? Может, я, как кэрроловская Алиса, провалился в кроличью нору и скоро стану участником необыкновенных приключений».

Спустя какое-то время Женька дополз до перегоревшей дорогу кучи. Ему показалось, что под ней сверкает какой-то огонёк. Он стал разгребать её и нащупал чью-то ногу.

Сердце парня лихорадочно заколотилось о ребро, выплёскивая в кровь огромное количество адреналина, и он сразу вспомнил, что у него в подсумке есть индивидуальная аптечка. Рокотов обработал пальцы перекисью водорода и, забинтовав их, продолжил освобождать от угольной крошки найденное тело.

Последнее оказалось трупом Жоры Горадзе. Он был в защитной каске с включенным фонарём-коногонкой, который и поблёскивал из-под завала.

От нервного напряжения у Рокотова закружилась голова, а сердце заколотилось о грудную клетку так, словно намеревалось выбить решётку из его рёбер. Он вспомнил всё! И как они четвером шли по нескончаемо длинному подземному коридору, и как Самарин пел: «Друзья, не плачьте обо мне. Живите долго», и как он, Женька, рассказывал коллегам анекдот о кошке-рекордсменке, и как Жорка пытался всех удивить информацией о канарейках.

«Значит, всё-таки произошёл повторный взрыв, — стал доходить до парня весь ужас произошедшего. — Ребята погибли, а я каким-то чудом остался жить». Он засунул руку в карман, достал оттуда оловянного солдатика, поцеловал его в каску.

— Выходит, ты и впрямь на перекур не уходишь. Хотя... если я всё-таки попал в эту задницу... — вздохнул молодой человек. — Вот у Кордубы, действительно, некурящий ангел, «припахавший Ваньку везти его на дачу». Иван же, счастливчик, даже не догадывается, что своей жизнью обязан «любимой» теще.

Женька надел на голову каску Георгия, чей фонарь оказался единственным лучом света в этом тёмном царстве, вытащил его труп из кучи угля. Снял с него рюкзак с дыхательной аппаратурой и подсумок с индивидуальной аптечкой, достал из Жоркиного кармана карболитовую коробочку СМП¹.

Рокотов взглянул на светящуюся шкалу прибора, и у него под каской волосы встали дыбом: метана в воздухе было 7,5%. Достаточно

¹ Сигнализатор метана постоянный.

сделать два-три вдоха и мгновенная потеря сознания. Не будь на нём сейчас респиратора, это — все.

«Кислородной аппаратуры хватает часа на четыре, если, конечно, сидеть спокойно, дожидаясь подмоги. Если же активно двигаться, то часа на два, — рассуждал Евгений. — Подмоги, ясен пень, не будет. Стало быть, надо идти. У меня два респиратора с уже израсходованной частью газа. Значит, времени в запасе около пяти часов. Если, конечно, я не найду сейчас тел Самарина и Приходько. С четырьмя аппаратами мои шансы на выживание несколько повысятся. Да и запасная коногонка мне не мешает — без неё не преодолеть километры подземки с её многочисленными уклонами и подъёмами».

Женька закрыл Георгию глаза, положил его тело в обнаруженную в стене нишу. Затем взял кайло и, в надежде найти тела Игоря и Максима, стал разгребать завал из огромных влажных кусков угля попеременно с твёрдой негорючей породой.

Вскоре парень понял, что от внешнего мира он отрезан не менее чем тонной рухнувшего угля. Значит, назад пути уже нет. Оставалось двигаться только вперёд, причём, вверх, что сильно усложняло задачу, ведь шёл Рокотов не налегке. Кроме собственного снаряжения у него ещё были кайло, рюкзак Горадзе, его фляга, до половины заполненная водой, подсумок с медикаментами и брезентовый мешок со складными горноспасательными носилками, которые до взрыва нёс Георгий. Последние могли Женьке очень пригодиться, ведь в комплект, кроме самих носилок, входило спасательное изотермическое покрывало, двадцать пять метров бечевы с карабинами, предохранительный пояс, комплект иммобилизационных шин, ножницы и диэлектрические перчатки, которые он сразу же надел на руки, чтобы защитить пальцы.

Мандраж постепенно прошёл, нервное напряжение сменилось ватной усталостью, и Женька стал проваливаться в сон... «Не спать, только не спать! — тормозил он себя. — Надо двигаться вперёд. Если за ближайшие пару часов я успею дойти до того места, где мы нашли погибших горняков, у меня появится шанс воспользоваться их самоспасателями и прожить лишние двенадцать часов».

Настроив себя на позитив, Евгений стал подниматься вверх. Он не торопился, ибо знал: при высокой температуре с тяжёлым грузом двигаться нужно спокойно и размеренно, иначе можно сорвать дыхание и сжечь гортань. Дышать через респиратор было тяжело — воздух поступал сухой и горячий. Парень жадно отхлебнул из Жоркиной фляги пару глотков воды. Хотелось больше, но нужно было экономить. Кто знает, сколько времени придётся провести в этом аду. Где-то на отрезке пути от завала до воздухоподающего ствола в прошлый раз ему на глаза попался пожарный гидрант, но есть ли он там сейчас? При взрыве потоки воздуха превращают замкнутые подземные лавы в аэродинамическую трубу, и ударная волна может

снести на своём пути всё, включая гидрант. Оставалось только надеяться на удачу.

Поднимаясь по уклону в гору, Рокотов почувствовал, что теряет силы. Было сыро, душно и жарко. Респиратор запутался в шнуре коногонки, каска всё время сползала, пот заливал глаза, ноги наливались свинцом. Появилось головокружение, участилось дыхание, а одышка ведёт к повышенному потреблению кислорода. Последнее означает, что за короткое время он, Женька, может «съесть» весь оставшийся воздух из своего аппарата.

Выбравшись на горку, молодой человек остановился, выдохнул, присел на свой мешок с носилками. Перед глазами захлопали крылышками мелкие белые мотыльки. Их было настолько много, что он даже испугался. «Надо закапать глаза», — решил Рокотов, доставая из своей аптечки капли альбуцида. Не помогло. «Значит, это — реакция организма на нехватку кислорода. Видимо, мой респиратор приказал долго жить».

Теряя сознание, Евгений успел натянуть на себя Жоркин дыхательный аппарат и отключить налобный фонарь. Мотыльки тотчас исчезли, и на их месте появилось... мамино лицо на дисплее его телефона.

— Как твоя служба, сынок? — интересовалась она. — Сильно тяжело?

— Я же вчера тебе об этом рассказывал, мамуль. Всё у меня норм: чай с мужиками гоняем, песни поём под мою гитару, на тренажёрах качаемся, играем в баскетбол, изучаем горноспасательное оборудование. Периодически у нас бывают выезды на контрольно-тактические учения. Ерунда, короче. Тут главное — суметь десять раз подтянуться на перекладине, пятьдесят пять раз отжаться от пола и пробежать кросс на один километр за три минуты пятьдесят секунд...

Очнувшись в полной тишине и темноте, Рокотов включил коногонку и обнаружил себя лежащим в чёрном каменном мешке. Над головой угрожающе нависал тяжёлый угольный массив.

«Значит, разговор с мамой мне просто привиделся, — разочарованно подумал он. — Интересно, сколько я здесь провалялся, и сколько кислорода осталось у меня в аппарате?»

Женька поднялся на ноги. Его шатало. Дико хотелось есть и пить. А ещё мечталось постоять немного под струёй тёплого душа, чтобы смыть с себя пот и угольную пыль.

Он собрался с силами и, опираясь на кирку, направился вперёд. Вскоре понял, что уже не в состоянии тащить на себе такой груз. Но бросить столь нужные в экстремальной ситуации вещи было бы легкомыслием. Кто знает, что может понадобиться ему в самое ближайшее время. С помощью спасательного изотермического покрывала и бечевы с карабинами он сделал мешок-волокушу, сложил туда весь свой скарб, продел руки в верёвочные петли, закрепив их на спине карабинами и, подобно бурлаку, поволол поклажу за собой.

Спустя какое-то время Рокотов решил сделать передышку. Сев на свой мешок, он облокотился о стенку, и на него откуда-то сверху посыпался горячий скользкий уголь. Парень отскочил к центру коридора, мысленно поблагодарив свой талисман за то, что не обвалилась вся кровля. Он лёг на землю, положив под голову свой мешок, и вдруг услышал какие-то странные звуки. Сначала где-то очень далеко что-то загрохотало, потом, уже ближе, послышались не то скрипы, не то шорохи.

«А ведь это поскрипывают тонны породы, от которых меня отделяет лишь железная арматура бортов и потолка, — бросило Женьку в жар. — И эта арматура — просто листочек бумаги, который чудом сдерживает нависающие надо мной пласты угля. Идти в ту сторону, где только что прогремело, опасно. Скорее всего, наверху признали, что возможности найти нашу четвёрку живой, уже нет, и дали отмашку для бурения дегазационных скважин. Через последние будет закачиваться инертная пена для снижения концентрации газов и охлаждения горных выработок. Что это для меня означает? С одной стороны, это плюс — можно будет дышать без респиратора. С другой, минус — от сотрясения породы в любой момент может рухнуть угольная скала, и от меня не останется даже мокрого места».

Сверху снова что-то зашуршало. В голове у парня ледяными струйками забились панические мысли. Так страшно ему ещё никогда не было. Он выключил фонарь, засунул руку в карман, погладил по голове своего оловянного солдатика. Перед глазами снова захлопали крылышками тучи белых мотыльков. Их сменило лицо председателя приёмной комиссии Технического пожарно-спасательного колледжа подполковника Зубова, который на его, Женькино, «Ого, какие требования!» снисходительно хмыкнул: «А ты как думал? Спасатель — это профессия, не терпящая случайных людей. Кого попало в МЧС не берут. У нас нечего делать судимым, пьющим, психически нездоровым, маломощным хлипакам, нервным и излишне впечатлительным. Так что, подумай хорошо, действительно ли ты хочешь постоянно сталкиваться с людским горем, разбирать места катастроф, искать выживших людей. Далеко не каждый способен справиться с такой психологической нагрузкой». «Я справлюсь!» — уверенно произнёс он тогда. А может, надо было послушать маму и стать филологом? Я ведь так люблю литературу...»

В реальность Евгения вернуло зверское чувство голода. Похлопав себя по карманам, он обнаружил в одном из них шоколадный батончик, которым его премировал сластёна Корзухин. «Надо же, а я о нём совершенно забыл! — обрадовался парень, запихивая находку в рот. — Дай тебе бог здоровья, Илюха! Если выживу, куплю тебе целый ящик этих батончиков. А я выживу!».

Рокотов включил коногонку, осмотрелся вокруг, прислушался. Не было ни мотыльков, ни посторонних звуков. Нужно было идти

вперёд, пока не разрядился фонарь. Руки сами потянулись к фляге, и он сделал ещё два глотка. Живительной влаги оставалось всего ничего. «Даст бог, доберусь до гидранта, тогда уж и напьюсь от пуза, и умоюсь, и заполню флягу, — утешал себя молодой человек. — Главное — не паниковать, решать проблемы по мере их поступления и использовать приёмы психологической саморегуляции».

Потеряв счёт времени, Женька не знал, как долго он шёл. Ему казалось, что прошла целая вечность с момента спуска под землю их четвёрки. Если же судить по уже слабеющему свету фонаря, то часа три, не больше. В страхе, что коногонка сейчас окончательно погаснет, Рокотов её отключил, попытавшись двигаться без света. Вначале ему это удавалось, потом он стал наткаться на преграждающие дорогу небольшие кучи угля и, наконец, упёрся в угольную гору, обойти которую не представлялось возможным.

Парень нервно сглотнул, сбросил с плеч свою лямку, включил фонарь, попытался поковырять киркой гигантскую кучу. Напрасно. Многотонный завал наглухо заблокировал его продвижение вперёд. Так же, как предыдущий — дорогу назад. «А ведь я — в мышеловке! — пронеслась в мозгу пугающая мысль. — Ну, и где ты, мой ангел-хранитель? Ушёл-таки на перекур? И как мне теперь быть?»

Ангел молчал. Видно, был здорово озадачен сложившейся ситуацией. Женька присел на корточки, упёршись своим дюралюминиевым рюкзаком в угольную кучу, попытался успокоиться. Он знал: если страх окажется сильнее его — это крышка! Значит, нужно какое-то время пересидеть, а ещё лучше, переспать. Утро вечера мудренее. Хорошо отдохнув, он обязательно что-нибудь придумает. Не может не придумать! Он умный, находчивый и... везучий. Во всяком случае, был таковым до недавнего времени.

Рокотов отключил издыхающий фонарь, закрыл глаза и, засыпая, увидел своё отражение в зеркале в тот момент, когда впервые облачился в форму сотрудника МЧС. Как же его тогда распирало от гордости! До чего же он был хорош в костюмчике темно-синего цвета: курточке на молнии с нашивками «МЧС России», Государственным флагом страны и собственной фамилией с инициалами на клапане левого кармана. Правду говорят, что военная форма украшает любого мужчину, даже косого, лысого и отчаянно неспортивного...

Проснулся Женька от внезапно озарившей его мысли, что находится он сейчас на месте первого встреченного их тройкой завала. Того самого, который они обогнули и недалеко от него сделали просек. Значит, нужно найти этот лаз, проползти по нему метров пятьдесят, а там уже — и воздух, и гидрант с водой, и свет коногонки, принадлежавшей кому-то из погибших горняков.

Молодой человек не ошибся — вскоре он, и в самом деле, обнаружил просек. «Стало быть, мой ангел-хранитель вернулся с перекура, — мысленно перекрестился Рокотов, смазывая губы оставшимися

у него каплями воды. — Очень вовремя — фонарь вот-вот сдохнет, а без него фиг найдёшь выход. Я же не летучая мышь».

Встав на четвереньки, Евгений пополз вперёд, волоча за собой мешок с инструментами. Метров через двадцать остановился передохнуть. И вдруг что-то сверху ударило. «Упал кусок породы, — догадался парень. — Не дай бог...». Додумать свою мысль он не успел — обрушилась кровля. Страх лизнул Рокотова холодным языком вдоль позвоночника, и он отключился.

Когда Женька пришёл в себя, то сразу понял: с правой ногой что-то не так — он её просто не чувствовал. Правое плечо тоже ныло, но это было нормально: ушиб — боль. А вот онемение — совсем другое дело. Когда боль придёт, она уже не позволит зафиксировать место повреждения, нужно немедленно выбираться из-под завала.

Парень дёрнулся вперёд, пытаясь выпрямить ногу, но та не сдвинулась с места ни на сантиметр — была чем-то зажата. «Вот так номер! Неужели моя тушка здесь так и останется? — испугался Евгений. — Только спокойствие. Дышать ровно и глубоко. Всё будет в порядке».

Но порядок не наступал. Ни одна из попыток выдернуть конечность из клещей завала не увенчалась успехом. Рокотов собрался с силами и, глубоко вдохнув, сделал очередной рывок. Острая боль пронзила всё тело, и он в очередной раз потерял сознание.

В себя Евгений пришёл в полной темноте — коногонка уже разрядилась, и от перспективы всё дальнейшее время барахтаться в потёмках у него аж мороз пошёл по коже. «Ну, и что теперь делать? — мысленно обратился он к своему талисману, немеющей рукой глядя его по голове. — Идти я теперь уже вряд ли смогу, хотя... в моей аптечке есть три ампулы кеторола, а в мешке с носилками — несколько иммобилизационных шин. Надо начинать спасать ногу. Я спасатель или кто?»

Превозмогая дикую боль, Женька попытался двинуться вперёд. Не вышло — просек был засыпан обвалившимся углем. «Значит, надо делать новый, — решил он. — Вариантов-то всё равно нет».

Молодой человек с трудом дотянулся до кирки и, привстав на левое колено, стал мало-помалу разгребать породу. Дышать было тяжело, глаза никак не могли привыкнуть к крошечной тьме. Минуты ему казались часами, часы — сутками. Были моменты слабости, когда хотелось всё бросить и навеки уснуть, но тут же в памяти всплывали строки Джеймса Олдриджа из рассказа «Последний дюйм»: «Упорство обеспечивает тебя неким запасом сил, когда ты веришь в окончание того, что задумал», и парень продолжал бороться за свою жизнь.

Выбравшись, наконец, из-под завала и вытащив из-под него свой мешок со скарбом, Рокотов достал из аптечки шприц и ампулу кеторола, сделал себе обезболивающий укол. Когда почувствовал, что боль отпускает, выпрямил ногу и наложил на неё шину. «Ну вот,

Евгений Сергеич, а ты уже думал, что тебе пришёл конец, — мысленно сказал он себе. — Не-е-е-т! Мы ещё повоюем. Тут где-то недалеко есть выход на путевой штрек, а там уже и пожарный гидрант. Только как его найти в этом тёмном подземном лабиринте?»

Женька попытался подняться с четверенек — не вышло: правая нога сильно опухла, и ею невозможно было ступить. «Тогда буду ползти, — сказал он себе. — По-любому нужно двигаться вперёд». Парень подтянул к себе мешок, положил в него кирку и пополз в направлении того места, где в прошлый раз лежали тела погибших горняков.

Вскоре он нащупал одно из них, потом второе, а затем и остальные восемь. На головах четырёх из них касок не было совсем. На следующих двух были, но без фонарей. Видимо, их сорвало взрывной волной. Ещё на двух касках коногонки не работали. И только на двух зажгётся свет.

Рокотов издал клич триумфатора, ведь без освещения в незнакомой выработке он бы непременно заблудился. К тому же, у семи из десяти погибших были с собой работающие самоспасатели, а это — семь часов жизни. А ещё на руках некоторых тел были часы, малая стрелка которых указывала на четвёрку, а большая — на двенадцать. «Стало быть, сейчас четыре, — подумал Евгений. — Интересно, утра или вечера. И вообще, какой сегодня день? Суббота или воскресенье? А может, уже понедельник?»

По ощущениям парня, потерявшего счёт времени, прошло уже дней десять, но этого просто не могло быть, иначе батареи фонарей давно бы разрядились. «Значит, дня два, не больше, — определился он. — Всего два, а я уже смертельно устал».

Женька, и в самом деле, чувствовал себя скверно: у него дико болела нога, трещала голова, в глазах рябило так, будто в них попали электросварочные искры. «Дают себя знать жажда, голод и отсутствие нормального воздуха, — решил он. — С этим нужно что-то делать, иначе я не смогу продолжить путь».

Парень засунул руку в карман, погладил по голове солдатика в надежде, что тот подскажет ему выход из незавидного положения. И тот подсказал.

«Возможно, у горняков в карманах есть что-нибудь съедобное», — прозвучало у Рокотова в голове, и он бросился к телам, чтобы проверить эту версию.

Прощупав карманы погибших, молодой человек разжился лишь пачкой гематогена с семечками, двумя вафлями и одним большим яблоком. Последнее он проглотил сразу же — так сильно хотелось пить. Остальное не вызвало у него особой радости. Женька рассчитывал найти тормозок¹ с обычным шахтёрским перекусом: бутербро-

¹ Набор продуктов, которые горняки берут с собой на работу.

дами с салом, варёными яйцами и картофелинами, какой-нибудь выпечкой, но, увы...

«На безрыбье и рак рыба», — вздохнул спасатель, разглядывая надписи на упаковке гематогена: «Изготовлен на сгущённом молоке. Рекомендуются в пищу как дополнительный источник железа. Полезен для иммунной и нервной систем в период физических и эмоциональных нагрузок».

«Актуальненько, — хмыкнул парень, распаковывая батончик. — “Вороне где-то бог послал кусочек сыра...”». А ведь мог бы, и в самом деле, послать что-то стоящее, хотя... и на том спасибо».

Он перевёл взгляд на лежащие на земле тела горняков, которых ему так хотелось спасти. В глазах Евгения блеснули слёзы: «Простите меня, мужики, за то, что не успел вам помочь. За то, что сижу сейчас рядом с вашими телами и поедаю ваши продукты. Не считите меня мародером. Вам они уже не пригодятся, а я, благодаря им, попытаюсь выжить».

Женька смахнул с ресниц слезу, с трудом поднялся на ноги и, опираясь на «корчагина», похромал искать гидрант. Каждый шаг причинял ему нестерпимую боль. Пришлось сделать ещё один укол.

Наконец, гидрант нашёлся, но воды в нём не оказалось. Совсем. Рокотов был потрясён до глубины души и едва не закричал от досады, понимая, что «без воды — и не туды, и не сюды».

«Зря я заточил всё яблоко в один присест, — корил себя Евгений, — ведь мог же разделить его хотя бы на две части! Одно хорошо: дорога по путевому штреку не поднимается вверх, и можно без напряжения брести по тоннелю, волоча за собой мешок с инструментами».

Пройдя какое-то количество метров, Рокотов почувствовал, что совершенно выбился из сил. Перед глазами снова замелькали белые мотыльки, и он понял: кислород в Жоркином аппарате заканчивается — пора делать привал и менять издохший респиратор на один из имеющихся в запасе самоспасателей. Парень сел на землю, опершись рюкзаком о горячую стену, достал из кармана вафлю, отломил половину и стал есть. Поужинав, выключил фонарь и закрыл глаза.

Мотыльки тут же исчезли. Их сменило лицо молодого отца, читающего маленькому Женьке его любимую сказку «Стойкий оловянный солдатик»: «Ружьё — на плече, смотрит прямо перед собой, а мундир-то какой великолепный — красный с синим! Он был немножко не такой, как все: у него была только одна нога, потому что отливали его последним, и олова не хватило. Но и на одной ноге он стоял так же твёрдо, как остальные на двух...». Как же он плакал, когда узнал, что его любимого сказочного героя глупый мальчишка швырнул в печку, и тот расплавился, превратившись в кусочек олова в форме сердца. Как же хотел хоть немного быть на него похожим!

И вот спустя много лет и он, Женька, в синем с красным защитном костюме, передвигается по подземному лабиринту на одной ноге и так же, как андерсеновский солдатик, плавится в горной выработке от высокой температуры. «Ещё немного, и я тоже превращусь в чёрный обгорелый комочек», — с горечью подумал он, засыпая. Парень настолько устал, что отключился, так и не поменяв свой респиратор на свежий самоспасатель.

Проснулся Рокотов от боли в ноге. Включив коногонку, сразу заметил, что угольная пыль, которая всё время висела в воздухе, почти рассеялась. Значит, откуда-то пробилась свежая кислородная струя. Решив проверить свою догадку, Женька подбросил вверх горсть пыли, и её потянуло куда-то вправо. Да и стена за его спиной была уже не такой горячей, как раньше. Выходит, шахту сейчас проветривают.

Чтобы убедиться в этом, парень вытащил изо рта трубку респиратора и осторожно вдохнул. Лёгкие наполнились относительно чистым воздухом. Он сбросил с себя на землю изрядно поднадоевший дюралюминиевый ранец и на радостях прикончил последнюю вафлю. Затем сделал себе последний обезболивающий укол и, продев руки в петли своего самодельного вещмешка, двинулся вслед за свежей струёй.

Поток воздуха вывел Евгения в штольню и поманил по уклону наверх. «Не иначе, у этой выработки есть выход на поверхность, — сообразил он. — Именно оттуда и идёт накачка воздуха. Господи, дай силы мне, крещёному атеисту, выбраться отсюда, и я поверю в твоё существование».

Рокотов упорно двигался наверх, время от времени останавливаясь и делая передышки. «Начинал я свой подъём с “горизонта 400”. А сейчас я на каком? И сколько ещё осталось? — вопрошал он мифического Горного Хозяина, который, по преданию, живёт в шахте, помогая достойным горнякам и наказывая плохих. — Дорого бы я отдал за то, чтобы получить ответ на последний вопрос».

То ли от усталости, то ли от жажды, то ли от боли в ноге, сознание Евгения начало мутиться. Он чётко видел перед собой огромного седобородого старца, одетого в чёрную рубаху. Последний опережал Женьку на пару шагов и что-то ворчал себе под нос.

Рокотов прислушался.

— Молись, пацан! Молитва тебе поможет! Если ты не веришь в Бога, это ещё не значит, что Бог не верит в тебя, — бормотал старик жутким гортанным голосом.

— Я бы с удовольствием, — стушевался парень, — но не знаю ни одной молитвы. Разве что первый куплет «Отче наш!»

— Читай первый! — велел Горный Хозяин.

— Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

В этот момент старик неожиданно испарился, превратившись в поднимающуюся вверх тонкую струйку дыма.

Облегчённо вздохнув, Женька упал на свой мешок и отключился. Дыша чистым воздухом, он проспал довольно долго. Парню снился дождь, настоящий ливень, хлещущий водяными струями в окна домов, прибывающий к асфальту вездесущую угольную пыль, превращающий улицы в озёра. Подобно пустой вагонетке, раскатисто гремел гром. Везде были мутные глубокие лужи, а он, Женька, стоял посреди двора и, задрвав голову вверх, ловил ртом живительную влагу. По его телу стекали холодные струйки, сырость забиралась буквально под исподнее, уровень воды во дворе поднимался до щиколоток, а ему хоть бы что — он вдыхал запах озона, пил и никак не мог напиться дождевой водой...

Проснувшись, молодой человек едва разлепил рот. Тот был настолько сухим, что язык прилип к нёбу. Слюна была густой, клейкой и совсем не глоталась. Евгений знал, что без воды человек может выдержать суток пять, и то, если его окружают благоприятные температура и влажность и при этом он не выполняет никакой физической работы. Без еды же можно протянуть и сорок суток. Вот у него, например, чувство голода куда-то улетучилось. Есть не хочется совсем — только пить. И если в самое ближайшее время он не поднимется на-гора, произойдут необратимые изменения внутренних органов, а там — смерть от обезвоживания. Так что надо торопиться.

Женька встал на ноги, надел на спину мешок, примостил кайло стальной дугой подмышку, рукояткой вниз, и с этим «костылём» продолжил свой путь наверх. «Вперёд! Только вперёд! Горноспасатели не сдаются! — мотивировал он себя. — Спасение хромающих — дело ног самих хромающих!»

На этот раз он шёл дольше обычного — минут двадцать без перерыва. Потом ещё столько же после перерыва, и, наконец, до его слуха донеслись гул шахтного вентилятора, ритмичный лязг металла, собачий лай и какие-то неясные хлопки... «Неужели без воды и еды, передвигаясь на сломанной ноге и задыхаясь от угольной пыли, я всё-таки выбрался из подземелья?» — боялся парень поверить своей удаче.

Он миновал сооружение для сброса горной породы... несколько боковых ходов с металлическими дверями... горизонтальную трубу, уходящую в глубь угольного пласта... вертикальную шахту, ведущую на верхний уровень штольни. И тут впереди показался заполненный дневным светом прямоугольник выхода из «преисподней». «С днём рождения, Евгений Сергеевич!» — произнёс Рокотов, жадно вдыхая пьянящий воздух свободы.

Тяжело опираясь на «корчагина», чумазый, как трубочист, парень выбрался на «белый свет» через запасной выход, находящийся в нескольких километрах от центрального. У него ныла нога, чесались глаза, кружилась голова, но Женька осознавал главное: ползя по нейтральной полосе между Жизнью и Смертью, он сумел-таки вытащить себя с опасной заболоченной нейтралки на земную твердь.

Увидев бегущих к нему людей, Евгений на ватных ногах сделал несколько шагов им навстречу. В этот момент он ещё не знал, что на прорыв сквозь толщу антрацита у него ушло четверо суток. Что мама, приехавшая в Шахтёрск за его телом, попала в местную больницу с инфарктом. Что вскоре после его появления на поверхности в радио- и телеэфире прозвучит сообщение: «По уточнённым данным, поступившим из оперативного штаба, двадцатилетний спасатель Курмаринской военизированной горноспасательной службы МЧС Евгений Рокотов, награждённый вчера орденом Мужества (посмертно), выжил. Благодаря своим силе воли, мужеству и целеустремленности, он сумел преодолеть под землёй три с половиной километра и самостоятельно выбраться из задымлённой шахты. У спасателя — закрытый перелом правой голени, интоксикация и истощение, но угрозы для жизни нет. Это была первая спасательная операция Рокотова, его боевое крещение, которое он прошёл с честью. Евгений, как и его погибшие коллеги, рискуя собой, спас жизнь четырнадцати горнякам. Его «воскрешение из мёртвых» является настоящим чудом, поскольку шансов на выживание после взрыва метановоздушной смеси практически нет».

Обо всём этом Женька узнает немного позже, а сейчас, опираясь на кирку и шурясь от яркого света, он стоит на заднем дворе израненной шахты. Стоит на одной ноге, так же твёрдо, как остальные стоят на двух, и благодарно гладит по голове своего оловянного солдатика.

Павел КРЕНЁВ /ПОЗДЕЕВ/ (г. Москва, Россия) — военный, журналист, писатель, статс-секретарь Союза писателей России и заместитель Председателя Правления Союза писателей России (до июля 2022 года).

Окончил аспирантуру Академии безопасности России. Кандидат юридических наук. Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ. Работал на руководящих должностях в российских федеральных ведомствах. Имеет ряд правительственных и ведомственных наград. Генерал-майор в отставке.

Печатался в ряде старейших российских журналов. Лауреат всероссийских

и международных литературных премий. Произведения переведены на болгарский, французский, турецкий, польский и литовский языки.

Постоянный член жюри конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

ГРАНИНА ОСЕНЬ

(Глава из исторического романа
«Расшумелось Белое море»)

Граня Калинина, статная, красивая девушка восемнадцати лет отроду, ступила на архангельскую землю. Прибыла она с первыми заморозками, когда размазня поздней осени с её дождями и нулевыми температурами, расхристанными дорогами и простудными заболеваниями сменилась первыми холодными ветрами, строгой прохладцей ясных морозных утренников, просвеченных тускловатым свечением розового солнца, висящего над маревным горизонтом. Девушка расхаживала по архангельским дорожкам, и под ногами у неё тонкими стёклышками позванивал ледок, хрупкий и трепетный, словно хрустальные пластинки, вставленные в изысканную раму молодой и нежной северной осени.

Румяные щёчки Грани пылали от тронувшего их лёгкого морозца, а серые глаза широко, с любопытством смотрели на мир. Ей, деревенской девушке, было в городе занимательно всё: дорогие деревянные дома купеческой знати города — таких домов её деревня сроду не выстраивала, — причудливые резные ставни, деревянные тротуары, необычно огромные, шумные и драчливые голубиные стаи, водяные колонки, лихие извозчики, торговые платяные и пищевые лавки... Обилие карманных воришек, от которых не было отбоя — то, чего никогда не бывало в деревне. Там даже на домах никогда не вешались замки. Казалось бы: заходи любой человек и бери, чего в доме имеется. Но никто никогда не заходил и ничего не брал без спроса. А тут, отвернись только, и уже чего-нибудь да спёрли.

И ещё удивляло её множество иностранных военных. Их было настолько много, что казалось, они всюду, и от них нет никакого спасения, что они навсегда в этом северном городе.

Тётя её пребывала в тяжёлом состоянии. У неё был туберкулёз, и развивался он уже давно, года эдак два. Дыхание старушки было тяжёлым, она сильно страдала и никуда из дома не выходила. Граня все время была рядом с ней. Девушка всерьёз опасалась за её жизнь.

Не приведи господи, умрёт родной человек, и что же дальше? Работы у неё нет, из комнаты, где она не прописана, придётся съезжать.

Граня много раз слышала, что многие женщины, в особенности красивые, у которых нет мужей и семьи, находят себе богатеньких кавалеров, и те содержат их. Живут потом такие женщины довольно-таки безбедно.

Но Гране это не подходит. Она серьёзный, трудолюбивый человек, тем более приехавший из деревни. А сельские девушки особо берегут свою честь для будущего мужа и для создания порядочной семьи. У неё и в мыслях не было чинить какие-то вольности и разврат.

Понимая, что развязка будет совсем скоро, Граня, занимаясь домашними делами, часто-часто подходила к тётке, разглядывала её бледное лицо, наклонялась и слушала, дышит ли она, не ушла ли жизнь из её впалой груди? Разговаривала тётка с трудом, еле разжимала высохшие губы и нелепо, болезненно улыбаясь, шептала что-то малопонятное, невразумительное. Граня лишь изредка понимала смысл её горячего шёпота.

— Выживи, девочка, люблю тебя! — попросила она однажды.

Потом ещё что-то шептала, но смысл произнесённых тётушкой слов остался непонятым для Грани. В тот последний момент общения с единственным родным человеком Граня отчётливо, со всем ужасом осознала: тётушка действительно умирает, и её смерть станет для неё настоящей катастрофой, ведь в этом незнакомом городе она останется совсем одна. А в доме нет ни денег, ни куска хлеба.

Перед смертью тётка не смогла ничего сказать племяннице. Лежала тихо-тихо на стареньком диванчике, даже не кашляла.

«Должна же она хотя бы кашлять, — размышляла полуживая от усталости Граня, — у неё же все дыхательные пути забиты чахоткой...»

Она подкрадывалась к кровати, наклонялась, дыхания не было слышно, но поднесённое к губам зеркальце ритмично слегка запотевало. Тётушка дышала! Граня истово молилась, просила пожалеть матушку, помиловать и её, и рабу Божию Аграфену, не бросать их в суровых испытаниях.

У тётушки уже не было сил кашлять. К вечеру она стала захлёбываться в кровавом дыхании. Уже под самое утро Граня, уставшая, изнемогшая, наконец забылась, уронила голову на краешек дивана.

Ей казалось, что она проспала совсем немного, но проснулась от овладевшего ею ужаса. Прямо во сне Граня вдруг поняла, что любимой тётушки больше нет.

Та лежала с полуоткрытыми, недвижимыми, остекленевшими глазами, устремлёнными в потолок, что-то высматривала там. Может, она искала пропавшие, нереализованные мечты своей затерявшейся в далёких годах молодости и одинокой жизни, разглядывала там розовые отблески растроченной среди людей нежности и доброты, прошедшей мимо любви, обдавшей теплом сердце, но так и не согревшей душу...

Любовь её съела война, и не подавилась проклятая.

Граня вызвала врача, чтобы засвидетельствовать смерть. Долго рыдала на своей кровати в углу комнаты тёти. Затем плакала на похоронах.

Тётушка из-за болезни не оставила племяннице никаких документов или завещания, дающего право на проживание по её адресу.

Поэтому Граня осталась в городе одна-одинёшенька, без прописки, без средств к существованию.

Она сидела на лавочке в городском парке. Морозное солнце холодного дня падало за горизонт. В голове у неё был сумбур от сковавшей её безысходности.

Надо бы возвращаться домой, но это было невозможно: ей не добраться сейчас до родной деревни одной, без напарников. Транспорта нет никакого, да и какой может быть транспорт, если в карманах и в дорожном мешочке гуляет ветер? А идти пешком до дома нужно сто пятьдесят километров. Сейчас, в наступившие морозы, такой путь в одиночку по диким лесам с разгуливающими в них волками, равнозначен лютой смерти.

Остаться в Архангельске тоже невозможно — ей уже поступало два предупреждения от жилищной конторы об освобождении комнаты. В любой момент могла нагрянуть милиция и выбросить её на улицу вместе с маленьким граниным скарбом. В Архангельске люто не хватало жилья для нахлынувших со всех сторон беженцев. Что было делать Гране?

Она сидела в парке на скамейке, на холоде глубокой осени в утлом пальтишке и стареньких, истёртых сапожках с полуоторванными от времени подошвами. Ей было холодно и голодно, и она совершенно не знала, что ей делать дальше.

После тяжёлых, бесплодных раздумий Аграфена решила: ей нужно умереть. Другого выхода она не видела: работы в неработающем городе ей не найти, жить негде, еда кончилась, и не предвидится. Нищенкой и побирушкой она не будет никогда. А просто взять и умереть — значит освободить себя и других от её голодных страданий, от ненужных никому хлопот.

Так она решила. И — совершенно голодная, полузамёрзшая — свернулась калачиком, легла бочком на холодную, застывшую от вечернего мороза скамейку. Замерла.

Мимо проходили два архангельских парня. Это были работяги шлюпочного завода, что на реке Кузнечихе. У них была ночь безделья. Не поступили пиломатериалы для корпусов лодок, и эти производители речных шлюпок проиграли всю ночь в карты. Теперь им хотелось размяться, разогреть молодые кости...

Увидев лежащую на скамейке девушку, придурки эти испытали райские предвкушения.

— Девка, ты чево разлеглась? Пойдём-ко с нами.

Один подошёл к ней и потряс за плечо.

Граня прекрасно понимала, чего они от неё хотят, но в момент желанья смерти ей были отвратительны человеческие похоти...

Из последних сил она закричала. Визгливо и громко, словно стержневая бабёнка в момент истерики. Вскочила со скамейки и, растопырив словно кошка, пальцы, бросилась на молодых негодяев. Глаза её были бешеными, переполненными решимости разорвать в клочья любого, кто помешает ей умереть.

Парни отпрыгнули, отпрыгнув назад, и один, насмерть перепуганный бешеной реакцией случайной девки, визгливо проорал:

— Валим отсель, а то глаза выцарапат дура!

И они попрыгали прочь от опасного места.

А Граня опять разместилась на скамейке, снова свернулась клубочком. Ей, в самом деле, некуда было идти.

Через час она совершенно замёрзла, и уже с трудом иногда пошевеливалась. Колени её перестали разгибаться. Она лежала, тряслась в судорожной дрожи и думала: «Ну и хорошо, что так... Ну и слава Богу... Значит, скоро уже всё закончится...»

Некий мужчина проходил мимо неё. Он был в шинели иностранного покроя. Подошёл к ней, обездвиженной, окоченевшей. Присел рядом, потрогал лицо и понял, что девушка умирает, сердце её уже не билось, как у живых людей, а еле-еле пошевеливалось в груди в слабых, вялых импульсах. Затухающее сердце.

Он вышел на центральную городскую магистраль — Сергиевский проспект — и остановил гарцующий мимо экипаж. Заплатил кучеру деньги и попросил его малость подождать. Затем вернулся к Гране, поднял её со скамейки и на руках перенёс в карету. Там накрыл её специально для таких случаев хранящейся под сиденьем попоной, и они поехали. На краю города подъехали к серому зданию, двухэтажному, малозаметному среди других. Мужчина в шинели выскочил из экипажа, подошёл к входной двери и постучал.

— Кто там? — послышалось с другой стороны. Это был женский голос.

— Это я, Эдвард.

— А, Эдик, заходи.

Открылась дверь. На пороге стояла очень толстая женщина и куталась в меховую накидку. Эдвард сказал ей:

— Подожди, Жанетта.

Он вернулся к экипажу, и на руках принёс молоденькую красотку.

— Это кто? — поинтересовалась Жанетта.

— Сам не знаю. Ей надо бы дать хелп, — почти приказным тоном заявил Эдвард-Эдик. — Она была одна в здесь форест... Она хэв гот сириос колд... замёрз она...

И ушёл... Уже сносно поднаторевшая в английском Жанетта воскликнула:

— А-а-а! Дак всё ясно, замёрзла девка! Давай-ко, деушки, оттирать надоть красоту етту. Могёт быть, жива она!

На зов прибежали ещё две «деушки», быстро скинули с Грани всю одёжку и минут десять натирали её тело древесным спиртом. Натирали сильно, упорно, мощными толчками вдавливали в молодое тело огненную жидкость, пока юное сердце не отреагировало на жёсткий массаж. И начало опять постепенно и замедленно, но регулярно и устойчиво прокачивать кровь, вновь заработало!

А Жанетта исподволь любовалась донельзя юным, плотным, совершенным телом красивой поморки, завидовала её свежести, прищёлкивала языком и при всех мечтала:

— Вот бы мне тако тельце хоть на недельку. Я бы всех мужиков приворожила. Все бы передо мной ползали, гадёныши. А то вишь, морды от меня воротят, сукины дети. А я ведь така же баба, можа, ишше лучшее местами других-то...

Очнулась Граня в публичном доме.

Перед ней, лежащей на тахте, сидела какая-то грузная женщина с ухоженными волосами и одутловатым лицом. И била её по щекам. Била не сильно, не с размаху, а как бы так, показушно, вроде бы отрабатывала чьё-то задание. Граня вытянула вперёд правую руку, под эти несильные удары, и они сразу же прекратились.

— А-а, красотка, очухалась? — спросила возбуждённо, можно сказать, даже радостно полная женщина. — Мы тебя, дорогуша, в чувство приводим. А то ты чиконулась маленько — помирать собралась в таки-то годы.

Говорила она со смешной для нормальных людей опереточной интонацией, с невероятным, совсем не подходящим её внешности дискантным тенором.

— Присаживайся, разговаривать будем с тобой. Рассказывай, как да чего. Откуль ты, дева? Как в домике любви оказалась?

Говорила она со свойской интонацией бабёнок, которые давно перешли обозначенную приличием черту, и теперь занимаются одним и тем же похабным, но доходным делом. При этом добродушно щурилась и подмигивала девушке, как своей заединнице.

— Какой такой дом любви? Где я нахожусь? — слабеньким голосом поинтересовалась Граня.

— Ты чего, не разобралась ешшо, где находисся? Публичный дом ето, вот что.

У Грани не было сил, чтобы возмутиться или воспротивиться. Она смогла только прошептать:

— Есть я хочу сильно и пить.

— Не заслужила ешшо ентого. Заработашь, тогда и пожрёшь. Зря мы, что ли, тебя к жизни вертали?

Граня поняла, что здесь ей не жить. Всё тут совсем не то. Надо уйти отсюда, даже если придётся погибнуть.

Она не представляла, где находится её одежда... С трудом поднялась с кровати и босая, в одной сорочке, сделала шаг к выходу. Неуверенный, короткий шаг. Второго шага ей не удалось сделать. Она пошатнулась, её повело вперёд... С гигантским усилием выпрямилась, затем её сильно закачало, и она упала навзничь, на спину, ударилась затылком о пол.

Толстая женщина, которая в доме терпимости именовалась Жанеттой, (все насельницы публичного дома именовались «красивыми» именами, чтобы клиентов не шокировать простонародными Клавами, Парашами и Нюрками. «Нето у посетителей отбиваются всяки там желания...» — полагала Жанетта) вскрикнула и бросилась к ней. Быстро сдёрнула с крючка полотенце, смочила холодной водой, быстро выжала её и положила полотенце Гране на лоб.

Потом побежала за хозяйкой, Розалией, которая на ту пору была с клиентом, бывшим поручиком, обычно довольно сердитым и крикливым офицером. Однако же он являлся клиентом постоянным, поэтому не поднял шума, когда у него из-под носа увели его также «постоянную» подругу, а «дело ещё не доделано». Но причина была весьма как важная: умирал какой-то человек, находящийся в заведении и, если бы это произошло, могла бы пострадать сама его подруга.

Граня очнулась, когда ей дали подышать нашатырём, а потом с ложечки покормили манной кашей. Она поела и, совершенно усталая и измученная долгим нервным истощением, крепко уснула.

Наутро к ней пришла Розалия.

— Ну чё, деушка, будёшь у нас роботать? — спросила. У неё был чисто поморский выговор и слов, и речи. Землячка, значит. Это Граню немного успокаивало.

— А чё делать-то надо?

— Чё, да чё, не уразумела чэль? С мужиками спать надоть, на прожитё нам всем копейчку зарабатывать.

Аграфена глянула на хозяйку взглядом дикарки, которой предложили вместо сырого мяса перловую кашку — недоумённым и возмущённым.

— Да я лучше сдохну... — Граня в остервенении выплюнула всё, что было у неё во рту.

— Ну, ты порато не торопись сдыхать-то, дева. Поспешь ешшо подохнуть... — урезонила Розалия. Она внимательно глянула на собеседницу, — ак ты чево, целочка, штели, коли так трепыхаиссе?

Граня притихла и молчала, а Розалия, привыкшая ко всему, многоопытная, бесконечно циничная, рассуждала:

— Все мы были когда-то... тоже трепыхались... а жись научила по-другому. Ничего, не померли. И ты не помрёшь...

Она повздыхала, потом сказала прямо:

— Решай, Аграфена. Я почему к тебе прицепилась и приняла от англичанишки, который тебя приволок — видна ты девка! На ты мужичок-от попрёт сюды, деньгу хорошу заробишь. Да и нам всем крепка прибавка будёт. Ну, худо ли?

Она маленько помолчала и сказала опять без обиняков:

— Рядить тут долго некогда, дева, решай: или работай, как все, и копейку в одну кучку со всеми складывай, а нет, дак вон Бог, а вон порог! Можя, где тебе полегше жись достаничче. Туда и попадай, а у нас тут дармовшинки не быват.

Она поднялась со стульчика и объявила:

— Даю тебе, сладенька, два часочка. Прикинь, чё лучшее тебе. Зайду, но ежели не решишь ничево, штебы тебя уж не было тутогде. Осерчаю, коли не так.

Когда она вышла за порог, Гране нечего было впустую размышлять: обитательниц этого заведения она глубоко презирала. У населения были для них только такие имена: потаскухи, проститутки, да шалавы какие-то и ещё те, которые и произносить-то стыдно среди приличных людей. Девушке, ещё не познавшей любви, омерзительно было и думать о том, чтобы она могла стать с ними в один ряд.

Граня собрала скудные свои вещички, расстелила платок, привезённый из деревни, и аккуратно поклала в него весь свой скромный скарб. С этим узелком, в хилом пальтишке из полотняной ткани выскочила на улицу. На её обочине она долго стояла, разглядывала людей, дома, телеги и повозки и не знала, куда пойти? У неё умерла любимая тётушка, ей негде жить, нет ни родни, ни друзей, ни знакомых, ни одной родной души... Работы тоже нет.

Она побродила по городу. Архангельск стал для неё совсем чужим. Куда-то запропастились лица, которые раньше встречала. На улицах как-то замедленно дефилировали одни только иностранные военные. Откуда их столько взялось?

Куда идти, куда спрятаться от безысходности? Как побороть этот разрушающий её холод? Наверное, её убьёт именно он, от него нет спасения. Она вдруг вспомнила опять тот самый парк, в котором чуть не погибла. Вспомнила спасительную идею о смерти. Может, это и есть выход из её тягостной беды?

Граня пошла в парк. Она села на ту же самую скамейку, куда к ней уже приходила та, которую она и боялась, и ждала.

Но смерти долго не было. Вместо неё пришли двое молодых, полуоборванных парней затрапезного вида, в драных кепках, и долго её насиловали, били и насиловали. Дул холодный ветер конца сентября, стояла чёрная северная безлунная ночь. Граня отбивалась и пыталась кричать, но её избили так, что она не могла двигаться и с трудом шевелила порванными губами. Никто её не услышал.

Стояло безвластие начала интервенции. Полиция бездействовала, и даже вооружённые военные патрули опасались заходить в глубину этого бандитского парка. Поэтому шпана, напавшая на Граню, чувствовала себя безнаказанно.

Эдвард русский понимал лучше, чем на нём разговаривал.

— Где тут девушка? Я имель принести хё это место. Где она? Она былль тут.

Пришёл он навестить спасённую им русскую девушку. Она была так плоха, когда он вынужден был её покинуть по срочным служебным делам.

Эдвард Сансет был впечатлительным человеком. Он понимал, что девушка совершала самоубийство, когда он нашёл её в парке на скамейке. Его поразило то, как она решительно и самоотверженно себя вела, делая свой смертельный шаг, как достойно выдержала тяжёлые испытания.

И вот он пришёл к ней туда, где оставил. Но там её не оказалось.

Его знакомые Розалия и Жюльетта понятия не имели, куда могла уйти Аграфена. Обе они сочувствовали Эдварду и разводили руками.

Что ему оставалось делать? Начал он с того, что пошёл туда же, в парк, к той же скамейке. Было бы фантастикой, чтобы она вновь там оказалась, но ему больше некуда было идти.

Когда он приближался из-за деревьев к той же скамейке, со стороны её послышались мужские голоса и сдавленный женский стон. Прислушиваться было некогда, Эдвард ускорил шаг. Увиденное его потрясло.

Происходила явная сцена изнасилования. Один мужчина подмял по себя женщину и бил её. Она, видно что, из последних сил сопротивлялась. Лицо её было окровавлено. Парень закрывал ей левой ладонью рот, чтобы не было слышно, как она кричит, а правой всё бил её и бил, при этом насиловал.

Другой преступник держал её голые ноги и всё время дёргался из-за сильных их толчков.

Эдвард не любил, когда сильные бьют слабых, ему в детстве самому много доставалось от старших сверстников, когда он то и дело защищал младших сестёр и брата.

Когда он подскакивал к блюждкам, один из них — тот, который держал жертву за ноги — выхватил нож и сам пытался угрожать им Эдварду. Однако военный не зря занимался в клубах Англии борьбой джиу-джитсу. Он поднырнул под нож, перехватил его руку и нанёс сокрушительный хук бандиту в челюсть. Тот рухнул и лежал, не вставая. Тут же Эдвард занялся вторым бандитом, который был настолько занят своим преступным делом, что не заметил поражения напарника. Он стащил его на землю и долго по-простецки, по-мужицки пинал ногами по туловищу, по роже, по чему попало.

Безо всякого джиу-джитсу. Забитых до полусмерти подонков Эдвард связал ремнём и свалил в придорожную канаву.

На скамейке он увидел опять ту же Граню, которую однажды уже спас на этом же месте. Сейчас он спас её во второй раз. Не сразу разглядел её и узнал, но узнал, когда она прильнула к нему, своему спасителю, и что-то благодарное стала шептать сквозь разбитые губы. И когда в её плачущем шёпоте он услышал своё имя. Глаза её, заплывшие от нанесённых травм, едва приоткрывались, но она разглядела его и заплакала, а потом и зарыдала.

Искромсанную, избитую Граню Эдвард принёс туда же, куда и в первый раз — в публичный дом, где его опять встретили старые его знакомки Розалия и Жюльетта. Они опять суетились вокруг лежащей без сознания Аграфены, обрабатывали её раны, сочувствовали ей и ругали. За то, что она «такая непослушница», что «не хочет жить, как все», а всё «суется, куда не следоват», а «все ей жалеют» и «все из-за ей страдают».

После курса лечения Граня осталась там. И жить и работать так, как того требовали обстоятельства. Ей нечего было больше ждать от жизни.

Желанный ею с юности Артемий Разбаков куда-то совсем запропастился. Больше года, как уехал он в Архангельск, не было от него никаких вестей. И это тяготило Аграфену более всего. Неужели позабыл вовсе? А может, нашёл другую зазнобу? Почему он не разыскал её до сих пор?

И непреодолимо тяжёлым грузом лежало на её сердце то, что не смогла она, не удалось ей сохранить то, что бережно должна хранить для любимого каждая девушка — свою девичью честь. Пусть и не было в этом её вины, но она не исполнила эту святую обязанность. И это её сильно печалило. Как она посмотрит в глаза своему Артемьюшку? Что ему скажет? И самое главное: что он ответит?

Граня не знала сейчас, что Артемий тоже не может её забыть, что ищет её где только можно... Но как ему найти свою любушку в самом неожиданном месте — в публичном доме? Такой поворот ему и во сне не мог присниться.

Наступала осень 1919 года — тяжёлая для России пора, время решающих военных столкновений, в том числе на Севере России, с войсками стран Антанты. С лета прошлого года интервенты глубоко продвинулись в глубь страны. Конечной их целью было дойти по водным артериям северных рек до Вологды, чтобы соединиться с белыми войсками Деникина, Врангеля, а также с нахраписто действующими отрядами восставших чехов. После чего стояла задача совместно с собранными в единый кулак белыми, а также вооружёнными силами интервентов, самостийными формированиями «зелёных» ударить единым фронтом по красным в центральной России

и наконец разбить их. Надеждам этим не суждено было сбыться по ряду причин.

Во-первых, в силу глубоких противоречий в рядах антисоветских сил и неспособности их скоординировать и прочно сплотить по сути разновекторные усилия против красных, все их самостоятельные действия не приводили к единому результату. Антибольшевистский фронт не имел единого руководящего центра. Все фланги этого фронта тянули одеяло на себя, были разрознены, поэтому малоэффективны. Противоборствующие большевикам силы боялись упустить победу из своих рук и не заполучить лавры победителей. Эти и другие организационные ошибки сыграли главную роль в проигрыше, на первый взгляд, мощной силы, выступившей против красных. Все антибольшевистские силы, участвовавшие в походе против красных, ставили перед собой порой иногда прямо противоположные цели и задачи. Одни (например, белогвардейцы) жаждали уничтожения ненавистных им кровных врагов — большевиков. Именно они развязали бессмысленный и бесперспективный, с точки зрения военной, вооружённый поход вверх по северным рекам с целью соединения с другими антисоветскими силами и совместного с ними нападения на советские войска. Эта попытка привела, в конечном счёте, к проигрышу всей кампании.

Другие (английские и американские интервенты) имели от командования более утилитарные задания, в том числе, и грабительские — вернуть военное имущество, завезённое в Россию их государствами перед войной с Германией, награбить как можно больше российского лесного сырья и других товаров и вывезти его в свои страны. Развязывание войны с большевиками не входило в их планы, тем более что Соединённые штаты и Англия планировали тесное послевоенное экономическое (тоже грабительское) сотрудничество с большевистской Россией. Что они впоследствии и реализовали. Интервенты не умели и так и не научились воевать против русских, изучая их тактику, подстраиваясь под местные поморские условия, понимая их характер, обычаи и привычки. Они не смогли сломить сопротивление поморов, подавить их силой. Поэтому вынуждены были ретироваться, сдаться их воле и силе духа. И уйти.

Можно сказать, что такой расклад сил никак не способствовал достижению победы напавших на русский Север интервентов и белогвардейцев. Все они были обречены на поражение и взаимную вооружённую борьбу или в тот конкретный исторический момент, или позднее, когда пришла бы пора делить трофеи. Слишком разными были у них подходы и точки зрения, кому они должны были принадлежать, результаты победы на Севере? Кому, какие и сколько? Они не смогли бы их поделить. Хозяева, пославшие их в Архангельск и Мурманск, просто перестреляли бы друг друга в новой войне. В этом нет никаких сомнений.

Убегая из России, они «подметали» всё, что плохо лежало. Что тут поделаешь, Англия и Америка давно поднаторели в грабеже нашей страны. А тут такой удобный случай... В период нахождения англичан, американцев и французов в Архангельске и Мурманске они старательно и тщательно вывозили в свои страны всё, что можно было вывезти. Всё это время подчищались склады военного имущества, продовольственные и оружейные склады. Из них изымались остатки того, что ещё сохранялось с тех пор, как страны Антанты, желая поддержать своего союзника — Россию — в борьбе с общим врагом — Германией, завезли в Архангельск и Мурманск около пяти миллионов тонн различных грузов. Сейчас, пользуясь всеобщей неразберихой и слабостью обессиленной войной России, Антанта бессовестно разворовывала привезённое ранее имущество и, вместо того, чтобы перезаключить договоры, оформить всё, как полагается, тайно увозила его в свои страны. Старые корсарские традиции англосаксов средних веков были подхвачены и развиты новыми «цивилизованными» пиратами века двадцатого.

Судьбы созданных интервентами в России публичных домов, так же, как и судьбы их бывших обитателей, совершенно не интересовали убегающих за море интервентов. Они были брошены на произвол судьбы. При приходе красных эти оказавшиеся ненужными «заведения» подверглись чудовищным репрессиям.

Стояло обычное холодное утро второй половины сентября. Интервентов и «белых» прогнали с Севера. Пришедшие «красные» наводили в городе свои порядки. Главные устроители его — красные комиссары — выявляли сотрудничавшую с врагами революции «контру» и немилосердно карали её. У пришедшей ЧК разговор был короток: если через недавно завербованных ею «негласных источников» устанавливалось сотрудничество кого-либо с оккупантами, его немедленно брали и помещали в специально выделенную и обустроенную для этого тюрьму. Там был короткий допрос, целью которого было только одно: выявить факт контакта арестованного с интервентами, белыми или же установленными контрреволюционерами. Если факт контакта подтверждался, никому не было интересно вникать в суть этого контакта, его характер, преследуемые цели и задачи. Как правило, человека отправляли на Мхи, где постоянно дежурила расстрельная команда, которая приводила приговор в исполнение. Места казни жертв любых властей всегда одни и те же для любой власти. Условно говоря, и топор, и плаха всегда одинаковы. Разница только в том, в чьих руках они находятся в конкретный исторический момент. Разными могут быть только головы, которые кладутся на эти плахи.

Это гиблое место, находящееся на краю города Архангельска, видало за свою историю множество казней. Там, в гибельных рвах закопано множество жертв разных революций, контрреволюций, экспро-

приаций... Стояли там лбами и затылками к хищным, ненасытным револьверным дулам и рядовые, и генералы, православные и богохульники, люди состоятельные и человеческая рвань... Вся вина их была только в одном — одни имели наглость, другие неосторожность, третьи смелость выступить против власти. За это все они получили право пристально посмотреть в глазок револьверного ствола и секунду подождать, когда из него вылетит свинцовая «птичка» весом в девять грамм.

Ещё одним душегубным «изобретением» красных и белых «революционеров» были обыкновенные деревянные баржи — труженицы довоенного времени, на которых в добрые, мирные времена перевозили всякие там сыпучие и несыпучие товары: уголь, сахар, муку, дрова, кирпич, доски... И белые, и красные охотно их использовали в качестве приспособлений для массовых казней. Поступил, допустим, в Архангельск вагон с зэками, над которыми висит один и тот же приговор: пустить всех в расход. Что с ними делать? Расстреливать — хлопотно и шумно, весь город переполошишь. Да и патронов жалко. А есть тихое, несуетное решение всех утопить! Для этого все прибывшие грузятся в баржу, вывозят баржу в открытое Белое море и там её топят... Вместе с людьми... А обречённым на гибель объявляют, что их перевозят, допустим, на Соловки, и все они совершают кратковременную морскую прогулку... До места своей гибели.

В холодное утро конца сентября 1919 года всех обитателей дома терпимости, располагавшегося по адресу Набережная реки Кузнечихи, дом 14, в количестве 17 человек погрузили в стоящую на приколе у грузового причала Бакарица тяжёлую деревянную баржу. Сказали, что будут переправлять на Левый берег Двины. Зачем, не сказали. Женщины, с утра не евшие, двигались обречённо, осознавая, что ничего хорошего их не ждёт. Всем им требовалось только одно: хоть какая-то ясность относительно их судьбы. Но никто никакой ясности не вносил. Поэтому над людьми висела тревога.

Баржа была старая, видно, что со дна подгнившая из-за постоянного нахождения в воде, но пока что на воде стояла уверенно, хотя и с чрезмерной осадкой. Раньше, скорее всего, использовалась для перевозки пищевых отходов, потому как внутри корпуса смрад стоял страшный. Сверху, на потолке, во всю его длину зияли щели. Сквозь них к полу устремлялись белесые лучи дневного света, светлыми полосами окрашивающие спины и бока толпящихся, прижатых друг к другу людей, отчего весь низ внутренней части баржи напоминал огромное, медленно шевелящееся полосатое животное. Кого-то или чего-то ждали. Женщины начали стонать, и этот стон всё усиливался. Наконец прибыла ещё одна партия арестованных — девицы из ещё двух домов терпимости. Похоже, многие знали друг друга, но радости никто не выказывал. Их буквально затолкали внутрь баржи. И они стояли и качались от толчков, следующих со всех сторон,

мрачные, угрюмые, с растрёпанными волосами, сдавленные телами других несчастных женщин, в смрадном, удушливом аду.

Граня с неимоверным трудом протолкалась в самый угол трюма, села там прямо на пол, потому, как ноги её подгибались и плохо держали усталое тело. Кругом выли женщины, повсюду происходили душераздирающие потасовки. Женщины, ещё вчера отплясывающие в публичных домах похабные и народные танцы, веселящиеся, беззаботно возлежащие в мужских объятиях, сегодня на этой грязной барже царапали друг другу лица, кусались, выли и пинались, бились локтями, чтобы хотя бы на сантиметры увеличить себе жизненное пространство и сделать глоток воздуха.

Вдруг резко засвистел буксир, к которому была привязана баржа, и дал ход вперёд. Люди дёрнулись назад и вперёд и, наконец, замолчали в тревожном ожидании: куда везут их? Зачем они плывут куда-то? Что их ждёт в конце этого непонятого и опасного пути? Ничего хорошего от новой власти они не ждали. Все были уже наслышаны о её коварстве и изуверстве, о её жестокостях. Люди притихли. Единственным, ничтожно малым утешением в их тяжёлой ситуации было только одно: они куда-то движутся. Человек всегда воспринимает движение вперёд, как надежду на перемены, на что-то лучшее.

Как бы то ни было, баржа, скрипя и постанывая деревянным материалом, из которого была когда-то топорно срублена на одном из архангельских лесозаводов — досками, брусками и брёвнами, — двигалась против течения Северной Двины. Так, в невыносимом ожидании прошло минут сорок.

И вот нелепое это судно остановилось, видно, что прямо на воде, потому как не было никаких толчков о причальные стенки. Наступила тишина, тревожное молчание, от которого исходила некая угроза. Люди застыли и ждали неизвестно чего. Вдруг среди людской толпы раздался раздирающий души не то визг, не то ор самой высокой тональности. Но даже этот истошный крик не заглушил стука чего-то тяжёлого, колотящегося о борт баржи. Многие поняли его, этот стук, распознали его, и вот вся баржа, все вынужденные обитатели её заорали обречённо, единым безумным хором. Это был стук топора прорубающий ниже ватерлинии боковую стенку судна. Всем стало совершенно понятно, что баржа без вырубленной бортовой доски долго не продержится на поверхности, начерпает забортной воды и потонет.

Их хотят утопить! Это стало ясно всем. Женщины начали метаться в панике и снова дико вопить. Началась предсмертная вакханалия.

А вода уже поступала, и вот она уже текла по ногам.

Крестьянские люди более приспособлены к выживанию в тяжёлых ситуациях. Крестьянская девушка Аграфена Калинина быстрее всех сообразила, что их баржу хотят затопить и погубить всех людей, находящихся на ней. Она растолкала тех, кто ей мешал и под-

нялась на ноги, огляделась. Надо было найти выход, чтобы покинуть гибнущее судно. По бокам и на днище выхода не было. И не могло быть. Его надо искать только сверху. Там, на потолке, имеется люк для спуска в трюм всякого груза. Но он прикрыт какой-то старой парусиной, видно что дырявой. Вот он шанс!

Если встать на какой-нибудь небольшой чурбачок, то Граня, наверное, достанет до того лючка... Только где взять такой чурбачок? Зырк глазами туда, зырк глазами сюда — не видать нигде никакой подставочки... И тут её осенило!

— А ну-ко, подруга, хошь не сдохнуть тута? — толкнула она в бок стоящую рядом молодуху с потухшими глазами.

— А чего делать надоть? — брызнула та глазами, и лицо её засветилось надеждой.

— Раком становись!

— Как это? Зачем?

— Ты чего, ополоумела? Забыла? Вчерась ишше становилась перед клиентами. Давай быстрее уже, вода приступат.

Та, растолкав женскую толпу, опустилась на четвереньки, и Граня встала ей на спину. Она протянула вверх руку, нашла дыру в гнилом брезенте, просунула в неё два пальца и сильно дёрнула на себя, сорвала его с люка, затем подняла и откинула наружу сам деревянный люк, приказала: «Теперь выдымай меня!». Она выбралась на палубу. Рядом никого не было. Граня просунула голову и правую руку в люк, опустила руку настолько, чтобы её спасительница смогла за неё зацепиться, и выдернула молодуху наружу, к себе. Теперь обе были на свободе. Они могли уже удирать, спастись, но снизу на них глядели жадные, умоляющие глаза.

— Повторяйте, как мы сделали, — крикнула она вниз, в люк.

И сразу ещё кто-то встал на четвереньки, кто-то начал карабкаться наверх... Они помогли первым двум беглянкам выбраться на палубу. Путь был проторён.

До дикого берега Двины было метров сто пятьдесят.

— Плавать-то умешь? — спросила Граня напарницу.

— Умею, да худо, — ответила та.

Они нашли на палубе огрызок доски — теперь напарница не утонет. Она положит руки на доску, будет работать ногами и доплывёт. А для Грани доплыть до берега совсем несложно, она родилась и выросла на море, она хорошо плавает.

Когда они были совсем близко от берега, Граня оглянулась. Корпус баржи был погружён в воду уже наполовину. С той стороны доносились приглушённые крики погибающих людей. Вокруг него плавал карбас с двумя людьми, и эти люди громко ругались и размахивали руками. Наверное, они собирали сбежавших насельниц публичного дома. Но Граню и её напарницу им было уже не догнать, они уплыли слишком далеко. И ушли от страшного места.

Лидия ГРИГОРЬЕВА (г. Лондон, Великобритания) — поэт, прозаик и фотхудожник. Член Союза писателей СССР (1984), Европейского Общества культуры (1995), Всемирной Академии искусства и культуры (1995), Международного ПЕН-клуба (1999). Автор многих поэтических книг, романов в стихах, прозы и эссеистики. Создатель жанров «фотопоззия» и «кино-поэма». Автор короткой новаторской прозы «Роман в штрихах ТЕРМИТНИК». Постоянный член жюри Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского.

*Из романа в штрихах
«ТЕРМИТНИК»*

СЫН ЦАРЯ

Приснился нынче прямо-таки готовый текст СЫН ЦАРЯ. Настоящее видео с картинками. Белесый сын с рыжим ёжиком на голове. Очень юный папенькин сынок. Правитель баловал его, всюду брал с собой. А тот всё время играл в планшете в компьютерные игры и больше ничем никогда не занимался. Но любил природу, полежать на травке у реки и встретить там юную деву из народа, и полюбить её. Всё как в сказке. Но его личная сказка закончилась, когда умер царь-отец.

Сыночка-переростка обманул родной дядя, стал соправителем и оттеснил на второй план. Дальше снилось что-то про отравленную пшеницу на полях. Про вымершее население. Никого не стало в стране. Только чёрная земля и пустые жилища.

Сказка ложь да в ней намёк. Но добрым молодцам ничто не в урок.

Вот и сын царя, так и не ставший царём, не понял, что больше нет страны и народа, которым можно управлять. Остался только дворец на огромной высокой скале. Говорю же, приснилось. А там всё — как в сказке.

Дядя давно улетел в голубом вертолёте в страну, которая заказала ему этот апокалипсис в обмен на сладкую жизнь на океанском острове рядом с Таити с голыми таитянками в натуральную величину! Этот сказочный злодей, известный по многим литературным

вымыслам, родной дядя недоросля, с юности был поклонником художника Гогена, и именно так с детских лет «уявляв соби рай». Прямо-таки по этим аляповатым, по-сути, картинкам. Никто же ему не рассказал, какой страшной смертью умер художник, не то заразившийся, не то сам заразивший юных, нагих, плоскотелых дев. Скоро у дяди тоже провалился нос, кожа стала сходить слоями. Оставим его в этом раю, превратившемся в личный ад, и вернёмся обратно в разоренную страну.

Так что же Сын Царя? Неужели же был совсем без царя в голове? Ан, нет. Успел он прихватить в своё невольное заточение в высотном замке на скале свою девицу с русой косой ниже пояса. Запасов еды в подвалах замка им хватило на долгие годы. А ещё из этой скалы бил источник со святой водой, освящённый некогда Старцем Горы и неподвластной отравлению.

Со временем очистилась и земля родная от чужого яда. Царица нарожала семьдесят семь царят! Это же сказка, и она мне приснилась, значит и такое было возможно. И пошёл от нового царя с его голубицей новый народ. Род в род, как говорится. Тут и сказке... ну, не конец, так самое начало...

ШИЛО В МЕШКЕ

Преданный друг. Это друг, который предан тебе, как Ионафан? Или это... преданный тобою друг... Или тот, который предал тебя?

«Дружеские связи порою крепче любовных и рвутся болезненнее», — подумал Андрей и резко затормозил.

Пятничная ночь самая опасная в Лондоне для автомобилиста. Пабы переполнены, толпы пьющих и напивающихся под завязку молодых клерков из Сити заполняют собой тротуары центральных улиц, и как тесто из квашни, сползают на проезжую часть дороги. Но самое страшное начинается на тихих, полутёмных из-за городской электроэкономии улицах, застроенных в какие-нибудь эдвардианские времена двухэтажными домами-гармошками, таунхаузами, то есть. И как бы ты ни осторожничал, а рано или поздно прямо перед твоим капотом окажется беспечный выпивоха — весь в чёрном на чёрной, безлунной улице с дальним тусклым фонарём у ближайшего паба, куда этот ночной беспечный торопыга путь и держит. И хорошо, если проскользнёт в сантиметре от беды и растворится во тьме. А ведь бывает, что ничего не высветится в этой чёрной фигуре, потому что и лицо, и руки у него тоже чёрные. И это делает его совсем невидимым для уставших от компьютера глаз Андрея. И тогда всякое может случиться. Хоть из дома не выезжай. Ох, как он ненавидел их! А более всего боялся. Уж очень хотелось поскорее домой попасть и наконец-то выкурить в своём садике под большим каштаном последнюю, ну честное слово, сигарету. А потом

и в дом войти с виноватой улыбкой: брошу, брошу, не буду-не буду, ещё два месяца до плановой операции на сердце, успею.

Да, жена в чем-то права, сердце он рано израсходовал. Курил с девятого класса. Из аспирантуры чуть не выгнали за пьянство. Чудом избежал. Потому что «сбежал», прихватив из лаборатории свои собственные наработки! Хотя хороший контракт с фирмой-разработчиком, легальное оформление всех документов на выезд, кого сейчас удивишь таким поворотом судьбы. А сердце надорвал, когда узнал, что лучший друг скопировал его файлы на флешку и увёз с собой в Силиконовую долину. Получилось, что две лаборатории в мире теперь работали над одной и той же идеей. Оказалось, что его авторство недоказуемо. А доверие — наказуемо.

И вот сегодня этот друг вдруг позвонил, как ни в чём не бывало, и сказал, что летит в Шотландию на научный конгресс и будет читать доклад по их общей теме. Так и сказал: по их общей теме. Андрей облился холодным потом стыда, оттого что не сказал вору, что он вор. Да ещё и не отказал в ночлеге на обратном пути. Другу захотелось и в Лондоне побывать, раз уж оказия вышла.

Удивило то, что его самого не пригласили на этот конгресс. Словно не он породил все эти идеи. Сам виноват — подумал. И тут же кольнуло под левой лопаткой. Ну, не умирать же от этого. Главное, что идеи не умирают вместе с нами. Не странно ли, что именно сегодня созрело единственно правильное решение задачи, и выстрелило прямо в мозг в то самое мгновение, когда этот чёрный, во всем чёрном, бросился ему под колеса, а он успел затормозить. Вот этот адренолиновый выброс и дал вспышку, осветил мрак неизвестности. И у него, только у него в голове теперь ключ от этой научной шка-тулки с секретом.

Да, украсть идею мало, нужно суметь доказать, что это и правда научное открытие, дверная щель в иные миры. Так что пусть летит с украденными разработками хоть к чёртовой матери, пусть хоть на Нобелевскую выдвигается. Как там в детстве пацаны во дворе говорили: «Жильда на правду выйдет!». В том смысле, что шило в мешке не утаишь.

ПОЛЕ ПОЛИТЭМИГРАНТА

Сначала все-таки семья распалась, а потом уже страна.

Худо-бедно, но раньше было всё знакомо и понятно с рождения. Хотя не всё, нет, не всё было понятно. Родители были политэмигран-тами, а паспорта советские им так за всю их жизнь и не выдали: только вид на жительство. Мы с сестрой родились уже в Союзе, она в Ташкенте, а я потом в Москве. И школа была элитная с хорошим английским, и квартира на Кутузовском, и летние лагеря в Подмо-

сковье, а вот моря я никогда не видел, ни в Крыму, ни в Сочи не отдыхал. В детстве не понимал почему, а студентом стал и понял. Вернее, узнал то, о чём в семье с детьми не говорили: чтобы выехать за 101-й километр нужно было обращаться в инстанции и брать разрешение. Мне это было не столько обидно, сколько лень. И если честно, слегка противно. Вины за нами не было никакой, намерений опасных для страны проживания, тоже. Но было смутное ощущение, что ты не такой, как все, что тебе чего-то нельзя.

Уехать из страны мне и в голову не приходило: друзья, интересная работа, молодая жена. Но встреча с Керолайн обрушила все эти непрочные, как оказалось, связи. Развёлся, да. И оказался в Лондоне. И опять словно бы на птичьих правах. Но с правом переписки, прости за чёрный юмор.

Ощущение, что ты свободен и можешь ехать куда угодно, вначале поглотило меня полностью. Да, налетались с женой, наездились. Но какой-то душевный неуют и тут меня тревожил: что-то тут не то... Ощущения странные. Разобрался: оказывается тут никому до меня нет дела! И я никому тут по настоящему-то и не нужен. Ну, не в личном, разумеется, плане, скорее, в экзистенциальном. И как теперь с этим жить... Ознобно немного. Пустота вокруг, как в чистом поле. Поле политэмигранта в Советском Союзе, на фактической моей родине, было словно бы ограничено частоколом из сотен негласных запретов. Хоть ты ни в чём не виноват, а вот иностранец и всё-тут. Следили, конечно же. И родители об этом знали. Хотя и кандидатские, и докторские защитили, а к преподаванию допущены не были. Это же живое общение с советской молодёжью. Мало ли что расскажут, иностранцы, всё-таки. Недопустимая была бы оплошность, казалось, видимо, властям. В научных институтах они только числились, отмечались, а в основном брали «библиотечные дни», то есть, работали дома. Отец книги о борьбе за свободу в своей стране писал, а мать монографию уникальную об искусстве древней миниатюры. Зарплаты им платили не маленькие.

А здесь... Иди в любую сторону по этому полю — только ветер гуляет, свистит в ушах, тревожит душу странным ощущением полного тотального одиночества. Если бы не моя Керолайн, уж и не знаю, куда забрёл бы.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

«Ребята, у нас новенький. Илья Плохих», — сказала учительница.

«А нам плохих не надо, — раздался ломкий басок Вовки Нечипайло с «камчатки», — своих хватает!» По классу прокатился смешок. Но Илья был равнодушен к насмешкам. Будучи едва ли не на голову

выше многих восьмиклассников, он уже прямо с порога стал играть в баскетбол за сборную города. Часто уезжал на сборы. К тройкам относился спокойно. Был уверен, что поступит, куда захочет, если там есть баскетбол. К насмешкам над сибирской фамилией давно привык и даже по носу за это никого не щёлкал с высоты своего роста. Снисходил. На свои бы призывыща посмотрели! Та «послухали» бы! «Нечипайло!» Та никто тебя и не чипает! Но спустя пару лет, уже перед выпускными экзаменами не до этого стало. Детство быстро ушло. Вокруг все забурлило, закипело и пошло дурной мутной пеной. Началось непонятное, по типу: два мира — два Шапиро. Евреи вдруг массово засобирались на историческую родину. Они вновь, уже в который раз, учуяли, что ветер перемен пахнет сероводородом. Это напрямую коснулось Ильи, потому что с родителями уехала его Джульетта... Женя... Женечка Рабинович. Первая любовь такой силы, что будь Илья постарше, рванул бы за ней в красную пустыню неизвестности. Но он просто бросил спорт и едва дотянул школу. А там и в армию забрали. И попал он там, как кур в ощиц.

Когда его отца по службе перевели командиром дивизии из Мариуполя в Донецк, никто же не знал, что вскоре этот город окажется не столько в другой стране, сколько на другой стороне!

Плохих ли, хороших ли парней вырастили когда-то матери, а случилось так, что Нечипайло и Плохих смотрели теперь друг на друга сквозь дальнобойные прицелы. И сказать-то тут нечего, кроме: были бы целы...

БЮСТ ГЕНЕРАЛА

Как-то слишком быстро стали мелькать дни. Слишком быстро стала высыхать глина, размятая для лепки этой заказной работы: бюст генерал-полковника интендантской службы для музея в родной генералу чувашской деревне. Получить этот заказ было непросто. За него пришлось молодому скульптору побороться с братьями по цеху. Безденежье в пандемию всех уравнило, и народных художников, и не народных. А что за дело москвичам до чувашской деревни, вообще не понять. Ему самому всю жизнь наплевать было чуваш он, мордвин или удмурт. Дитя полуязыческого Поволжья. Деревни там через раз то русские, то татарские, то чувашские. А леса вокруг вообще марийские. Непроходимая тайга с настоящими лешими, водяными и русалками. Это все местные знают. А приедем и знать не стоит. Или не поймут, или испугаются.

На открытие памятного бюста прилетел из Бостона внук генерала. Спесивый такой. Финансист, как оказалось. Но скупой до неприличия, как и вся его родня, всё ещё живущая в Красных Ключицах,

откуда все они родом. Пришлось и скульптору приехать в родные места, на открытие этой своей полухалтурной лепнины, впрочем, довольно умело сделанной. Не придерёшься. Главное, внук должен был остаток гонорара за работу выплатить. А то почти весь задаток пришлось за мрамор для бюста и чёрный карельский гранит для пьедестала отдать. Худо-бедно, рассчитался америкос, толстосум за-океанский. Ни копейки сверху. Даже руку не пожал. Ни слова доброго. Зыркнул из-под бровей, насупился. Ну один в один его дед! Угадал художник, припечатал интендантское племя. Хмурится с пьедестала генерал. Недоволен чем-то. Хоть и много добра накопил, подарков от него деревенская родня отродясь не видела.

Всё думали, внук его американский денег на новую школу даст, а он вместо этого, сразу после митинга, развернулся и на трёх джипах с начальством местным в марийскую тайгу поехал на пикник со стрелялками по лесному зверью. Так, низачем. Для удовольствия барского. Что там доподлинно случилось, так никто и не узнал. Вернулись из марийки (так местные по-домашнему эти места зовут) только два джипа. Третий, сказали, невозможно ничем, никак и никогда из лесной трясины вытащить. Этот их гость лихачом оказался. Сам на джипе за лосем погнался по широкой просеке да не там свернул. А ведь только местные знают, что это и не лось вовсе, а призрак лося. Это обманка такая туманная. Для тех, кто пришёл, чтобы убить... Тот и убитым стать может. Чужаков этот древний лес не любит.

Да и бюст генерала не долго простоял на пьедестале. Мрамор ли оказался фальшивым, или что иное, но со временем голова стала крошиться. Денег ли мало заплатил заказчик или иное что. Но стоит там теперь только постамент из черного гранита.

СЛАДКАЯ СДОБА

Старая любовь, это как засохший коржик. Внутри вроде бы все ещё сдобный и сладкий, а сверху уже крошится. Неудобно как-то. Приходится стряхивать с одежды. Но отряхнуться и уйти не получится. Останутся крошки за лацканом пиджака, или пятно на атласной кофточке. Это называется: память. А новая сдоба с кремом внутри, воздушный эклер, волнующий воображение, эту память затмит собой не сразу. Проверено, хоть к гадалке не ходи.

Разве же у него совсем нет сердца? Да он сам не рад, что опять попался в сети! И оказалось, что к голодной паучихе. Она поначалу запеленала его в шелковый кокон похвалы и лести. Он и опомниться не успел, как его сначала заласкали нежным шепотом, потом распеленали и стали потихонечку объедать по краям. Ну да... Так сладкоежки коржик или ватрушку объедают, чтобы добраться до сладкой

серединки. Пауки почти так же поступают с коконом жертвы. Видимо, чтобы продлить удовольствие. Много раз наблюдал это в садовых зарослях.

А он, значит, жертва. Вот так и скажет это Леночке, когда опять к ней вернётся.

Вот прямо сейчас перестроит навигатор в машине, и — домой. Терять же нечего, кроме шёлковой пижамы и бархатного халата с тяжёлыми золотыми кистями пояса, которые остались в спальне, на даче этой нежной и жадной до любовных лакомств кровососущей насекомой.

Дома его ждал сюрприз: он не смог открыть дверь своим ключом. Странно, его не было всего две недели. Ну, не звонил. Так жена должна была бы уже привыкнуть к его заходам налево. Знала, что если жив, то вернётся, куда денется. Уж больно сладкие коржики она выпекала по воскресным дням и даже будням! В переносном, конечно, смысле. Не надоели они ещё друг другу. Не так уж и сильно крошился коржик их давней семейной любви. Вполне себе сладкая сдоба.

Он позвонил. Дверь открыли чужие люди. Ну, не совсем чужие, дальняя родня. Сказали, что Лену вчера похоронили. Отравилась газом.

Может нечаянно, а может и нет.

Коржики его любимые выпекала. Они и сгорели. Соседи на поваливший из квартиры чёрный дым вызвали пожарных. Дверь пришлось взломать, замки потом заменить. Откачать и спасти её не успели.

ЧЁРНЫЙ ОРЁЛ

Так называлась придорожная таверна по дороге из Корнуэла в Девон. А по сути, старинный английский паб, который, как потом оказалось, обладал настоящей британской гордостью, если не гордыней. Пожилой, коренастый хозяин за стойкой — кому же ещё там и быть в этакой глухомани — уже с порога вычислил в них иностранцев, нахмурился и сказал: «Closed!». И отвернулся к полкам с крепким алкоголем. Место тут было не туристическое, пустынное. Навигатор повёл их в объезд строительства нового моста через нитевидную речку, в дожди, между тем, заливавшую дороги и окрестности так, словно под тонким слоем почвы тут были скальные породы и воду они не пропускали. И Андрей с Ниной поехали в объезд узкими просёлочными дорогами, через малые городки и уютные деревеньки, похожие на иллюстрации из старинных английских книг. Ближе к полудню ни с того, ни с сего, прямо по ходу машины на них стал надвигаться густой клубящийся туман. Пришлось днём включить фары и дальний свет. Но пробиться сквозь тёмное, словно бы грозовое облако, яркие лучи так и не смогли. И они несколько часов ехали почти наощупь,

рискуя съехать в невидимый кювет. Стало понятно, что вокруг, вдоль дороги, простираются знаменитые вересковые пустоши, гиблые места, если верить классической английской литературе. Здесь во всякое время суток, и в любой сезон стояла густая, тёмно-серая дымка. Скорее всего, это испарялись окрестные болота, о которых местные жители сложили множество легенд и мистических историй, заселённых чудовищами вроде собаки Баскервилей.

После полудня машина всё же вынырнула из вязкого тумана, и они увидели перед собой увитый лиловой глицинией приземистый старый коттедж с вывеской, на которой красовался большой чёрный орёл.

Время второго английского завтрака было на исходе. Потом кухня будет закрыта, и никакой еды ни в одном деревенском пабе до вечера не допросишься. Таковы традиции. И они в этих местах нерушимы.

На тяжёлой входной двери вместо кольца, которое заменяло в старину дверной звонок, на короткой толстой цепи красовалась массивная бронзовая бляха. И каждый входящий мог на ней прочесть дату основания этой придорожной харчевни — Est 1666, и преисполниться почтения.

«Поляки?» — Процедил хозяин сквозь зубы. «Нет, русские». «Это ещё хуже», — сказал он и ушел на кухню за холодными, несвежего вида сендвичами. Бросил тарелку на стол. И в такт этому стуку над Чёрным Орлом вдруг раздался гром или даже рёв, словно реактивный самолёт взял звуковой барьер. «Вон, наши полетели, Москву бомбить!» — оживился хозяин таверны и исподлобья посмотрел, как эти bloody foreigners восприняли его типичный английский чёрный юмор.

Своеобразно, однако, шутят люди, у которых недвижимость дважды, а то и трижды заложена. И в данный момент сидят в глубине паба не клиенты, а банковские аудиторы. И два пристава, которые описывают их имущество, нерушимо принадлежавшее одной английской семье на протяжении более чем трёхсот лет. Это успела им рассказать дочь хозяина, когда принесла счёт.

«Не обижайтесь на него. Вы наши последние клиенты. Жизнь ушла из этих мест вместе с объездной дорогой. Мы разорены. Завтра дом опечатают, и банк, которому мы задолжали, выставит его на продажу. Улетит наш чёрный орёл, который в реальности водится только в этих местах! Отец вряд ли это переживёт. Ему некуда идти. Разве только в приют для бездомных».

ПРОСТО ЖИТЬ

«Мы, гусские, не умеем просто жить! Мы должны обязательно что-то делать. Действовать. Улучшать этот миг!» — взволнованно закартавил Миша. И с революционным вызовом и энтузиазмом посмотрел на себе-

седника. Такого же молодого айтишника-украинца, занесённого ветром глобальных перемен в офис крупной корпорации. Есть такая тенденция последних лет: строить офисные термитники-небоскрёбы в небольших городах на границе сразу нескольких европейских государств. Тут и земля дешевле, и меньше затрат на служебное жильё для офисного планктона. Умные головы понаехали сюда из разных стран в основном восточной Европы. Выиграли конкурс и право на приличную, почти безбедную, смотря с чем сравнивать, жизнь.

А что, собственно, тут следует улучшать, согласно русским планам Миши Кантора, в этом маленьком альпийском городке? Тут не жизнь, а само совершенство. Тихо, зелено, уютно. И «всё есть», как говорила мишина бабушка, хлебнувшая горя с советским дефицитом.

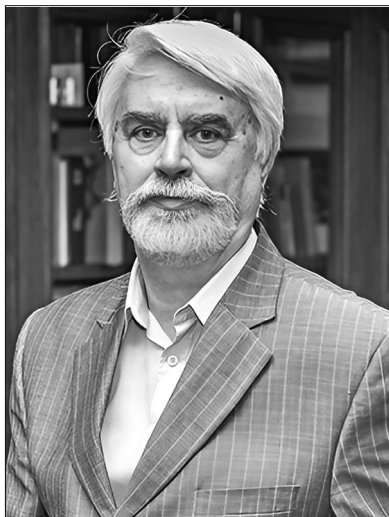
Не зря в средние века народы так бились за эту землю. Из зубов вырывали то немцы у французов, то наоборот. А после Второй Мировой на какое-то время перестали «перетягивать канат». Зажили мирно и зажиточно. Слава «плану Маршалла» — немцам от этого плана одна прибыль.

Ну и вот, чтобы жизнь им, этим самодовольным, сытым герамбургерам, мёдом не казалась, прислали в этот зажиточный сонный городок, по квоте Евросоюза, пару сотен так называемых беженцев с Ближнего Востока. И началось...

Ну, во-первых, оказалось, что расселить их тут негде. Не школы же для этого закрывать? А кроме школ и церкви в городке не было никаких публичных зданий. Фитнес-клубы не в счёт. А частные домохозяйства наглухо закрыли двери перед носом еврокомиссаров.

Неприкосновенность частной собственности пока никто не отменял. Ага... съели. И не учли, что городок славился не только тем, что крупная IT корпорация вносила в бюджет города большие налоги на благоустройство и так вполне благоустроенного города, но и гордился своим клубом бойцовских собак. Их разведением и продажей занимался почти каждый третий житель городка. Благородное дело: размножать настоящих боевых псов и воспитывать в них истинно арийский дух неукротимости. Да, Миша... и что бы ты хотел сюда добавить со своей русской харизмой и стремлением улучшить ситуацию, при которой часть людей хочет просто жить. И не пускать за порог дома чужих во всех смыслах людей, оказавшихся в беде не по твоей личной вине. Ощетинился городок, закрыл ворота и выпустил во двор своих собак. Так просто, погулять. Беженцы так и остались сидеть в автобусах повышенной комфортности, с туалетом и душевой кабинкой. Говорят, их потом повезли на север Германии, туда, где раньше социализм был. Там живут люди победнее. И нет у них ни дорогого жилья, ни дорогих (от пяти тысяч евро каждая) собак.

Просто жить — не так уж и просто. Иногда приходится защищать своё право на это. Тихо, мирно и без жертв. И пусть тот, кто без греха, кинет в них камень.

Борис ЕВСЕЕВ (г. Москва, Россия) — известный русский писатель, вице-президент Русского ПЕН-центра, заслуженный работник культуры Российской Федерации (2022), лауреат Премии Правительства России в области культуры (2012), «Венец», «Литературной газетъ», Бунинской, Горьковской, им. Валентина Катаева, им. Владимира Короленко и ряда других премий, член Союза российских писателей и Союза писателей Москвы.

Получил музыкальное, журналистское и литературное образование. Долгие годы профессионально занимался му-

зыкой, окончил музыкальное училище, учился в Государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных, преподавал в музыкальных школах.

Литературные произведения неоднократно входили в шорт-листы «Ясной Поляны», «Большой книги», «Русского Букера». В советское время публиковался в самиздате. С 1991 года печатается в ведущих литературных журналах страны. Автор 20 книг прозы и нескольких сборников стихов. О прозе Евсеева написаны три книги: «Феноменология литературного письма. Проза Бориса Евсеева», автор — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН А. Ю. Большакова (2003, переиздана в 2004); «Русские каприччо Бориса Евсеева», автор — кандидат филологии А. Ю. Киров (2011); монография «Звук времени. Онтопоэтика прозы Бориса Евсеева» (2017), автор — кандидат филологии Е. И. Кулаковская. На телеканале «Культура» вышел фильм «Борис Евсеев. Линия жизни». Телеканалом «Скифия» снят фильм «Борис Евсеев. Люди и судьбы» (в 2-х частях). Проза и эссе автора переведены и опубликованы на 15 языках.

Член жюри конкурса IX Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

ГОЛОДНАЯ КРОВЬ

Рассказ

«Кровь стережёт тело и душу омывает, как остров...» — кто это говорил? Или я это сам придумал?» — Манюня Фетюнинский пожал плечами, приподнялся с клеёнчатого кресла и на миг замер. А тут ещё медсестра подстегнула: «Вы, утром, когда пришли, про свойства крови спрашивали, Макар Глебович. Я у врача и узнала. Голодная кровь она и лечит, и калечит, — важно склонила головку

набок пухло-золотистая медсестра, — так вы покушайте сегодня хорошенько, энергобаланс восстановите... Меня, кстати, Соней зовут».

Манюня, сдававший кровь уже в пятый раз, уходя, неопределённо помахал медсестре рукой. Чего-чего, а есть совсем не хотелось. Да и посторонние бабёшки, пусть даже такие сияющие и пышногубые, как Сонечка, были ему, в общем и целом, как пнём об сосну. Мысль про бабёшек Манюню сильно удивила. Но тут же внимание на двух мужиков, замеченных ещё час назад в очереди, он и перенёс. Были мужики с виду вполне приличными, но как часто случается с народом русским по утрам, унывно тускнели харями и по сторонам жадно глазами рыскали. Не особо раздумывая, к мужикам, стоявшим прямо на выходе из больницы, Манюня и подошёл. Тот, что пониже, горбунок с чёрно-синей бородой, охватившей шею полукольцом, курил. Другой ростом почти с Манюню, но сильно толще и лицом пошире, что-то бородачу-малорослику, блестя лысиной, доказывал. При этом бородач всё время пытался повернуться к лысачку спиной, но тот ласково, как шахматного коня, оборачивал малорослика к себе лицом.

Манюня подошёл и роскошным жестом выставил из холщовой торбочки, больше чем наполовину, бутылку коньяка.

— «Васпуракан»? Давно дорогушим пойлом не заправлялся, — прорычал злобно малорослик. Но тут же спохватился, растянул губы в улыбке, — где брал?

— Так прямо оттуда привезли. Я ж инженер-механик. В автохозяйстве. Вот и возят.

Отдыхать в зале 7-й клинической больницы, как это положено всем кровесдатчикам, Бровцын, Костович и Фетюнинский не стали — доехали на трамвае до улицы Якорной, спустились к Москве-реке. Там коньяк из складных стаканчиков, припасённых Манюней, и выпили. От реки наплывал пронизанный игольками солнца апрельский туман. Толстому Бровцыну даже курить расхотелось. А Костович, погладив синюю бороду, опять задымил, как труба.

— Как в сауне туман! — таял от восторга двухметровый Фетюнинский.

Вдруг поперёк сладких причмокиваний и густых похвал «дяде Васпуракану» хмурый Костович возьми, да и брякни: «Хорошо в тумане жить. Ни хрена не видно, и жареным не пахнет. Погуще б он лёг! А давайте, хлопцы, до завтра есть не будем? Может, туман у нас внутри сильней заклубится?».

Обменявшись телефонами, разошлись. Причём договорились: кончив голодать, распрекрасное это событие обильно спрыснуть.

Денёк апрельский тёл небыстро. Но помаленьку стал кончатся и он. Жёлто-пенными огнями взбурлил вечер. Как только стемнело, у всех троих, в разных концах Москвы и разных положениях тела, стала кружиться голова. Нежное жизненное ошеломление мягко поплескивало их, отдавших свою кровь неизвестным лицам, по щекам,

по заушьям. В быстрых сменах огней и тьмы, в промельках безмыслия и неясных дум, оголодавшая кровь стала бережно толкать Бровцына, Костовича и Фетюнинского к тому, чего им втайне хотелось, но на что в обычном состоянии решиться они не могли.

Голодный как волк Костович двинул выпендриваться в научную библиотеку, где решил наконец-таки объявить себя доктором исторических наук. Но по дороге приключилась с ним неприятность: в двух шагах от библиотеки, окликнул из кустов напрочь забытый голос: «Костышка? Ку-ку! Ты не доктор, ты не донор, тебя чёрт за шею тронул, — принялся дразниться писклявый, как у третьеклассницы, голосок. Костович минут пять тужился, но потом всё-таки припомнил: «Ну, Калешина, ну лярва подсадная, схлопочешь ты у меня! Нарочно в Троекурово съезжу, на могилу твою плюнуть!..»

В местный клуб с любимым своим бандонеоном, хоть раньше этого стеснялся — подался и Манюня. Сыпались с почерневшего неба тихие искры, стучаясь лбом о стенки сосудов, как пьяненькая, бродила по жилам, истощённая кровь. «Не человек против жизни бунтует. Кровь его! И притом, кровь сытая, мясом сырым перекормленная! А кровь голодная — не ко вражде, к сочинительству мелодий и слов толкает...» — уговаривал себя Манюня, присев на стул и утвердив на левом колене аргентинскую гармошку.

Он сперва импровизнул (проще говоря, пробежался пальцами по кнопкам), но на музыку его внимания не обратили. А вот когда сладко-щемящим переливчатым звучком повёл «Севастопольский вальс», кто-то стал подпевать, а двое пожилых — дамочка в шляпке и старикан с бело-бульдोजьим лицом — поплыли под бандонеон в танце по кафе-бару. Но тут же Манюню и выперли. Правда, ласково. Уже на выходе догнал бармен, сунул в карман куртки бутылку пива: «Хозяин велел передать». Брезгливо, двумя пальцами, выдернул Манюня из кармана чешского «Козела», поставил на приступочку:

— За Севастополь подачек не принимаю!..

Взять без спросу тестев роскошный «Майбах» и на нём ездануть к девкам мечталось Костовичу давно. Несколько раз он подбирался к машине, но помня, что получал по балде и за более мелкие проступки, себя сдерживал. Причём о тычках и затрещинах вспоминал со сладостью: тесть был миллионер, правда, денег или поводить машину Костовичу никогда не давал, так что и оплеуху от родственничка получить было в радость. Костович поехал и помял бампер. Тишком вернув машину на место, стал ждать затрещин.

Позвонить однокласснице и сказать: всю жизнь хотел только её — могло влететь в голову лишь толстому Бровцыну. Позвонил. Поговорили полминуты. А потом мобилка всхлипнула, одноклассница Лера отключилась. Здесь-то Аркаша и обнаружил записку жены: «Уехала с Любашкой на три дня к маме. Поголодаешь у меня, чёрт лысый!..»

Новый отгульный денёк выдался на славу. Костович с утра на-трескался от пуза. «По-любому никто не узнает!» А Бровцын, тот не ел, потому как тупо перечитывал записку жены. Манюня же думал о том, что кровь крови рознь, что голодная кровь звонче и восторженней сытой. А тут ещё медсестра Сонечка позвонила: «А ещё доктор сказал: есть Иродова кровь — жестокая, убийственная! Смешалась она с кровью праведной, когда Царь Ирод младенцев резал и кровью их захлёбывался! Но есть и другая кровь — младенческая, небесная. Вот какую кровь, Макар Глебыч, могла бы я с вашей смешать!»

Ощутив после Сонечкиных слов неясное постукивание в кончиках пальцев, с бандонеоном в руках, отправился Манюня на встречу с новыми знакомцами.

Тем временем, Бровцын, озлясь на себя самого, поехал к однокласснице. В квартире Леры жили незнакомые люди. Да ещё потусторонний человек, прикинувшийся ищущим придурков-покупателей продавцом китайских газовых шариков, бледнея от вранья, прилип на выходе. Бровцын отступил в подъезд. Потусторонний телом своим протёк туда же. Бровцын опустил около подъезда на лавочку — потусторонний, как эзк, присел на корточки рядом. Бровцын с силой сжал веки и заехал кулаком себе в скулу. Вот после этого потусторонний исчез.

Ну а наплевавший на договорённости Костович вместо облегчения вдруг ощутил в желудке подозрительную движуху. Тянуло вырвать, но сперва рвоты не было. Один змеиный шум с шипением и свистом выходил наружу: как у болотной гадюки, которая прошлым летом едва не укусила на даче. Скрежеща умом, цедя сквозь рвоту срамные слова, Костович перед встречей позвонил Манюне: «Ты что в коньяк подмешал, зволочь? У меня глюки и даже хуже! Подваливайте ко мне на Козмонавтов, разбор будет».

После обсуждений выяснилось: коньяк не при чём. С Козменот-стрит, как звал свою улицу Костович, подались на ВДНХ. И сразу стало ясно: что-то с ними не так. «Не надо было отказываться от еды. Ишь, голодная кровь разгулялась», — рюмзал толстый Бровцын. А тут ещё привязался типчик: серо-бело-прозрачное лицо его было удивительно длинным, а плащ, наоборот, коротким. Ну, Бровцын типчика узнал сразу и дальше уже шёл с закрытыми глазами и на цыпочках, пока Костович ругательски ругал серо-белого и обещал завтра же признать его иноагентом. При этих словах, серо-белый — видно, опасаясь очутиться в стане иноагентов — резко отвалил.

«Костович-то похуже потустороннего будет», — вяловато буркнул себе под нос Бровцын. Но тут пришлось взбодриться и ему: шейно-бородый обратил всеобщее внимание на небольшой кинотеатрик. В затхлом этом кинотеатрике их сразу перехватил юнец в зелёных гамашах, с пятнистой бабочкой на крахмально-белой груди.

— Кинотеатр у нас детский, наивный. Но сегодня спецсеанс для взрослых. Ваши бил-л-леты, м-мальчики!

— Вот, возьмите, — неожиданно протянул юнцу в гамашах пяти-тысячную унылый Бровцын.

— Мерси. Какого кина жел-лаете?

— Про голодную кровь, — нехотя брякнул Костович.

— О, это запросто. Задумки ваши, а кинозаставки наши будут. Но заставки эти — всего лишь отображение ваших сокровенных дум. Техника, господа, техника! Может, кофейку, ил-ли перекусить с дорожки?

— У наз зегодня голодный день, лошара, — стал опять раздражаться Костович.

— Ну, голодный так голодный. Тогда надевайте шлемы, укрывайтесь пледом и ложитесь. Экраны у нас на небе. Короче: на толке экраны, дуралеи!

Только улеглись — свет погас, побежали по потолку ускоренные кадры, и раздался в темноте до дрожи знакомый, мужской сладкомедийный голос.

— Внимание. Включаю шлем № 1. Кто в этом шлеме?

— Ну я, — нехотя отозвался Бровцын.

Он уже пожалел, что отдал пятихатку гамашнику. Но сожаления вмиг рассеялись, когда на своём отдельном экране увидел он плачущую и не унимавшую слёз Леру. Бровцын уже хотел потребовать отключить измывательское кино. Но Лера вдруг сквозь слёзы улыбнулась и сказала: «Дурак. Какой же ты дурак, Кадя! Идём со мной в ванную». Тут Бровцын растаял, как кусок мыла в тёплой воде, и с головой нырнул под плед.

А Манюне — тому небесную механику показали. Была она ясной, как день, но слегка упрощённой. Семизэтажное, скруглённое по углам здание с арочными окнами. Над седьмым этажом, рядом с пожарной лестницей — Господь Бог в белоснежной хламиде. По бокам архангелы и херувимы с ручными гранатомётами наперевес. А ниже, под семизэтажкой, в затопленных огненной водой подвалах, судорожно полощут свои половые органы германо-бандеры. Ужасающим кашлем и ворчливыми всхлипами подгоняют их чёртообразные куницы, которых, как знал пытливый Манюня, ещё тасманийскими дьяволами зовут. Но и чёртообразным по временам прилетало: длиннейшим арапником доставал их суперинтендант с бейджигом «Beelzebub» на волосатой груди. «Саркофилы, вперёд! Саркофилы, в зад! Sarcophili, avanti! Sarcophili, nel culo!» — клацал зубами и тряс вытянутой по-собачьи мордой Бельзебуб волосатый.

Здесь Фетюнин взгляд передвинулся с механики небесной на механику земную. И всё сразу спуталось. Лысо-безглазые холмы и перековерканные растения откуда-то явились. К примеру, цветок химерический: видом латиноамериканский, а пророс в Авдеевке, в серой зоне, которая в 16-м году, когда Манюня воевал там добровольцем, была не ихней и не нашей. Непонятное растение — кактус не кактус, а какая-то высокорослая колючка с изогнутыми сине-стальными иглами и огром-

ными нечеловеческими ртами вместо цветков — надсадно посвистывало. Рты прятали острые зубки, багряными соцветиями распускали губы и тут же, с гадким чмоком, втягивали в себя пролетавшие мимо, раз в десять уменьшенные, души людские. Души никли головками, слабо отбивались ручками-ножками. Но поделаться с жадными ртами ничего не могли. И хуже всего было то, что Манюня рты эти обязан был целовать. Сильно мешали острые иглы. Он ранился, чертыхался, велиаровы рты вспухали, готовились до костей обглодать Фетюнино тело.

«Больно?» — спрашивал сладко-медийный. «Больно», — отвечал Фетюня. «А привыкай. Чтоб самому раньше времени не окочуриться, должен ты цветок преждевременной смерти ублажать, как бабу многогубую, каждый час свои чмоки раздающую!». — «Откуда такой цветок бесстыжий?». — «А привезли. Шутка ли? Цветок тexasских прерий! Славяножор называется. Теперь у нас буйным цветом расцвёл». — «Нет цветка с таким названием!» — «Так вот же он». — «Да кто вам дал право назначение растений... и вообще, суть вещей менять? Цветок — любовь, а не смерть преждевременная!» — «Целуй, чепушило, не умничай. Кино всё может, кино весь мир переменит! Сиквел, приквел и звездац, а тебя на холодец!»

И только Костовичу кукиш с маслом, а не фильмец показали. Тьма жгучая, тьма мучительная волочилась у него перед глазами. «Подгоните зрочно другую киноустановку, — рычал он, — на что деньги потрачены?..»

Здесь за нарушение кино-тишины, всех троих, а не только бордача Костовича, из кинозала и вытурили. А на дверях табличку «Санчас» вывесили.

— Пора нам зак-кусить, тру-ту-ту-ту! — спел, подыграв себе на бандонеоне, Манюня.

А не получилось. Сбились с дороги, забрели в самую глушь. Зоркий Фетюнинский тут же высмотрел: на краю глухомани — бетонные блоки, кучи мусора и, краем, то ли котлован долгостроевский, то ли покинутый пловцами бассейн. Вдруг над бассейном взмыл, но тут же рухнул вниз малый беспилотник. Двинули туда. И сразу напере-рез — трое суровых качков. Больше всех досталось шедшему впереди Манюне: сперва дали по чану, потом ботинком под коленку, спустили в бассейн без воды и отволокли за кучу мусора.

— Вы с ним, колорады? — вызверился на Бровцына и Костовича один из качков.

— Знать не знаем сучка этого, — просипел Костович, неожиданно потерявший голос. Может, поэтому ему и Бровцыну наваляли лишь слегка и предупредили: здесь, мол, проходит военно-патриотическая игра, так что не фиг носы свои совать, куда не просят...

В тихом пустом бассейне меж бетонных блоков и куч мусора двое механиков на коленках колдовали у внезапно рухнувшего серебристого дрона. Всего дронопустателей было шестеро, и говорили

они меж собой на странной смеси турецкого с немецким. Старший, с чёрной резиновой нашлёпкой вместо уха, резко оттолкнул сперва одного, потом второго механика и подозвал третьего. Пока ковырялись в беспилотнике, Фетюнинский очухался и набрал 112. Мобилка в бассейне не сработала. Тогда Манюня, оставленный без присмотра, раздвинул меха и пошёл, играя, к лесенке.

— Заткните его, zum Teufel mit der Mutter! — заорал черноухий.

Манюню догнали и стали бить заново. Правда, тут повезло: в руках у третьего дрон взорвался, и черноух про бандонеониста забыл. Механик, налаживавший дрон, погиб. Остальные растерялись, но черноухий уже чисто по-русски крикнул: «Я на запасной объект, кончайте с гармонистом и дуйте туда». Манюня подождал, пока черноух поднимется из бассейна по лесенке и, установив гармошку на бетонной кладке, ринулся на ближнего механика. От неожиданности тот упал. Вспомнив военную службу, Манюня-офицер сбил другого и, подхватив бандонеон, побежал к лестнице.

Кровь бунтовала, но кровь и веселилась. От радости невеликой, но всё ж таки победы, Манюня земли под собой не чуял. Однако взобравшись почти на самый верх лесенки, огляделся. Туман городских видений вновь ударил Манюне в голову. Показалось: толпятся вокруг столбами светопроницаемые сгустки крови. Летне-зелёная кровь деревьев, тёмно-красная неостановимая военная кровь, пурпурная кровь любовных притязаний, аспидная кровь ненависти... Мимо этих сгустков, заляпанные по плечам бурой собачьей кровью, удалялись новые знакомцы. Причём было видно: Бровцын простил Костовича, который Манюню сдал и при первой возможности сдал бы за милую душу и самого Бровцына.

Тут симфония крови и новых жизненных смыслов зазвучала над бассейном в полную силу! «Нужно выпустить голодную кровь на свободу. Пусть именно она — кровь лазурная, кровь небесная — хлынет и затянет земные раны!»

Внезапно Манюня осёкся: важными в жизни вдруг оказались не сами события, а наполняющая их кровь. «Кровь отступническая! Равнодушно-преступная кровь земных дел! И честная, лазурная кровь небесная! Два вида крови сталкиваются и вскипают в каждом деле, в каждом из исторических событий, в каждом из тел человеческих!»

Прозрачные люди с тихо бунтующей кровью, изголодавшиеся по безобманной жизни и неложным словам, сновали вдаль и вблизи по выставке достижений народного хозяйства. Радуясь новым смыслам, Манюня резко дёрнул правой ногой. С ноги слетал башмак. Спускаться времени не было, и бандонеон мешал. Изловчась, в бешенстве содрал он с правой ноги ещё и носок, а с левой и то, и другое. «Босиком так босиком!»

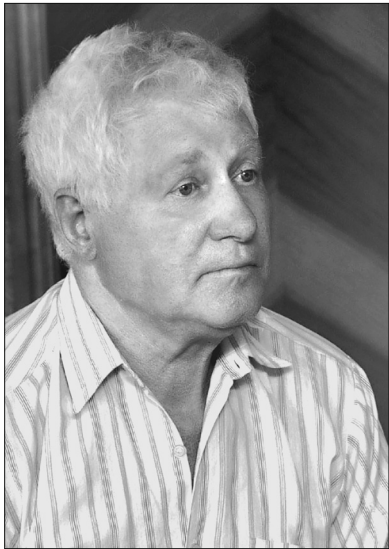
— Чё, дорогуши? Чё, пособнички? Драпака дали? — задиристо крикнул Фетюнинский вслед Бровцыну и Костовичу, и сыграл на бандонеоне отрывок из танго «Adios, Nonino», которое сочинил ког-

да-то аргентинец Астор Пьяцолла. Бережно мелодию закруглив, собрался преодолеть последние ступеньки...

Строго и чинно, как водолаз со вскипающей кровью, поднимался Манюня со дна человеческой мерзости! Вокруг туманно сиял наивный, так ни шиша в себе самом и не расчухавший, мир. Внезапно сразила мысль: не понимать мир лучше, чем понимать его. От радости сам собой раскрылся для смеха рот. Тут сзади раздался шум: прыгнули в бассейн трое куда-то отлучавшихся дронопускателей. Но, теперь, после обретения новых смыслов существования, Манюне было наплевать и на них, и на Бровцына с Костовичем...

Удар ножом в спину наивного мира был страшен, был силен. Стережущая тело, а теперь внезапно выпущенная наружу голодная кровь, тут же дошла до точки кипения и вместе с душой — розовыми парами, которые могут засечь одни лишь спецприборы, — стала уходить в небо.

Дымная, тёмно-коричневая радость, как после укола промедола, сделанного Манюне семь лет назад всё в той же Авдеевке, заволокла мозг бандонеониста. Выронив гармошку, рухнул он из полноты собственного мира в пустоту бассейна. Остатняя часть его крови, перестав омывать порожние пространства покинутого душой человеческого тела, намочив майку и трусы, быстро добежала к босым ступням и с ласковым равнодушием начала растекаться по выщербленному ветрами и временем железобетонному дну нашей жизни.

Пётр ПЫТАЛЕВ (г. Торонто, Канада) — член Союза писателей СССР с 1986 года, Национального Союза писателей Украины и Союза писателей России, поэт, прозаик, лауреат различных литературных конкурсов и премий. Окончил Одесский электротехнический институт связи, Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Трудился рабочим сцены Украинского музыкально-драматического театра в Одессе, был сотрудником МИС за границей, преподавал технические дисциплины в Херсонском судомеханическом техникуме, русский язык и литературу в Бухарестском университете. Автор более десятка объёмных книг прозы. Постоянный член жюри Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ

Знаменитость — профессора экзонаук Волоколамского — привёл на лекцию седовласый младший научный сотрудник Дундуков. С ним в институте считались: даже академики заискивали перед ним, потому что именно он на факультете нанотехнологий составлял расписание занятий, удобное для каждого преподавателя, и старался учесть все их капризы. Он выручал преподавателей: если кто из них приболеет или вынужден уехать в «творческую» командировку, Дундуков мгновенно находил замену. Он привёл Волоколамского в аудиторию без пяти минут магистров, откровенно подобоострастно кланяясь ему. Сказал, что счастлив, оттого что когда-то учился на одном курсе с именитым гостем; негодовал, что оригинальные идеи студента Волоколамского одиозная наука тогда не признавала, его вынудили эмигрировать, грубо говоря, послали... очень далеко... Но за границей он пошёл ещё дальше, так впереди всех, что стал основоположником совершенно нового мировоззрения. Теперь, когда у него за плечами многолетняя работа в Йельском, Гарвардском и Оксфордском университетах, он решил вернуться на историческую родину, чтобы безвозмездно поделиться с ней своими открытиями. Возвращённая наука, будет, несомненно куда полезнее, чем литература возвращенцев — писателей-эмигрантов... Причём «возвращенцев» звучало как «развращенцев» или «извращенцев»...

«Вам повезло, — заключил Дундуков, — что сегодня у вас Волоколамский презентует фундаментальный свой научный труд “Вибрация пикселей”». При этих словах Дундуков поднял и показал увесистый том в золочёном переплёте и бархатной суперобложке: «666 страниц», — уточнил он. Однако оглушить студентов такой рекламой не удалось. Завтра предстоял самый серьёзный профильный экзамен, поэтому, как только Дундуков на цыпочках вышел, а учёный-возвращенец стал настраивать фильмоскоп для проектирования на экран диаграмм, графиков и расчётных формул, — каждый углубился в свой айфон, айпед, смартфон...

Только Вадик Докучаев, у которого страх перед экзаменом пересиливало природное любопытство, настроился в пол-уха на объявленную новизну. Внешний вид Волоколамского обнадеживал: одет он был в секондхэндское, видимо, что подвернулось под руку; голова была лохматая; на аудиторию не обращал никакого внимания, наверное, от самоуглублённости, и, если бы показал ей язык, был бы вылитый Эйнштейн. Вот те отрывки, что доходили до сознания Докучаева: «...в начале, конечно, было не Слово, а цифра 2, ибо мир двоичен, как “да” и “нет”, как “свет” и “тьма”, как “отсутствие” и “наличие”, “жара” и “холод”, “добро” и “зло”...»

«...венец цифровизации — киборг, неотлично похожий на человека, значит, мы сотворены в двоичной системе органики, которую пытаемся воспроизвести из неорганических соединений...»

«...цифра 2 — основа бесконечности, смотрите на график гиперболической зависимости: 2, 22, 23, 24... 220 ... 240 ... и так далее, всё круче и круче... Так же круто разбегается наша Вселенная...»

«...до Большого Взрыва, известно, ни пространства, ни времени не было... была только точка, точка отсчёта... механизм образования пространства открыт мною... какая главная характеристика пространства? Объёмность! В чём она заключается? В трёх измерениях: длина, ширина, высота... Точка сперва вытянулась в длину, образовалась линия, видите? А что такое линия? Проекция плоскости. Точнее, двух перпендикулярных плоскостей, которые вытянулись из линии вверх и вниз, вправо и влево. Но объём появился лишь после того, как из-за внутреннего напряжения началось расслоение плоскостей, они разошлись вверх и вниз, влево и вправо, и образовался куб-пространство... Большой Взрыв произошёл тогда, когда появилось то, где можно взорваться... под действием взрыва плоскости отодвинулись на расстояния, равные миллиардам световых лет и современными средствами пока не могут быть обнаружены...»

Докучаев насторожился. Может, Волоколамский — не профессор, а артист эстрады? И эта его лекция — это всего лишь проверочный тест перед экзаменами по теории струн, сочетающей в себе идеи квантовой физики и теории относительности? И оценка будущих студентов будет зависеть от реакции на эту «лекцию»? Он обвёл взглядом аудиторию: все его товарищи были «в отрубe», уткнувшись в свои конспекты, записанные в айфонах, айпедах, смартфонах... Между тем, возвращенец продолжал и, переходя от одной теме к другой, невнятно проборматывал некоторые слова, так что «популяризация» звучало как «популизация», «эксперименты» как «экскременты», «модификация» как «мудификация»... Волоколамский перескакивал с темы на тему, лишь тезисно обозначая их: «...мною убедительно доказано, что к моменту высадки первой экспедиции на Марс, вполне возможно падение на Красную планету крупного астероида, целиком состоящего из бриллиантов, таким образом, проблема окупаемости дальних космических полётов будет снята...»

«...мною предложена вместо паросиловой установки паронормальная: она успешно опробована при сжижении атмосферы антогонистического общества...»

«...в области генетики самым значительным я считаю моё открытие местонахождения ДНК Бога в каждом человеке: мне удалось её выделить из стволовых клеток пункции спинного мозга, взятой между третьим и четвёртым позвоночником...»

— Пэ-пэ-позвольте... вопрос?! — вскричал Докучаев.

Волоколамский мило улыбнулся и сделал широкий жест:

— Пожалуйста, молодой человек! На любой вопрос — любой ответ!

— Скажите, уважаемый профессор, а ДНК Чёрта где в нас находятся?

— Интересный вопрос, спасибо. Исследования не завершены, но могу заверить, что у меня есть уже серьёзная гипотеза. В зависимости от сексуальной ориентации...

Тут прозвенел звонок на перемену. Все вскочили, но вошёл Дундуков и дал знак сесть. Поинтересовался у друга юности, как его лекцию воспринимала аудитория. Волоколамский похвалил студентов за внимание: стояла абсолютная тишина.

— Если кому-то что-то где-то было непонятно, — предложил он, — останьтесь. Я готов трудиться всю перемену.

Студены загалдели: «Нет-нет, всё было доходчиво, убедительно, с д е м о н с р а ц и е й слайдов...»

— Тогда поблагодарим господина Волоколамского за глубокую, содержательную, можно сказать, блестящую лекцию?! — предложил Дундуков.

Грянули аплодисменты. Возвращенец с достоинством раскланялся. Дундуков взял его под ручку и повёл к себе в кабинет выпить коньячку и повспоминать бедную юность. Оговоренный гонорар, сообщил он, на кредитную карточку уже перечислен.

Аудитория мигом опустела. Остался только Вадик Докучаев. Некоторое время он сидел, поставив локти на стол и обхватив голову руками, почёсывая её пальцами. Потом спохватился: в Оксфорде проходит стажировку приятель. Вышел на него по «Скайпу», попросил срочно выяснить всё, что знают там о Волоколамском. Вскоре получил ответ. Действительно, Волоколамский работал в университете. Сторожем. В сторожке был компьютер, с помощью которого он охотился за научными «утками», и настрелял их великое множество. С этой добычей в нашем обществе «Знания — сила» его приняли с удовольствием, зачислили штатным лектором-попу...ляриза... популизатора науки.

Ольга ПРИЛУЦКАЯ (г. Ростов-на-Дону, Россия) — прозаик, поэт, переводчик, драматург, заместитель председателя правления ОО «Союз писателей Республики Крым», член Союза переводчиков России, редактор крымского издательства «ДОЛЯ», журналов «Крым» и «Доля», главный редактор детского журнала «Долька». Автор пяти изданных книг прозы и драматургии, публикаций в СМИ России, ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в том числе международных. Её роман «Общежитие» в 2018 году получил пер-

вое место на Германском международном литературном конкурсе русскоязычных авторов «Лучшая книга года» в номинации «Крупная проза». Постоянный координатор конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

НЕВИДИМЫЙ ДРУГ

Рассказ

— Между прочим, у меня сегодня день рождения, — проговорила сидевшая напротив соседка по купе. — И, похоже, праздновать нам его придётся в темноте. В санатории из-за отъезда не получилось, думала, в поезде отмечу, а тут...

Ларисе не очень хорошо виделось её лицо — света в вагоне не было. Пассажиры входили в него, когда вечерние сумерки начинали сгущаться. Народу полно — состав, идущий в Санкт-Петербург, формировался в Симферополе, и уже там заполнился почти до предела. Вагон, в который Ларисе удалось взять билет в день отъезда, плацкартный. Кажется, только в их отсеке были свободными две верхние полки и две боковушки, верхняя и нижняя.

Пока разбирались с местами, устраивали свой багаж, друг на друга особо не смотрели. А когда выдохнули и чинно уселись за столиком одна напротив другой, оказались в темноте. Лишь изредка вспыхивавшие за окном огни освещали их лица. В узких проходах иногда как привидения появлялись пассажиры, подсвечивающие себе телефонными фонариками, или должностные лица — проводники — с большими фонарями в руках.

— Впервые еду в подобных условиях, хотя поездить в поездах за свою жизнь мне пришлось немало, — с некоторой долей удивления сказала Лариса, пожав плечами.

— Я думаю, это вынужденное действие. Всё-таки Крым находится в зоне особого внимания наших «братьев», — заговорщицким тоном произнесла соседка.

Лариса не успела ответить — позвонила подруга, провожавшая её из Симферополя:

— Ну как? Устроилась? Окружение нормальное?

— Да нормальное, только света в вагоне нет. А так чаю хочется! Зря я поддавалась на твою провокацию, рыбки поела напоследок, — посетовала Лариса.

— Ты знаешь, а в некоторых вагонах был свет, я видела, когда поезд тронулся. Пройдись по составу, где-нибудь найдёшь кипяточек, если уж так невмоготу. Напрасно отказалась от бутылки воды... — попеняла подруга.

— Наверное, в купейных вагонах есть свет. Может, и нам скоро включат. Ничего, как-нибудь ночьку выдержу, твоими молитвами. Да и пить на ночь вредно! — пошутила Лариса.

Соседка тем временем вернулась от проводника с двумя стаканами в фирменных подстаканниках. Вытащив из сумки с провизией бутылку лимонада, разлила его по стаканам.

— Ну, за необычный день рождения! — произнесла тост Лариса.

— За настоящий день моего рождения!

— А есть ещё не настоящий?

— Есть, хотя даже не знаю, какой из них «настоящее», — кивнула женщина. — Один — когда родилась. Другой — который в метрике отец записал. Вот и праздную дважды.

— Везёт же некоторым... — улыбнулась Лариса.

В это время сноп света вспыхнул за окном, и ей, наконец, пусть на мгновение, удалось увидеть лицо своей попутчицы — приятное, не очень молодое, но и не старое.

— О, я везучая, правда! Вы знаете, больше всего мне повезло, пожалуй, в сорок четвёртом, в 1944-м.

Лариса подумала: «В войну?.. Сколько же ей лет сейчас, если в сорок четвёртом прошлого века успело повезти?». Похоже, женщина уловила её мысли, продолжила свой рассказ:

— Я родилась в сорок первом, в самый канун войны. Жили мы тогда в Псковской области, в деревне. Говорят, жили хорошо, не бедно. Да мы всегда и везде жили хорошо — отец был работающим, мастером на все руки. На фронт ушёл в первые дни войны. Мама осталась с нами шестерыми. В оккупации долго пришлось жить, трудно. Немцы народ не щадили. Сколько военнопленных погибло в наших краях, страшно подумать. Да и простому, мирному, населению доставалось... Я-то потом уже подробности узнала, со всеми цифрами. Деревни жгли, как спички, все годы оккупации. А уж когда в сорок четвёртом наши начали освобождать псковскую землю, фашисты так лютовали, что просто ужас! Столько «хатыней» русских... — женщина горестно вздохнула. — И до нашей деревни добрались. Январь стоял холодный... Самым тёплым, наверное, этот день был, 14 января. Через несколько дней до минус сорока дошло, а тогда — градусов двадцать, двадцать пять. Будто пожарища согрели воздух... Стариков, женщин, ребятишек позакрывали в их домах и подожгли. Кто пытался выскочить и бежать к лесу, автоматчики расстреливали, наготове уже стояли. Наш-то дом на самом краю деревни был, у самого леса — новенький, просторный. Как дымом потянуло, мама поняла всё. А что делать? Старшего моего брата погнала в лес, велела спрятаться там, а потом, если что, партизан искать. Понятно, что — «если что»... Подъехал к дому мотоцикл, трое фашистов на нём. Мы в доме сидим, ни живы ни мёртвы. Один из них в дом зашёл, нас пятерых увидел возле мамы, говорит ей тихонько: «Матка, вэк! Киндэр, вэк!».

И автоматом показывает на окно, в лес выходящее. А мама сидит, как пригвождённая. Он ей опять повторяет своё «вэк». На пальцах показывает, мол, сейчас здесь всё гореть будет. Сам какие-то тряпки из шкафа прихватил, на улицу вышел, немцам что-то сказал. А мама нас в подпол заталкивать стала. Он просторный, глубокий был, даже из-под дома выходил к лесу. Через какое-то время чуем, горит наш дом. Мама нас подальше от крышки подпола увела, а сама потихоньку стала её приоткрывать, чтоб посмотреть. И вдруг слышит шум на улице, стрельбу. Это партизаны из лесу вышли, узнав, что деревню немцы жгут. Но только нас и спасли, получается. А сто семь человек наших односельчан сгорели заживо. Сорок ребятишек среди них было. Дом наш выгорел наполовину, что смогли, спасли. Часть документов сгорела, и мои метрики тоже. В красивой шкатулке лежали... Как тот фриц её не прихватил с собой, не знаю. Мама, правда, потом всегда говорила: «Были в войну немцы, и были фашисты. Вот тот был немец, он спасти нас хотел...» Когда отец вернулся с фронта, не стал ремонтировать этот дом, сказал: «Новый построим, не на пожарище!». И построил. А мне документ восстанавливал, так почему-то записал день рождения 14 января. Вот и праздную теперь его в конце декабря и в начале января, — улыбнулась попутчица. — К станции какой-то приближаемся? Наверное, Владиславовка? Нравится мне это название, сына у меня Владиславом зовут.

— Да нет, Джанкой, — прочла Лариса. — Как они будут в темноте людей принимать?

Поезд остановился, и через минуту в их отсеке появился новый пассажир — чуть выше среднего роста, в военной форме, с рюкзаком.

— Здравия желаю! — весело проговорил он, и в этот момент вспыхнули все имеющиеся в наличии вагонные светильники.

— Ой, здравствуйте, здравствуйте! Вы нам свет принесли! И сгинула тьма с вашим появлением, ура! — радостно, совсем как девочки, заверещали дамы. Военный пытался рассмотреть номера полков. — У нас здесь с тринадцатой по шестнадцатую. Даже если вы ошиблись купе, мы вас не отпустим, располагайтесь у нас.

Сколько радости, оказывается, может дать обычная горящая лампочка!

— У меня шестнадцатое место! Так что некуда мне от вас уходить.

Военный забросил рюкзак на свою верхнюю полку, а каждая из женщин с готовностью дала понять, что он может присесть на её. Обе с нескрываемым интересом разглядывали парня. Ему было лет эдак от тридцати пяти до сорока. Типичное русское лицо, голубоглазый, светло-русый, аккуратно коротко стриженный. Улыбающийся! Обычно такая улыбка у влюблённых. А этот... «В отпуск едет. Со СВО», — определила для себя Лариса.

— Вы служите... — издали начала разговор её соседка.

— Так точно! — отрапортовал, только что честь не отдал.

— Вы... оттуда? — вопрос был задан полусшёпотом.

— Так точно... — в тон ей прозвучал ответ.

«Ну и правда, что об этом кричать-то!» — подумала Лариса и так же в полголоса спросила:

— Контрактник? Если что, вы нам не отвечайте. Но понимаете, не каждый день так близко мы встречаемся с такими, как вы.

Соседка закивала головой, подтверждая сказанное Ларисой, и осторожно задала свой очередной вопрос:

— И как там у вас?..

Они действительно обе хотели бы расспросить его о многом, но при этом почему-то испытывали огромное чувство неловкости. Неловкости и благодарности, которую не знали, как лучше выразить. Так же ведут себя интеллигентные, воспитанные люди, неожиданно встретившиеся на улице с любимым артистом. С одной стороны, распирает от желания выразить свою любовь, восхищение, с другой — правила этикета, которые им прививались с детства, не позволяют навязывать свои чрезмерные эмоции пусть и обожаемому человеку.

— Так точно, служу по контракту! Направляюсь в отпуск, — ответил военный Ларисе, присаживаясь на краешек её полки. — Комбат не очень хотел отпускать, но у меня уже все сроки вышли!

— Далеко едете?

— В Курск.

— Почти земляк. У меня папа в Курске родился. А вот рос в Горловке, на Донбассе. Вы там не были? — Лариса заглянула в глаза парню, и ей показалось, что они ответили: «Да, был».

— Нет, мы в другом месте...

— И как там у вас?.. — повторила свой вопрос их попутчица.

— Да всё хорошо у нас там!

— Всего хватает?

— Ох, всего-всего хватает! — улыбнулся военный.

— Нет, слушайте, скажите честно: снабжение у вас там хорошее? — спросила Лариса и тут же смутилась от мысли, что как будто спрашивает человека о снабжении соседнего региона предметами первой необходимости и роскоши. — Я хочу сказать, что вот народ собирает деньги на помощь армии, что-то вяжут, пекут, везут... Государство не справляется со снабжением? А по телевизору рапортуют о том, что армия ни в чём не нуждается. Как понять-то?

— Да всё у нас есть, всем снабжают, и мы ни в чём не нуждаемся! — успокоил её парень. — Ну, когда пирожки там, котлетки домашние привозят, приятно, конечно. Будто дома побываешь. А так, всё отлично, планомерно идём к победе! И победим!

«Конечно... Так он тебе и выложил все свои проблемы!» — ругнула себя Лариса.

— А вы кто?

Соседка своим вопросом поставила парня в тупик, но Лариса тут же пришла ему на помощь:

— Профессиональный военный, правильно?

Ей и самой хотелось бы узнать о нём побольше, но она прекрасно понимала, что это невозможно. Кажется, и ему хотелось поговорить более откровенно, но он не имел на это права.

— Да, наверное, учитывая две мои чеченские войны и эту, я могу считать себя профессиональным военным.

— А войска какие, можете сказать? Я уж не спрашиваю вас о позывном. Но вдруг вас когда-нибудь будут награждать, показывать по телевизору... Мы будем гордиться вами! Как вас хоть зовут? — женщина по-детски всплеснула руками, демонстрируя искренность своих намерений.

— Сергей. И потому «Серый», — опять улыбнулся военный. — Инженерно-строительные войска.

— Ой, ну вот видите, мы с вами коллеги! Я ведь тоже строитель! А муж у меня военный врач был. Мы с ним поколесили по военным городкам за свою жизнь! Слава Богу, воевать не пришлось. Нам военного детства хватило! Вы что там строите? Землянки, блиндажи? Или города восстанавливаете?

— Города восстанавливают гражданские строители, мы чаще идём перед ними.

— У меня подруга — врач, в госпитале в Симферополе работает, — зачем-то сказала Лариса. Захотелось стать сопричастной хоть в чём-то?

— Присаживайтесь к столу, Сергей! Мы вас покормим сейчас, — радушно предложила соседка.

— Что вы, что вы! Спасибо! Я, во-первых, не хочу есть, во-вторых, мне ребята столько всего надавали с собой, что я и дома неделю буду подъедать это всё вместе со своей семьёй, — испуганно замахал парень руками.

— А как жена относится к вашей службе? — поинтересовалась Лариса.

— Положительно! Я, знаете, терпел, терпел и не вытерпел, не смог усидеть дома, когда такое вокруг творится, когда друзья, с которыми раньше вместе воевали, все пошли опять служить. У нас опыт, военная чуйка. Если я пойду, то прикрою собой кого-то, может, сохраню чью-то жизнь, на одну смерть будет меньше. Сказал ей об этом, и она не стала возражать, отпустила меня. Там у нас совсем другая жизнь! Моё отделение — моя вторая семья. И трудно сказать, какая из них мне дороже. Мы там становимся другими — вся шелуха слетает, остаётся только настоящее. У тех, кто на фронте, нет ложных чувств, жизнь ценится совершенно иначе, чем на гражданке. Я вот приехал в Симферополь и даже обалдел немного — люди здесь живут как ни в чём не бывало. Будто нет никакой войны...

— Ну да, а тут ещё гулянка голых звёзд в Москве. Говорят, участники СВО сильно рассердились на них.

— Вот эти меня совсем-совсем не трогают! — Лариса заметила, как Сергей брезгливо передёрнулся. — Шушера, не знающая, куда деньги девать! Подсказал бы кто-нибудь! Возомнили из себя что-то...

Об этой постыдной предновогодней пьянке, устроенной малообразованной и маловоспитанной блогершей с участием таких же, как она, «звёзд», кто только не говорил в стране в эти дни. Лариса и фамилии-то её до этого не слыхивала. Зато знала певицу, недалеко от неё по возрасту ушедшую, запомнившуюся не столько песнями, сколько своими разводами и свадьбами, вещавшую в девятностые годы из телевизора: «Девочки, учитесь как следует мыть унитазаы, вам это пригодится в жизни, всегда сумеете заработать этим! Вот я прекрасно научилась это делать в своё время!» Видно, что заработала...

Сергей немного помолчал, собираясь с мыслями:

— Я не об этих, я о нормальных людях говорю. Мне кажется, они не понимают, что происходит, почему мы пошли, не улавливают, не ощущают настоящей опасности. Хотя... Может, это и хорошо, что они живут, как жили до СВО, мы ведь для того и стоим там, на передке. Но всё равно как-то странно...

— Ну, не совсем и не у всех так, конечно. Многое скрыто от постороннего взгляда, как скелет в шкафу. Каждый читает свою книгу, в каждом идут свои часы, и бой часов у каждого звучит по-разному... — казалось, Лариса больше себя в этом убеждала, чем парня. — А скажите, кто там у вас служит? Молодых призывников много?

— Призывников, тем более молодых, у нас нет вообще, — заверил её Сергей. — Все в основном такие, как я. Хотя нет, один молодой у меня есть. Я сначала думал, ровесник моей дочери Полинке — она школу кончает. Он музыкант, саксофонист классный. Интеллигент! Пальцы у него такие тонкие, красивые! Я его берегу, как не знаю какую ценность! Ему дважды отказывали, по молодости лет не брали по контракту. Потом всё-таки приняли, добился. Отец у него в Киеве живёт, а он с матерью в Крыму.

— Спасибо вам! За всё спасибо! Вы знаете, я часто езжу в Крым к своей подруге. И последние два года постоянно в поездках, на вокзалах сталкиваюсь с военными, воюющими там... И всегда я хочу каждого из таких мужчин поблагодарить за то, что они охраняют, защищают Родину. Ведь Родина — это мы! Но я стесняюсь показаться выпендренной, смешной, что ли. Вот! Поэтому вам одному всё досталось от меня сейчас, — немного смущённо улыбнулась Лариса. — Вы постарайтесь остаться живым! Пожалуйста, постарайтесь!

Она выходила в Ростове-на-Дону. Поезд прибывал рано утром. Её соседи крепко спали, как обычно это бывает на рассвете. А Ларисе не спалось всю ночь. Встреча с этим военным, с Сергеем, всколыхнула воспоминания, переживания последних лет жизни. Она мысленно говорила с подругой, от которой возвращалась в город, ставший её городом на несколько десятилетий: «В детстве мы жили рядом... Мой дом смотрел на твой, а твой — на мой. С наших балконов мы могли махать друг другу рукой: ты с третьего, я со второго этажа. Между нами сначала была детская площадка с качелями и тропинкой, потом её превратили в небольшой скверик с протоптанными дорожками. По утрам я доходила до твоего дома, мы встречались и бежали в школу через поле, в детстве казавшееся нам огромным. С каждым годом оно становилось всё меньше и меньше — мы росли быстро...

А потом случилось так, что мы стали жить в разных государствах. И уже не детская площадка пролегла между нашими домами. Но... Неисповедимы пути Господни! Крым, в который ты попала по распределению после окончания мединститута, вернулся в Россию, и мы снова живём в одной стране. Исчезли граница, таможня, возвели замечательный мост, соединивший полуостров с материком, стало проще встречаться.

А вот Горловка, город нашего детства, оказалась в беде на долгие годы. И как нам помочь ей, не знаю. Стареем мы, время уже не наше, наверное. Когда там всё только началось, я смотрела на лица оставших, потом ополченцев и плакала. Особенно молодых мальчишек было жалко. Я думала о том, что это мы должны защитить их, собой прикрыть. Ведь нас так воспитывали — мы ездили школьниками в Краснодар, равнялись на Молодогвардейцев. Но прошло десять лет. Теперь я плачу от понимания того, что не смогу заслонить от войны этих мальчиков, вижу в них своих защитников, горжусь ими и очень благодарна каждому из них.

Шахты Горловки не работают, по городу лупят и лупят враги! Столько разрушений, столько убитых! Как жалко Донбасс, наших людей! По телевизору говорят, что укронацисты агонизируют. Но как-то слишком уж “активно” и порой не в нашу пользу проходит их агония. Я не стала спрашивать об этом нашего сегодняшнего попутчика. Зачем его ставить в неловкое положение? Он уверен в победе. Мы с тобой тоже верим в неё. И всё же, как хочется, чтобы быстрее она наступила! И чтобы этот парнишка, годящийся нам в сыновья, остался жив! Я не знаю молитв, но буду молиться за него, буду!

Любая война отвратительна, это страшное бедствие для всех сторон, втянутых в неё. Ведь страдают и гибнут зачастую те, кто по сути своей очень мирный человек. Я немало передумала об этой войне, и понимаю, что иного выхода не было у России. Уж мы-то с тобой это

точно знаем! Гражданская война, когда брат воюет против брата, — ужасно! Во сто крат больнее получать пулю от родного человека, бить по тому, кого считал своим. Как обидно, что пошли некогда близкие люди на поводу у тех, кто, ухмыляясь, сознательно стравливает и подстрекает. Да ведь они, украинцы, против нас обернулись — мы с тобой давно это видели по членам наших семей, по некоторым из тех, с кем росли — из-за такой глупой фанаберии, что у меня в голове не укладывается. Им так захотелось в Европу, что они предали самых близких им людей. А теперь мы все (все!), с обеих сторон, это расхлёбываем! Вот это настоящая трагедия. Глупо и больно!

Знаешь, Тамара, беда и боль сближают людей, они сильнее и глубже начинают чувствовать друг друга. Вот я смотрю на твою фотографию в моём смартфоне, собираясь звонить, и каждый раз улыбаюсь: у тебя родинка на правой щеке, у меня — на левой. Мы — словно отражения, вглядывающиеся одно в другое...»

В дни их встречи Тамара была весёлой, даже чересчур весёлой показалась она Ларисе. Лишь на несколько минут тень печали легла на её лицо, когда попрощались:

— Лара, из той, прежней, жизни у меня осталась только ты...

— А у меня ты, — эхом ответила ей Лариса.

— Не знаю, когда опять увидимся. Я, наверное, уеду на некоторое время, у нас может не быть связи. Но я всегда мысленно с тобой. И вот ещё, — Тамара протянула подруге кулон на цепочке. — Пусть этот ангел-хранитель будет с тобой. Он тебя уберезит от бед, я верю в это, потому что я так хочу. Когда тебе будет плохо, просто посмотри на него и скажи: «Невидимый друг, посланник любви, пришли мне помощь свою».

Проводница подошла к Ларисе, тронула её за плечо, предупредив: «Через полчаса Ростов, готовьтесь». Лариса благодарно кивнула, поднялась. Взглянула на спящего Сергея. Ночью он несколько раз тихонько стонал во сне, она слышала. А сейчас улыбка была на его лице, под щекой, как у малыша, ладошка лежала. Лариса сняла с себя кулон и, мысленно проговорив: «Невидимый друг, посланник любви, пошли ему помощь свою!», положив иконку ангела-хранителя между рукой и грудью Сергея, пошла на выход.

Открыв глаза, Сергей первым делом увидел пустую нижнюю полку. «Вот ведь, хотел помочь человеку вещи вынести и проспал! Совсем уж я что-то расслабился!» Тут его рука наткнулась на кулон, лежащий у груди. «Это ещё что такое?!» — в первое мгновение парень даже испугался неожиданной находке. Потом всё-таки взял кулон в руки, повертел и так, и эдак, раскрыл, рассмотрел иконку. На небесно-голубом фоне красивое лицо с нимбом над головой и белыми крыльями за спиной. Ангел? В одной руке крест, в другой меч. В зелёной

накидке Ангел — любимый цвет Сергея, цвет надежды. Нормально, то, что надо! Только кто же подложил эту иконку? Старушка спящая или вышедшая в Ростове женщина, чем-то похожая на его недавно умершую мать? Родинка у неё на щеке, как у мамы... А жене рассказывать про этот случай или помолчать до поры до времени?

Поезд тронулся. Сергей представил своих — Людмилу и дочку, подумал, что до встречи с ними осталось уже недолго, улыбнулся и снова заснул. Под перестук колёс спалось спокойнее, чем на передовой.

* * *

— Мила, я сметаюсь в Белгород, передам семье «Лешего» поздравления. Хорошо? Туда и назад... Вечером буду дома! — Сергей обнял жену. — Ну, ты ж понимаешь...

— Понимаю, понимаю... Что с тобой делать! Может, и ко мне от тебя кто заглянет когда-нибудь... — Людмила лукаво посмотрела на него. — Давай! А мы с Полинкой тем временем будем холодец к Новому году варить, торт испечём.

До Белгорода из Курска всего-то два с половиной часа езды на автобусе. Потому Сергей и решил тридцатое декабря посвятить семье фронтового друга — как раз к Новому году сделает им подарок.

Автобус Курск–Белгород прибыл на автовокзал без опозданий, в четырнадцать тридцать пять. Сергей, не очень хорошо зная город, решил ехать на такси, чтоб побыстрее вернуться назад. Лёшка просил купить своим «подарки от Деда Мороза». На вокзале это делать вряд ли стоит, рассудил Серёга, лучше в центре заскочить в какой-нибудь большой магазин, где всегда всё есть.

Торговаться с таксистом смысла не было, хотя цену тот заломил наверняка значительно большую, увидев перед собой иногороднего, «потенциального лоха» среднего возраста. Сам водитель был немного моложе пассажира, самонадеянно считал себя умнее других.

Сергей смотрел на предновогоднюю сутолоку большого города и опять поймал себя на мысли о том, как сильно отличается эта жизнь от той, из которой он недавно вернулся. Этот городской муравейник шевелился весело, деловито и праздно. Кто-то куда-то спешил по улицам, обитатели сквера сидели на скамейках или шли прогулочным шагом «за здоровьем», иногда вспугивая стайки воробьёв или осторожно обходя чувствующих себя хозяевами положения голубей. Солнце то пряталось за тучи, то весело выныривало обратно, грея и ослепляя своими не по-зимнему озорными лучами. Если бы не наряженная, готовая к встрече Нового 2024 года ёлка, вряд ли можно было представить, что через два дня он уже наступит на Земле.

Прикрыв глаза, Сергей думал о том, что успел отвыкнуть от всего этого, подумал о том, что война, с которой он везёт семье Лешего

привет, так далеко от этих людей. И слава Богу, слава Богу! Мы для того и воюем там, чтобы они здесь жили спокойно! Задача военного не убивать попусту, а хранить мир. Да, для этого приходится уничтожать тех, кто на мирную жизнь посягает. Но вот эти весело бегущие ребятишки должны расти в счастье. Он не позволит, чтобы его внуки (а ведь не успеешь оглянуться, Полинка наградит ими!) пережили то, что почти десятилетие переживают донбасские малыши...

— Значит, к универмагу тебе нужно?

Вопрос таксиста вырвал Сергея из его дум, и он по привычке весело ответил:

— Так точно!

— Прямо, как солдат отвечаешь.

Сергей усмехнулся. Ему всё время хотелось улыбаться, радуясь этой спокойной, солнечной, мирной жизни вместе с этими людьми. Да ведь сейчас и он был таким же беззаботным, как они!

— А сам-то служил? — спросил Сергей парня.

— Не, у меня освобождение.

— Надо же... А с виду ты, вроде, нехилым смотришься.

— Это я снаружи крепкий, а внутри весь гнилой, как говорит моя бабка.

«Интересно, сам-то понял чувак, что сморозил? Прямо в точку, видать, попал. Такие считают, что кто-то должен защищать, его хата с краю, гореть не будет», — с неприязнью подумал Сергей, а вслух проговорил:

— Мудрая она у тебя, ты береги её!

Таксист, согласно кивнув, включил радио, и салон автомобиля враз наполнился предновогодним настроением:

*Я вам песенку спою про пять минут!
Эту песенку мою пускай поют!
Пусть летит она по свету,
Я дарю Вам песню эту!
Эту песенку, про пять минут!*

*Пять минут, пять минут!
Бой часов раздастся вскоре!
Пять минут, пять минут!
Помирись те, кто в ссоре!
Пять минут, пять минут!
Разобраться, если строго,
Даже в эти пять минут
Можно сделать очень много!
Пять минут, пять минут!*

Неожиданно Сергей всем своим нутром вдруг почувствовал приближение опасности. Ощутил её резко — где-то внутри него натя-

нулся тросик, — ещё не осознанно, но именно так, как бывало там, в той его военной жизни. Наверное, подобным образом срабатывает интуиция у животных. В следующее мгновение послышался очень знакомый характерный звук взрыва, впереди, на расстоянии пятисот-шестисот метров взметнулся столб дыма. Таксист инстинктивно резко ударил по тормозам, Сергей рывкнул: «Вперёд!». Водитель, на удивление (хотя удивляться было некогда), команду выполнил — слегка дёрнувшись, они медленно поехали туда, где уже был виден пожар, опалело метались люди, выли припаркованные и поставленные на сигнализацию машины. Некоторые из них пылали. Такси миновало одну такую, первую на их страшном пути.

— Стой! — крикнул Сергей. — Видишь, мужик горит в машине. Давай попробуем помочь ему!

Они кинулись к горящей Хонде, не сразу сумели открыть водительскую дверь, но справившись с ней, наконец, вытащили оттуда человека, не подающего признаков жизни. Оттащив его подальше от машины и проезжей части дороги, Сергей попытался нащупать пульс, надеясь на лучшее.

— Этот уже двухсотый... — с досадой махнул он рукой и помчался вперёд.

Таксист бежал следом и матерился:

— Это чем же они шаракнули, твари?! Прямо по «Белгороду», магазину, к которому я тебя вёз! И как это мы чуть-чуть не успели... Вон, слышишь, ещё взрывы! Самый центр города накрыли, мрази!

— А вот ПВО словило, слышишь эхо?! — слова Сергея споткнулись о детский крик и плач.

Мужчины увидели жуткую картину: молодая женщина в голубом пуховике, лежавшая навзничь, рассыпанные вокруг неё ярко-оранжевые мандарины, коляска, из которой нёсся крик грудного младенца. Рядом с убитой матерью, пакетами с продуктами ползала окровавленная девочка лет восьми, в шоковом состоянии. Обе ноги её, похоже, были перебиты. Запыхавшийся взрослый, повидавший немало смертей в боях, по привычке потянулся рукой к поясу, к месту, где у него обычно имелась тактическая аптечка — нужно было сделать хотя бы обезболивающий или противошоковый укол ребёнку. Но вспомнил, что всё осталось дома, ведь он приехал в мирную жизнь. Заглянув в коляску, Сергей понял, что и младенец ранен осколками.

Завывшие сирены подъезжающих машин Скорых подсказали, что нужно делать. Подхватив детей, Сергей с парнем-таксистом побежали в их сторону. Сдав раненых медикам, они огляделись по сторонам. Обстрел закончился. Повреждений вокруг немало. Пожарные машины, деловитые, собранные, мгновенно включившиеся в работу МЧСники, обычные горожане, бросившиеся на помощь пострадавшим. Пять минут он длился, подлый обстрел, всего пять минут... Это много или мало?.. Много для того, чтобы лишить жизни несколько

десятков человек, не ожидавших нападения из-за угла; достаточно, чтобы люди встали единой стеной против зла; мало, чтобы запугать и загнать надолго в убежища.

Какой-то молодой человек стоял у разбитой стены дома и всё повторял: «Я ведь за пять минут до взрыва отошёл отсюда, всего за пять минут!»

— И мы с тобой всего чуть-чуть припозднились, не попали в «Белгород» под раздачу, — выдохнул таксист. — Видно, кого-то из нас ангел хорошо бережёт. Сейчас куплю бутылку водки и поеду домой, никакой работы больше сегодня!

Сергей полез во внутренний карман куртки за портмоне, нечаянно наткнулся рукой на кулон-иконку незнамо кем подаренного ангела-хранителя, сунул деньги своему таксисту, хотя тот отнекивался, крепко пожал ему руку, прощаясь:

— А ты говорил, что только с виду крепкий. Ты и внутри не хилый... Бабушке привет передавай! Мы победим!

* * *

— Ты понимаешь, Милочка, выходит этот Ангел уберёт не только меня, но и семью «Лешего»! — закончил свой рассказ Сергей.

Потрясённая Людмила несколько секунд приходила в себя, глядя то на мужа, то на кулон с портретом его Ангела, потом схватилась за голову и тихонько застонала:

— О-о-й, чуяло моё сердце, что с тобой там что-то происходит! Но верила: всё будет хорошо, тебя не зацепит — не может же так быть, чтоб на войне человек живым остался, а в мирном городе погиб. Господи, не знаешь теперь, где смерть тебя поджидает! А тех-то, Лёхиных, с какой стороны твой Ангел уберёт, каким образом?

— Так очень просто! Дочка в тот день просилась на городскую ёлку, сын — на каток, но мать не пустила, объяснила, что друг отца должен приехать, новогодние подарки привезти от Деда Мороза. Я ж ей так сказал по телефону, вот они и ждали меня с утра. А укропы как раз долбанули и по ёлке, и по катку. Жалко людей, а уж детишек особенно! Нашли, гады, особо важные военные объекты, фашисты проклятые! Нет, бить их до конца! Надо мне ехать побыстрее к ребятам на передок...

— А ты подарки-то Лёшкиным детям привёз? — вдруг вспомнила жена.

— Конечно! Там же не один универмаг «Белгород», магазинов много. Ну, давай проводим старый год, да будем готовиться к новому!

* * *

— Тамара Евгеньевна, вас спрашивают. Сможете выйти сейчас? — медсестра горловской больницы № 2 тронула за плечо хи-

рурга, которая всю ночь стояла за операционным столом, а сейчас сидела, закрыв лицо руками — то ли дремала, то ли думала о чём-то.

— Кто спрашивает? — усталым вопросом прозвучал ответ.

— Да сапёр, боец тот молоденький, что вчера тяжёлого раненого сопровождал. Мы его перевязали — легко отделался, поспал, теперь назад рвётся.

Тамара с трудом — глазам не хотелось видеть белый свет — отняла руки от лица. Прошедшие сутки были страшными. Только ли эти сутки? Пятый месяц она в Горловке. Ей кажется, никогда никуда она отсюда не уезжала, вот только ни с кем из одноклассников толком пока так и не удалось ещё встретиться. Работа, работа, работа, чужая боль накрывает, как своя, никакой броник не спасёт душу и сердце. Не заметила, как зима пролетела — вон, деревья уже в цвету. Скоро День Победы. Почему-то вспыхнуло в памяти: демонстрация, они в школьной колонне проходят перед трибуной возле ДК шахты Румянцева — транспаранты несут, красные флаги, шары, песни поют. И всё в бело-розовой дымке — вокруг частные дома, и во дворах яблони цветут. У неё вдруг подворачивается нога — оказывается, каблук подломился. Они с Лариской выходят из колонны, стучатся в первый попавшийся двор: «Дяденька, помогите, каблук сломался, прибейте, пожалуйста, а то нам ещё к шурфу идти, цветы возлагать!» В шурф этот шахтный в сорок втором-сорок третьем году фашисты сбросили живыми и мёртвыми четырнадцать тысяч советских людей — и дети там были, и пленные солдаты.

Тамара вышла в приёмный покой. Ожидавший парень протянул ей веточку цветущей яблони, которую держал в красивых руках, она их отметила сразу, подумав: «Хирургом бы ему быть с такими пальцами».

— Тамара Евгеньевна, спасибо вам! Как там «Серый»? Я уезжаю. Что братьям сказать? Он ведь меня собой закрыл, понимаете! Меня бы не было уже, если бы не он, — нервный тик поддёргивал щёку утончённого мужского лица, с которого война, кажется, ещё не до конца стёрла детскость.

— Всё нормально, боец, жить будет ваш «Серый», — погладила она по руке парня, принимая подарок.

— А... лицо? Как с лицом-то его быть?

— Ну, с лицом... — хирург испугалась, что сейчас станут заметны её набегающие слёзы, и этот мальчик-мужчина их заметит. Она прикрыла лицо яблоневым цветом, будто ловила его аромат. — И с лицом, я думаю, будет всё хорошо, я даже уверена в этом. Через час отправим его в Ростов-на-Дону, а потом и в Москву. Уже договорились везде, где нужно. Хороший у него ангел-хранитель, самое главное уберёт.

— Да-да! Вот! Вы, пожалуйста, передайте ему это, — парень вытащил из кармана кулон и нательный крестик. — Это «Серого».

Я снял с него, когда санитарам его сдавал. Верните ему потом, пожалуйста.

Тамара Евгеньевна вошла в реанимационную палату. Изуродованное лицо раненого было в бинтах, только щель для глаз, которые удивительнейшим образом остались целы. Хирург открыла кулончик. На неё глянул Ангел с небес — красивое лицо с нимбом над головой и белыми крыльями за спиной, в зелёной, цвета надежды, накидке. В одной руке крест, в другой меч. Невидимый друг... Такой же кулон она, помнится, подарила Ларке, подруге детства.

Раненый приоткрыл глаза. «В себя приходит, — отметила Тамара. — Теперь может вчерашний день считать вторым днём своего рождения!»

«Мой Ангел в белом... — подумал Сергей. — Родинка на щеке, как у моей мамы. Значит, всё хорошо. Я в порядке. Я знаю — мы победим!».

ПОЭЗИЯ

Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула, Россия) — 1 место в номинации «Поэзия» («Любовь»), 2 место в номинации «Поэзия» («Война За Мир — Победы нашим!») и «Для детей»), 3 место в номинации «Поэзия» («Природа»)

В ЛИТИНСТИТУТЕ

Я напрасно считаюсь мэтром,
Мне не выразить: это как —
Её волосы пахнут ветром,
И кузнечики в каблуках.

Она входит — они стрекочут,
Она сядет — ещё поют.
Они скоро меня прикончат —
Просто походя раскуют!

Ну не зря же семинаристки
Критикуют её духи,
Разрывают её записки
И высмеивают — стихи!

Они думают, злые дети:
Им спасти меня удалось!..
Пуще прежнего дует ветер
Беспощадных её волос!..

ГОГОЛЮ

Мы потеряли не в бою
Страну великую свою —
Державы вековые скрепы
Рубили росчерком пера
Предавшие дела Петра
Три новоявленных Мазепы.

Не помогли тома твои,
Замешанные на любви,
На братской нежности славянства,
Найти надёжные пути
И нашу Родину спасти
От подлости,
От окаянства.

Боюсь, великий Ревизор,
Увидеть беспощадный взор
И услышать укор суровый,
Когда ты спросишь нас:
«Не вы ль
Виновны, что лютует Вий,
Как Змей-Горыныч, трёхголовый?»

А что ответить?
Как не мы:
Давно ль Днепра, Москвы, Невы
И Свислочи струи кипели —
Но и фашистский бомбовоз
Не смог поставить под вопрос
Величье киевской купели.

Одной водою крещены,
Победной славой возвращены —
Одной судьбой неустрашимой,
Росс, малоросс и белорус,
Обречены мы на Союз,
Навек святой и нерушимый!

Не зря ведь, Гоголь, твой Тарас
Опять заблудших учит нас
Тому, как лечится измена!..

И мы отстроим топором
Всё, что разрублено пером
Ополоумевшего Змея!..

Девочки у школьного крыльца
Рыли ямки круглые прилежно,
Девочки сажали деревца,
Их землёю присыпая нежно.

А Борис вприпрыжку за водой
Бегал с поржавевшею поливкой,
И учитель, маленький, седой,
Каждый раз встречал его улыбкой.

Всех ребят остаться он просил,
Но остались девочки
И Боря —
Он губу упрямо закусил,
Из колодца воду приносил
И глаза печальные косил
В сторону азартного футбола.

Видел он: беды не миновать,
Знал он: «дело пахнет керосином» —
Пацаны, чего уж тут скрывать,
За измену могут надавать!
Но кому-то нужно поливать:
Девочкам ведь это не по силам...

ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ БЛОНДИНКА

Как забыть, скажите, Вас,
если каждою весною —
миллионом Ваших глаз,
листья блещут надо мною?!

Если у любой из рощ
Ваш черёмуховый локон!
И, как я с цветами,
дождь —
с радугой у Ваших окон!

Если правите давно
миром этим, солнце застя,
Вы одна —
и зелено,
белокуро в нём,
глазасто!..

Ирина АНТОНОВА (г. Москва, Россия) — 1 место в номинации «Поэзия» («Природа»)

СКОРЫЙ ПОЕЗД

Душа едва ли представляла,
С трудом переступив апрель,
Как близок мая полдень алый,
И в форточке жужжащий шмель.

Лучи скользят по занавескам,
И снова радостно до слёз,
Встречать поля и перелески,
И лики светлые берёз.

И люд, спешащий к полустанку,
Чтоб до отбытия успеть,
Вручить тебе солений банку
Или в кульках иную снедь.

Любимый поезд, поезд скорый,
Умчи меня куда-нибудь.
Среди холмов зелёных скроюсь,
Среди берёз продолжу путь.

ИЮНЬ

Медоносного лета
Прибывающий дух.
Белым липовым светом
Всё пропахло вокруг.

Молода и строптива
У стены и ворот
Обжигает крапива
И пройти не даёт.

И как веер атласный
Расправляет бутон
С окантовкою красной
Пышнотелый пион.

Всё по кругу стремится,
И, не зная конца,
Над землёю клубится
Золотая пыльца.

ТАНЕЦ

В пыльце горячей плечи и ладони,
Не отстраняя листьев от щеки,
Мы в шорохе и шелесте утонем,
Как в танце поднимаясь на носки.

Всего одна «горящая» неделя,
Когда роняет липа семена.
Нагруженные пчёлы улетели,
И чаша жизни до краёв полна.

Когда-нибудь промозглою зимою
Опустишь в кипяток засохший цвет:
Вплывут июль, изнеможенье зноя
И из-под липы приглушённый свет.

Простёрла липа ветви молодые.
Наш день настал, пробил счастливый час.
Пускай не дождь, а брызги золотые
Тебе и мне достанутся хоть раз.

.....

Мне дороги и пчёлы, и шмели,
Как дочь земли люблю её творенья.
Приветствую всех бабочек паренье
И все цветы за то, что расцвели.

За то, что срок их меньше моего,
 За то, что ветром сдует позолоту...
 Я слышу их сияющую ноту
 И с каждым разделяю торжество.

На горизонте тает силуэт,
 Гляжу на них с иного расстоянья —
 Не убывает нежность сострадания
 И не стереть её подошвой лет.

Светлана ЧИЖОВА (г. Полоцк Витебской области, Беларусь) — 3 место в номинации «Поэзия» («Война За Мир — Победы нашим!») и «Для детей»)

ВЫСТОИМ!

Путь нелёгок ваш, жизнь суровая,
 Молодые орлы, солдатушки,
 Околичности — масть крестовая,
 Оторвав от семьи, от матушки,
 На порог войны встать заставила,
 С лиходеями-лихоимцами
 Поквитаться. — Нарушив правила,
 С невиновными внешне лицами
 В агрессивной манере происков
 Враг коварный обманом в скрытности
 Делал вид друзей, мирных поисков,
 В путях зла и в сетях корыстности
 Правду-истину в прах растерзывал.
 Русский дух — оплот человечества,
 Нипочём не отдаст — не стерпится —
 Заповедных святынь Отечества.
 Крутит пусть неприятель, вертится,
 Правду топчет, неправду чествуя, —
 Всё по-божески в срок отмерится...

Мир Создателя, благоденствуя,
Будет ценности исповедовать,
Что на генном привиты фатуме.
Предстоит вам, сыны, наследовать
Те, что в памяти здоровой, разуме
На ревнивой стезе пророчества
На молитвы словах настояны
Испокон... Благо — остов творчества:
Быть героями удостоены
Вы, защитники Правды-матушки,
Вам признательно в пояс склонимся,
Милосердия сёстры, братушки,
Подвиг вас обессмертит. Молимся,
Ожидаем домой спасителей
Со щитом богатырской доблести.
Всех молю мировых святителей:
Вам дожить до победной новости,
Дать по чести, знать, и по совести
Свет добра против зла и подлости.

* * *

Деревенское окошко,
Полевых букет цветов,
На скамеечке лукошко,
А у печки шесть котов.
Рыжий, серый, чёрный, белый
И в полосочку. Шестой
В пятна — ловкий, самый смелый,
В кудрях, словно завитой.
Бабушка им чешет спинки,
Колыбельную поёт,
Вточь рисует с них картинки,
Молочко им в плоски льёт.
С каждой кисонькой поладит
И подкормит творожком,
То по шёрсточке погладит,
То почешет за ушком.
Ей в ответ своё спасибо
Промурлыкают коты,
Спать укладываясь, либо
Задремав. — Уснёшь ли ты?..
После песни колыбельной,
Славный солнечный малыш,
В тёплой тишине постельной
Сновиденья не проспишь?

Ольга ХАРЛАМОВА (г. Москва, Россия) — 3 место в номинации «Поэзия» («Любовь»)

* * *

«Обмираю по нём! —
так когда-то моя
нараспев говорила прабабка,
— всё к нему бы летела
и ночью, и днём,
без него больно зябко».

Вдалеке от Него
неуютно и мне:
дни не дни, ночи вовсе не ночи.
Есть и это, и то,
нет его одного —
свет померк, мир непрочен.

Ничего не тая,
никого не таясь,
и в двухтысячном вечному маю
говорю, как когда-то
прабабка моя:
«Я по нём обмираю!»

* * *

Вчера мне было хорошо,
а вот сегодня — плохо.
Вчера весь день и дождик шёл,
и ветер ставней хлопал,
и Ваньки мокрого цветки
вздыхали на террасе,
и мимо шли грузовики
по напряжённой трассе.
Но мир во мне был благ и тих,
жилось одной привольно.
Слагался сам собою стих,
а вот сегодня — больно.
Не отпускает с ночи мрак,
и маята напала:
к тебе не терпится хоть как —
по рельсам ли, по шпалам.

А ты меня и ждать не ждёшь,
и ничего нет горше
любви твоей —
на медный грош...
Со мной бесценный грошик.

* * *

Одному покою рада.
Ни добра, ни зла
нет к тебе, да и не надо —
я сожгла дотла
чувство нежное, слепое.
Малостью такой
мне даровано судьбою
обрести покой.
Без тебя вполне достойно
жизнь моя идёт,
и свободно, и спокойно —
никаких забот.

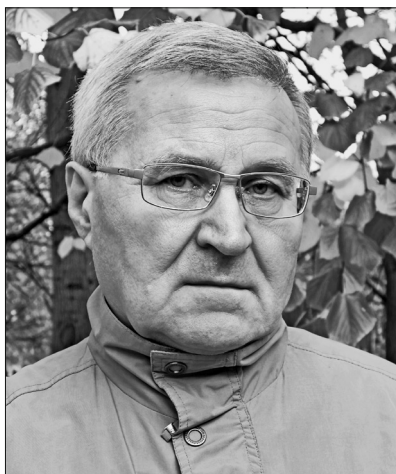
Мысль одна меня тревожит:
не твою ли тень
я с себя сдираю с кожей
каждый божий день.

РУСАЛКА

Схорониться бы где, как в подполье,
от прицельной шрапнели подруг —
и скорее, по собственной воле,
оказаться в кольце его рук.
Не богат, не красавец, не молод.
Но родной, нет на свете родней.
Он уходит, я чувствую холод
череды наступающих дней.

У него на запястье русалка
рассекает морскую волну
и сигналист:

«Тебя мне не жалко», —
был любим и любил не одну.
Ну и пусть, позову — отзовётся
тотчас, может, быть может, не вдруг.
Не для нас обручальные кольца.
Для меня — лишь кольцо его рук.

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ (г. Раменское Московской обл., Россия) — диплом лауреата фестиваля за народность поэтического языка произведений.

СПОДВИЖНИКИ

Если бы не было ратных побед,
кем бы себя ощущали сегодня
пастырь духовный и светский поэт?
Как бы звучала молитва Господня?

Если надломится, будто в тисках,
русский хребет в мировой костоломке,
петь и молиться на чьих языках
станут безродные наши потомки?

Равный с поэта и воина спрос:
в общем строю, что по-прежнему тесен, —
русич Бояна, державинский росс,
русский солдат из фатьяновских песен.

В слитной шеренге упасть не дадут,
с шага не сбиться помогут в колонне.
Отчая речь — и таран, и редут;
знамя — в атаке, броня — в обороне.

Приняли б, верно, другой оборот
битвы на Воже, в Москве и под Плевной,
если бы силу не черпал народ
в грозной молитве и в песне душевной.

БУСЫ

Разлука — всегда испытание,
и сердце, рассудку переча,
уже паникует заранее:
а вдруг не заладится встреча?

И с девочкой стройною, строгою,
застывшей в немом ожиданье,
мы скованы общей тревогою,
как будто на первом свиданье.

Я в пальцах коробочку тискаю,
обвить ожерельем не смею
такую, казалось бы, близкую,
такую далёкую шею...

Расколот ледок отчуждения
простой сердоликовой снизкой!
И мнимого нет охлаждения:
чужая становится близкой.

Такой навсегда и останется —
до смерти, следящей за нами:
нездешнего мира посланница
торчит за окном временами.

Всё реже на шею усталую
ложатся дарёные бусы...
Я старости тоже не жалею.
Какие у немочи плюсы?

Но годы считаю спокойно я:
со мною по-прежнему рядом
та девочка — строгая, стройная,
с навеки оттаявшим взглядом.

КЛИМАТ

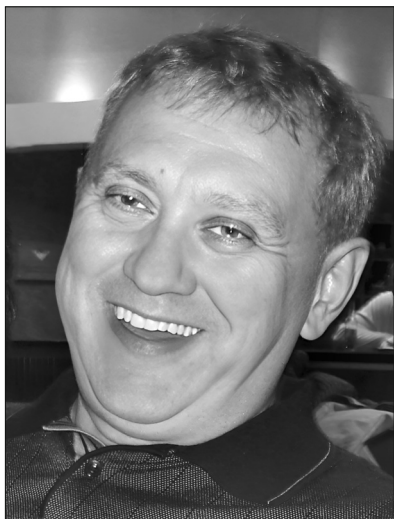
То мороз, то снова оттепель с капелью.
В гололедицу на трассе — быть беде.
А буран осыпет снежной шрапнелью —
в чистом поле не укроешься нигде.

Измытарила причудами планета.
Почему бы всемогущему Творцу
не устроить на планете царство лета?
Ведь Земле плодоношение к лицу.

Вот и лето... За неделю неделя,
только даром облака перевода,
всё прядётся поднебесная куделя,
мир опутывая нитями дождя.

Разгулявшиеся воды губят всходы,
размывают огороды на селе...
Почему бы Повелителю погоды
ровный климат не наладить на Земле?

Потому ли, что без шанса на боренье
со стихиями, которым сам родня,
человек, неугомонное творенье,
в райских кущах не продержится и дня?

Александр ЖУРАВСКИЙ (г. Анапа Краснодарского края, Россия) — Приз зрительских симпатий в номинации «Поэзия» («Природа»).

ДОЛЬМЭНЫ

Когда закончится апрель и опадёт цветочный саван
 Из белых яблонь в чернь земель, уйдя в затерянную гавань;
 Когда холодный ветер с гор вползёт на вычурные склоны
 И грома северный аккорд разбудит эха камертоны,
 Весенний дождь лизнёт траву и, образуя в лужах пену,
 Будет смывать слова в строфу и целовать попеременно.
 И будет женщина парить в любовной прихоти тумана,
 Луча заведомая нить развяжет сбивчивость фонтана, —
 Всё будет как в последний раз: печально и проникновенно.
 Покатится слеза из глаз, и дверь откроется в дольмены.

Ирина ИГНАТОВА (г. Феодосия, Крым, Россия) — Приз зрительских симпатий в номинации «Поэзия» («Для детей»)

НА КАРУСЕЛИ

Едем мы на карусели
Потихоньку, еле-еле.
Я — на вороном коне,
Брат Олесик — на слоне.
Громко музыка играет.
Конь мой скорость набирает.
Всё быстрее слон идёт,
Утка просится в полёт!
Мимо дяденьки с шарами,
Мимо тёти с пирожками,
Мимо леса, мимо гор,
Прямо в солнечный простор!
Раскрутились карусели,
И совсем не еле-еле
Мчимся с другом
Друг за другом...
Вот жираф, а вот петух...
Ух! Захватывает дух!
Стоп. Теперь от карусели
Мы плетёмся еле-еле.
За-кру-жи-лись!

Ирина КОЛЯКА (г. Щёлкино, Крым, Россия) — Приз зрительских симпатий в номинации «Поэзия» («Любовь»)

БАЛЛАДА О ТОТАЛЬНОЙ РОБОСТИ

Она жила на первом этаже.
Он — выше на этаж и чуть правее.
Ей даже вслед смотрел, слегка робея
От мысли вольной: взрослая уже...

Она ждала — грядёт её весна...
Ведь счастье за ближайшим поворотом.
Боялась лишь, а вдруг он ждёт кого-то,
Не ведая, что к ней приходит в снах...

Он к ней спешил во сне — она к нему...
И что за блажь — он знал её с пелёнок?!
Он помнил, как в подъезд вошёл ребёнок —
Ей минул год, двадцатый шёл ему...
.....

Она жила на первом этаже.
Он — выше на этаж и чуть правее.
И всё ещё смотрел ей вслед, робея,
И думал с грустью: горбится уже...

А ей казалось: он вот-вот придёт —
И счастье за ближайшим поворотом.
И знала: ждёт её, а не кого-то,
Ведь снится ей уже который год...

Он к ней спешил во сне — она к нему...
И что с того, что знал ещё ребёнком?!
Давно уже не лань со станом тонким —
Полвека ей, под семьдесят ему...
.....

И где-то на последнем вираже
Он всё-таки пришёл, сказав, робея:
— Я рядом был, но выше и правее.
Жаль, ближе мы не сможем стать уже...
Она жила на первом этаже...

Марина ФАТЕЕВА (г. Ростов-на-Дону, Россия) — поэт, драматург, обладатель Гран-при VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (2022 год), член жюри фестивального конкурса 2023 года.

ПЕСЧИНКА ВСЕЛЕННОЙ

Я песчинка Вселенной, я пылинка пространства.
 Я в просторах нетленных не найду постоянства.
 Вьюга хмурой зимою — снежной пыли комок —
 Унесёт за собою, дни мотая в клубок,

И в таинственной выси, как в задуманном сне,
 Ослепленье от жизни растворится во мне...
 И от мелких соблазнов отречение найдя,
 Я исчезну напрасно — никого не вина,
 В умноженье загадок, отведённых судьбой.
 Я хочу в этом мире быть не пылью — Звездой!
 Досягаемой, нежной, воскрешённой мечтой,
 Чтоб согреться любовью в юдоли земной...
 Ведь стихи эти, знаешь, я пишу для тебя,
 Чтобы вспомнил:

на свете
 есть Звезда твоя — Я!

* * *

Запараллеленность миров,
 переплетаемость.
 Людей, событий, городов,
 снов узнаваемость...
 Не спутать след, не умалить
 предначертаемость,

Что ей за дело до меня,
 мой рок — отчаянность!
 И неизбежна жизнь — игра
 для осознания,
 Из трудностей и дней удач
 я строю здание.
 Пишу о Вечности стихи,
 как заклинание.
 Хочу собой заполнить
 её внимание.
 С колючей прелестью судьбы
 спешу смириться:
 Расту ромашкой на лугу,
 лечу, как птица,
 Как дождик плачу поутру,
 стираю лица...
 Однажды в мир другой ступлю,
 чтоб повториться!

* * *

Лазурное море играло со мной
 Светилось, искрилось, бросалось волной!
 Казалось отрадой, являлось мечтой,
 Блаженно лаская прозрачной водой!

Ловила я в нём вдохновенья поток,
 А счастьем, как Небом, одаривал Бог!
 Кружилась в восторге я день ото дня,
 Ты чудо открыл: мир любви для меня!

НАПИТЬСЯ ЗАПАХОМ РОЗ

Напитаться запахом роз
 Не понарошку, а всласть,
 С блаженством лета всерьёз
 По книге судеб совпасть!

Проникнуть в суть бытия,
 В дискретный времени миг,
 Собрать пером острия
 Весомый счастья дневник.

Понять, что в общем — богач!
Стереть пробелов пятно,
Во дни невзгод и удач
Знать, для чего всё дано!

Ступая в яркую жизнь,
Лекал шаблоны снести,
Любовь, как звёздную высь,
Ковшом черпать по пути!

На стыке с музыкой сфер
Быть в вечном малым звеном —
Душой, которой успел,
Познать величье времён!

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Негромкое счастье, забытые споры,
Задумался Ветер и листья-танцоры
Застыли пред главной развязкой балета:
Сегодня, сегодня последний день лета!

Кричат олеандры безумным соцветьем,
Цепляясь за данность всех веточек плетью,
Где тёплое море лазурного цвета,
Ну кто же поверит в последний день лета?!

Надрывное, дерзкое солнце в зените
И хмурая осень — нелепо, простите!
Но мудрые горы надели береты:
Сегодня, сегодня последний день лета!

Вдогонку за летом, над моря простором,
Летят журавли, развенчав уговоры,
Им странно известны предчувствий советы:
Сегодня, сегодня последний день лета!

С беглянкой в каюте, в черте горизонта,
Кораблик растаял, как прошлого контур,
И тёплое море, лазурного цвета
Осталось за гранью, что названа — летом!

СМЕРТИ НЕТ, ГОСПОДА

*Смерти нет, господа!..
Человеческая личность бессмертна!
В. М. Бехтерев, 1916 г.*

Мир застыл в ожидании,
Ослабел его спрут,
В шаге от осознания,
Сброса давящих пут...

Вновь энергия высшая,
Как живая вода,
Льётся волнами, мыслями —
Смерти нет, господа!

Был закрыт от прозрения
Шар земной — пять веков,
Чтоб познать в потрясениях
Всю палитру грехов...

Мы на ощупь шли к истине,
Убегали враги...
Нас судили за искренность,
Лестью в омут вели...

Но душа — штука вечная,
Верой грела всегда,
Будто песня беспечная:
«Смерти нет, господа!».

В смуте бед и отчаянья
Находили пароль,
В тонкий мир к осознанию,
Что такое любовь!

Нас толкали к безбожию,
В неумеренность благ,
Непокорностью схожие
Поднимали свой флаг!

Потому что есть личная,
Будто солнца звезда,
В нас душа — данность вечная,
Смерти нет, господа!

Светлана БЫКОВА (г. Минск, Республика Беларусь) — поэт, прозаик, переводчик. Пишет на русском и белорусском языках для детей и взрослых. Член ОО «Союз писателей Беларуси» и Союза писателей Союзного государства. В течение пяти лет занимала пост Председателя Минского областного отделения ОО «Союз писателей Беларуси». Член жюри конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон», начиная с 2020 года

В ГЛУБИНЕ

Судьба заметёт, закружит,
Метелями дней завьюжит.
Бывает — ни зги не видно,
Бывает до слёз обидно...

Но верь, что за зимней стужей
Весна хороводит в лужах —
За плотной живой завесой
Идут каждый день процессы:
В бескрайнем живом поле
Мужает наш Дух и Воля.

* * *

Велик ты нынче или мал —
Ты сам себя таким ваял.
Ты — то, чем полон твой сосуд:
Всё содержимое — твой труд.

Не нравится, так не ленись
И над собою потрудись:
Что не твоё, то не жалей
И вылей, а своё налей.

На самом-то деле всё просто:
Как утро предчувствует вечер,
Как день идёт к ночи навстречу —
Так нет и препятствий для роста.

Позволь себе только расти,
Как плод, как цветок, и как травы —
Без жажды наживы и славы
Спокойно и щедро цвести.

Собой быть так сложно и просто...
Отринь не своё: без опаски
Сними все очки и все маски,
Чужих установок коросту.

Вдохни во всю грудь, глубоко...
Будь! — Просто, свободно, легко!..

* * *

Как узок Путь, и близок как Предел —
Не оступиться бы на нём случайно,
Успеть постичь в потоке мелких дел
Своей Души возвышенную тайну.

Дай Бог познать глубинность слова «Быть»
И слышать Вечный Зов сердечным слухом,
Тьму в Свет первоначальный претворить
Алхимией Души и Силой Духа.

И станет Путь широк, необозрим,
За горизонт уйдёт он — в Бесконечность.
Предел исчезнет, как мираж, как дым
За гранью смерти — в мире Жизни Вечной...

СЦЕНА ЖИЗНИ

Мир, как сцена, постоянен,
Происходит в нём игра:
Кто-то счастлив, кто-то ранен,
Есть и те, кому пора

Покидать подмостки сцены —
Акт окончен, отыграл...
Декораций перемены —
Новых масок карнавал...

.....

Кто ты здесь, на сцене Жизни —
Сценарист иль режиссёр?
Иль с рождения до тризны
Декламируешь лишь вздор,
Подпевая в темах арий
Тем, кто с виду «поважней»?

Жизни собственной сценарий
Согласуй с Душой своей.

НА ИЗГИБЕ СПИРАЛИ

Как прекрасна пора золотая!..
В небе облачко лёгкое тает,
На душе — и покой, и отрада...
Приближается час звездопада:
Пролетая в небесной карете,
Август ставит небесные сети,
И тончайшие неводы снова
Наполняются звёздным уловом.

В этом месяце, тихом и звонком,
Уходящего года иконки:
В нём — весны яркий танец и лета,
Щедрость осени, знаки-приветы
От зимы, что в туманности зыбкой
Шлёт уже ледяные улыбки...

Словно Суть Бытия август знает:
Принимает, внимает, прощает...
И в изгибе извечной спирали
Проявляются новые дали...

АВГУСТОВСКИЕ ТРАВЫ

Боже, Господь правый!
Как шелестят травы!..
Словно даруют Небу
Зёрен своих требы...

Тихо прощаясь с летом,
Осени шлют приветы —
В светлой своей печали
Всё головой качают...

Солнечных дней счастье,
Летней грозы ненастье —
Всё в них... Рукой потрогай —
И ощути Бога...

РАССВЕТ

Тихо. Погасли звёзды.
Медленно, осторожно
Утро творит Художник.
Взял из палитры краски —
Серую, голубую —
И небосвод рисует.
Алую взял — и ярче
Над горизонтом, жарче
Пламя коснулось неба,
Словно богиня Геба
Печь разожгла в полнеба:
С вызревшим пряным зельем
Варит вино к веселью:
После трудов сняв тоги,
Пир затевают боги...
Геба от самой ночи
Всё у печи хлопочет —
Ярче горят поленья...
«Пых!» — и в одно мгновенье
Солнечным светом снова
День разгорелся новый!..

НАЧАЛО ОСЕНИ

Палитру красок небо затемняет,
Предчувствуя начало перемен,
И капли слёз безудержно роняет,
Чернея гроздьями набухших вен.

Но где-то там, за облачной завесой,
Ещё искрится летний небосвод,
И дождь грибной, как баловень-повеса,
По тёплым лужам шлёпая, идёт...

Как часть меня останутся — со мною —
Тепло июльской ночи, ясность дня,
Зелёный берег, небо голубое —
Они корнями проросли в меня...

.....
Цветок склонился, тихо увядая,
На тёплую ещё земную грудь.
Кружится лист осенний, обнажая
Глубинный смысл и жизненную суть...

* * *

Всё голо, всё обнажено,
В речушки мутное окно
Глядят седые Небеса.
Стал серым лучезарный лик —
И отразился в нём старик...

Всё, что отжило, что прошло,
Всё белым снегом занесло.
Мороз нам дарит ларец свой,
В нём — тишь и мертвенный покой,
И серебристый перезвон —
И чей-то смех, и чей-то стон...

Зимы холодная рука
Деревья тронула слегка
За корни и за шапки крон,
Спасительный послал им сон,
И в полудрёме, в полусне
Они мечтают о весне...

ДРАМАТУРГИЯ

Галина ДЕЙНЕГА (г. Симферополь, Россия) — 3 место в номинации «Драматургия»

СИЛЬНЕЕ КРАСОТЫ

(Одноактная пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Женщина (средних лет)

Мужчина (пожилой)

Юноша

Группа школьников

Парк. Погожий сентябрьский день. Доносится тихая музыка. Время послеобеденное. По аллее парка торопливо идёт женщина средних лет, останавливается около скамейки, достаёт из сумки телефон, смотрит время.

Женщина. О! Да я рано пришла. Можно отдохнуть. (Усаживается на скамейку, расслабляется; подняв голову, любуется небом.) Хорошо-то как!

Спустя некоторое время к скамейке подходит пожилой мужчина.

Мужчина (обращается к женщине). Вы не будете возражать, если я присяду рядом с вами?

Женщина (*окидывает мужчину равнодушным взглядом*). Садитесь. (*Продолжает созерцать небесную картину*.)

Мужчина присаживается на скамью. Какое-то время оба сидят молча. На аллее парка появляется группа девочек-школьниц. Худенькие, невысокого роста, с тяжёлыми сумками-портфелями. Они шумно переговариваются и с упоением курят. Проходят мимо скамьи.

Мужчина (*глядя школьницам вслед*). Занятия в школе закончились. По куреву истосковались. Бедняжки. (*Пауза.*) Ох! Скоро совсем переведутся настоящие женщины!

Женщина промолчала.

Мужчина (*с беспокойством в голосе*). Простите, я вас не отвлекаю?

Женщина (*равнодушно*). Нет.

Мужчина (*разворачивается к женщине*). А можно, я расскажу вам случай из моей жизни?

Женщина (*не проявляет особого интереса*). Расскажите.

Мужчина (*оживлённо*). Был и я когда-то молод и хорош собой. Случилось мне обратиться к стоматологу. Врач, породная женщина, отправила меня сделать рентген. Глядя на полученный снимок зуба вынесла приговор: «Удалять!» Я, наверное, от страха побледнел и весь сжался в кресле. А кресла, замечу, в ту пору были не такие, как сейчас. Доктор поспешила успокоить меня: «Не бойтесь! Больно не будет! Будет трудно». Она приготовила всё необходимое для операции и строгим голосом приказала: «Ноги шире! Расслабились!». Я широко расставил ноги, а вот расслабиться что-то не получалось. Она встала между моих ног и наклонилась ко мне. И тут чёрт меня дёрнул! Не шикарные бёдра доктора, не роскошный вид в декольте, а запах. (*Пауза.*) От неё пахло парным молоком! Понимаете? (*Пауза*) Аромат, который и должен исходить от настоящей женщины. Я невольно сжал свои ноги. Тут же понял, что сделал недозволенное, но извиниться не мог. Рот был уже подготовлен к операции. (*Пауза.*) Я не шокирую вас своим откровением?

Женщина (*равнодушно*). Нет. Нормально.

Мужчина. Так вот, посмотрел я на девчонок-школьниц, и захотелось мне рассказать вам о силе женского запаха. Мужчины на него реагируют неосознанно. (*Пауза.*) А эти девчонки? Они ещё такие юные, а уже пропахли табаком. Ну, какие из них вырастут женщины, продолжательницы рода человеческого? (*Вздыхает.*) Не будут они пахнуть настоящей женщиной.

Женщина (*усмехается*). Хм.

Мужчина (*обиженно*). Смеётесь? Разве я не прав?

Женщина (*воодушевлённо*). Правы! (*Поворачивается к собесед-*

нику, повторяет громче). Правы! А усмехнулась я, вспомнив слова Василия Розанова.

Мужчина. Кто это такой?

Женщина. Философ.

Мужчина. Интересно. И что же он сказал?

Женщина. А сказал он так: «Жена входит запахом в мужа и всего его делает пахучим собой, как и весь дом».

Мужчина (*обрадованно*). Вот! Правильные слова у вашего философа!

Женщина. Скажу вам по секрету, что сейчас в интернете упорно ищут косметику с запахом молока.

Мужчина. И правильно делают.

Женщина (*увлечённо продолжает разговор, разворачивается к собеседнику*). А ещё есть американский фильм с названием «Запах женщины». Вы смотрели его?

Мужчина. Не припомню.

Женщина. Фильм хорош. В девяностые годы он получил «Оскара» и много других наград.

Мужчина. Ну-ну... И что ж там про запах женщины сказано?

Женщина. Герой фильма — отставной полковник, потерявший зрение. Сильный, красивый мужчина не у дел. Он решает реализовать свои мечты и потом свести счёты с жизнью. В сопровождении нанятого молодого человека совершает турне. Присутствие женщин ощущает по запаху. По запаху оценивает и их привлекательность. Его фраза: «Запах женщины — это и держит меня на плаву». Его реплика: «Какая женщина!» В конце фильма слепой полковник приходит к выводу, что жизнь стоит того, чтобы жить!

Мужчина (*с сожалением*). Нет. Не видел я такого фильма.

Женщина. Сейчас всё можно найти в интернете. А назван фильм правильно: «Запах женщины»! Это главный запах жизни!

Мужчина. Вот! И я так считаю. Запах женщины сильнее красоты!

На аллее появился юноша, с которым должна встретиться женщина. Она машет ему рукой. Тот, заметив женщину, тоже машет рукой и направляется в её сторону.

Женщина (*встаёт, обращается к собеседнику*). Извините, должна откланяться.

Мужчина. Идите, идите. Спасибо, что выслушали меня.

Женщина и юноша уходят в аллею, пожилой мужчина, улыбаясь, смотрит им в след.

Занавес

Любовь БОБИНА (г. Томск — г. Феодосия, Крым, Россия), гостя фестиваля — Приз зрительских симпатий в номинации «Драматургия»

НАШЕСТВИЕ

По мотивам произведения Леон ЛЮС
«Борьба со злом». Заговор против людей

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пивная Жаба
Табачный король
Паук Наркот
Лёша (старший брат)
Саша (старшая сестра)
Машунечка (младшая сестра)
Племя индейцев Чун-банг
Ирландские жители
Слуги Паука Наркота
Кошка
Мышка

ЗАХВАТ

Сцена 1

Вихрь тревожной музыки, мерцания света и трёх пакостей, во время которого они пластическим этюдом захватывают земной шар, который становится все тусклее и тусклее. На фоне этого действия звучат голоса: «Миру больше не бывать», «А земле не расцветать», «Пусть же дым везде клубится», «Льётся огненная водица», «Сны дурманящие снятся», «Люди в слуг нам превратятся». Во время

этого вихря на проекции идёт захват земли, она становится чёрной. Затемнение. В зале появляется Машунечка.

Машунечка. Лёш! Саш! *(не дождавшись ответа, начинает спрашивать у зрителей)* А вы не видели моего брата, Лёшу? А вы не знаете, почему меня не встретила Саша? *(Зрители ей отвечают.)* А как же я теперь одна домой пойду? *(Начинает хныкать.)*

На сцене появляется любопытная Мышка, за которой тянется длинная верёвочка. Прислушивается, откуда идёт плач. Замечает Машунечку и осторожно подходит к ней.

Мышка. Ты чего это тут плачешь?

Машунечка, увидев мышку, ещё громче начинает плакать.

Мышка. Ну-ну, хватит, нечего тут реветь, ты же не рёва-корова. *(Машунечка ещё больше плачет.)* Тебя как зовут? *(Машунечка на время перестаёт плакать, с удивлением смотрит на мышку.)* Ну, чего молчишь? А, у тебя, наверное, языка нет. Да? *(Машунечка осторожно высовывает свой язык.)* Ой, что-то я не разглядела. Покажи-ка, покажи. *(Машунечка ещё больше высовывает язык.)* Ой! Ура! Есть! А у меня длиннее! *(Высовывает свой язычок, на что Машунечка ещё сильнее высовывает свой язык, и строит смешную рожицу. Обе дурчатся и смеются.)* Давай знакомиться: я — Мышка!

Машунечка. А я Машунечка.

Мышка. Здорово! Ты — Машунечка, я — Мышунечка! *(Опять обе смеются.)* Почему ты плакала?

Машунечка. А меня никто из школы не встретил.

Мышка. А должны были?

Машунечка. Да. Или Лёша, или Саша. Они мои брат с сестрой. А ты не знаешь, куда они делись?

Мышка. Я? Нет! Но я знаю того, кто всё знает.

Машунечка. Кто?

Мышка. Да Кошка! Она умная! Всё знает, давно живёт, её спроси!

Машунечка. А где она? *(Зовёт.)* Кыс-кыс!

Мышка. Не-а! Так ты её не дозовёшься. Гордая! Ты вот по верёвочке иди, к ней и придёшь.

Машунечка сначала идёт по верёвочке, затем поднимает верёвочку и дёргает её. Раздаётся громкое «Мяу!» На сцену выскакивает Кошка.

Кошка. Ну, Мышка, ну берегись! Ишь, чего вздумала, дёргать меня! Ты и так находишься у меня на исправлении...*(Замечает девочку.)* А это что за чудо-юдо рыба кит? Ты кто?

Машунечка. Машунечка. Я брата и сестру ищу. Не видели?

Кошка. Ну, мало ли чего я на своём веку видела. И брата видела, и сестру, и много кого ещё. В беде они. Да только тебе их не спасти одной. Разве что мы с Мышкой да вон ребята ещё помогут.

Машунечка (*обращаясь в зал*). Поможете? (*Дети отвечают.*) Помогут, и вы помогите мне, пожалуйста!

Мышка. Ура! Нас ждут приключения!

Кошка. Я бы на вашем месте сильно не радовалась. (*Она берёт за руку Машунечку и проводит через весь зрительный зал к двери, рассказывая в это время.*) Приключения-то опасные. В давние, далёкие времена люди освоили большие территории Земли. Но злые силы решили помешать распространению Человека по всей Земле. И однажды в глухую, тёмную ненастную ночь они решили захватить всю планету. Поработить людей табачным дымом, пивными морями да дурманящими снами. С тех пор прошло много времени, все больше и больше людей они захватывают в свой плен, из которого очень трудно выбраться. И померк Свет в душах людей. Вот и твоих родных захватили тёмные силы. Так что трудная это задача. Справишься ли? Не струсил?

Машунечка. Не знаю.

Мышка. Одна бы побоялась. Но нас же много. И мы же поможем!

Кошка. Тогда в путь! В Страну Табачного Вождя! (*Уходят.*)

СТРАНА ТАБАЧНОГО ВОЖДЯ

Сцена 2

На сцене появляются индейцы. Разыгрывается сцена охоты, во время которой попадает в плен сестра Саша. Приносят её в жертву Тачаному богу — труба, из которой идёт дым при помощи дымовой машины. Она становится такой же, как они. Проводится ритуал посвящения в индейцы — передаётся перо, которое втыкается в волосы, а на лице делается раскраска.

Мышка. Так это индейцы заставляют всех курить?

Кошка. Да, давно-давно Колумб привёз из Америки табак. И с тех пор много людей стало жертвами Табачного Вождя.

Мышка. А как же их спасти?

Машунечка. Саша, Саша, пойдём домой! (*Но та никак не реагирует на Машунечку.*)

Кошка. Нужно развеять табачный дым! Есть смельчаки-помощники? Если ребята нам помогут, мы сейчас будем сильно-сильно дуть. А наши волшебные мячи помогут нам поднять настоящий вихрь, который унесёт прочь табачного вождя и спасёт людей.

Вызвавшиеся помочь ребята сильно дуют. А по залу пускаются воздушные шары, которые ребята перекидывают друг другу. В это время на сцене табачный вождь пытается спрятаться сначала от сильного ветра, но тот его всё же уносит. Оставшиеся индейцы становятся нормальными людьми. Расколдовывается девочка Саша, сбрасывая с себя перья и стирая с лица индейскую раскраску. Она кричит: «А что я здесь делаю? Мне же надо Машунечку встречать! А пленником табачного Вождя я не буду никогда!», убегает со сцены.

Кошка. Молодцы! Хорошие у нас помощники! Настоящие воины Света! Вы помогли спасти много хороших людей. И чувствуете, какой чистый и свежий воздух стал вокруг?

Мышка (*спрашивает Машунечку*). А вот эта девочка, которая кричала про Машунечку, и есть твоя сестра?

Машунечка. Да! Это Саша!

Кошка. Что ж, сестре мы твоей помогли, давайте поможем спасти брата.

Мышка. Вперёд! Ужасно люблю приключения! А куда мы сейчас?

Кошка. Впереди у нас тяжёлая борьба со страшной Пивной Жабой. Эта коварная особа заставляет людей терять свой человеческий облик. Все, кто стал её рабами, становятся такими же страшными и безобразными жабами, которые забывают своих родных, забывают время, забывают себя. Очень сложно справиться с Пивной Жабой, но мы попробуем. Да и ребята нам помогут. Вон какие у нас хорошие союзники! Так, ребята? (*Дети отвечают.*) Тогда в путь! (*Уходят.*)

ПРОИСКИ ПИВНОЙ ЖАБЫ

Сцена 3

На экране идёт проекция замка. На сцене появляются порабощённые Пивной Жабой люди-жабы. Появляется и сама жаба, которая поливает всех своих подданных из кружек и те начинают безобразно танцевать под ирландскую музыку. Они заставляют брата Лёшу стать таким, как они, поливая его из пивной кружки. Скоро и он становится новой жабой и тоже пускается в пляс, от которого все валятся в изнеможении.

Мышка. Надо скорее спасти всех! Как это сделать?

Кошка. Это трудная задача. Нужно очень много помощников. Я вот смотрю на ребят, которые сидят на этой половине зала, и не знаю, смелые ли они. Вы смелые? (*Дети отвечают.*) Нет, кажется не совсем смелые.

Мышка. А может быть, ребята, сидящие на другой половине зала, более смелые? (*Дети отвечают.*) Вот, эти смелее.

Кошка. Ребята, да неужели же вы испугались пивной жабы? Ну-ка, ещё раз: есть здесь храбрецы? *(Дети уже дружнее отвечают.)* Молодцы! А все дружно можете хлопнуть? *(Дети хлопают.)*

Мышка. А мы с ребятами можем дружно хлопнуть целых два раза! *(Хлопают.)*

Кошка. Да что два раза! Эти ребята смогут дружно хлопнуть и три раза! *(Хлопают.)* Молодцы!

Мышка. А эти ребята разве не молодцы?

Кошка. И они молодцы, но чтобы справиться с Пивной жабой, нам всем надо объединиться. Давайте дружно, вместе, прихлопнем пивную Жабу! Давайте все вместе дружно хлопнем пять раз! Раз, два, начали! *(Хлопают.)* Ещё сильнее! Ещё дружнее! А теперь хлопаем и топаем!

От хлопков Пивная жаба лопается на тысячу мыльных пузырьков, которые разлетаются по сцене, залу, а также вылетает земной шар. Люди-жабы начинают ловить и лопать эти пузырьки, и расколдовываются. Звучит весёлая ирландская песня, и расколдованные жители весело и задорно танцуют ирландский танец. Брат Лёша тоже расколдован и с криком «А который теперь час? Как Машунечка домой пойдёт? Клянусь, что никогда не стану подданным этой противной Пивной Жабы!» убегает.

Мышка. Вот и всё, мы всех спасли! Ура!

Кошка. Да, если бы не ребята, мы бы не справились. Спасибо вам, юные спасатели!

Машунечка. Теперь — домой!

Кошка. Конечно, домой, вот только отдохнём немного и пойдём.

ПАУТИНА

Сцена 4

На экране идут какие-то туманные картинки. На сцену со всех сторон выползают странные существа, которые скручивают в спираль огромные белые полотнища, создавая иллюзию сна. Они охватывают Машунечку и Мышку пеленой. Звучит голос: «Сон дурманящий идёт, негу, слабость он несёт. Все подвластны становитесь, в моих рабов вы превратитесь!» Машунечка и Мышка засыпают.

Кошка. Не смейте поддаваться сладким речам паука Наркота! Этот сладкий сон — самый страшный и сильнейший враг! Не спите! Ребята, надо что-то делать, а то сейчас Мышка и Машунечка станут рабами коварного Паука! Давайте попробуем подуть, как дули мы с вами, когда боролись с табачным вождём! *(Дуют. Но Мышка и Ма-*

шунечка спят.) Не помогает! Тогда давайте все вместе похлопаем, как прихлопнули мы пивную жабу.

(Хлопают. Мышка и Машунечка спят.) И это не помогает. Что же делать? *(Ребята предлагают, пробуют, всё не помогает.)* Ничего не выходит. Надо думать! Придумала! Ребята, смотрите, наш земной шар после захвата его тёмными силами стал чёрным. А что если нам попробовать его вновь сделать цветным? Может, это поможет нам с вами распутать паутину коварства? Помогите мне! Кто здесь настоящий воин света? На помощь!

НОВАЯ АРМИЯ СПАСАТЕЛЕЙ

Сцена 5

Дети украшают земной шар разноцветными стикерами в виде цветов. Земля становится цветущей, и по мере расцветания просыпаются Мышка и Машунечка. Пелена исчезает, как и исчезают странные существа.

Мышка. Какой кошмар мне приснился! Не хочу я больше таких снов!

Машунечка. Я тоже!

Мышка и Машунечка *(вместе).* Никогда больше не попадёмся в паутину Наркота! *(Замечают сундук.)* А это что? *(Звучит волшебная музыка, Мышка и Машунечка подходят и открывают крышку сундука, из которого бьёт свет.)*

На экране распускаются цветы. Звучит весёлая радостная песня, под которую танцуют и поют все участники программы.

Кошка. Какой прекрасный мир рядом с нами — надо видеть, беречь и ценить это! Благодаря вам, ребята, мы спасли свет в душах людей! Вы настоящие воины Света! И всем вам вручаются отличительные знаки- символы. С этого дня вы смело можете спасти всех ваших знакомых и родных, которых пытаются поработить Табачный Вождь, Пивная Жаба и Паук Наркот.

Участникам спасательной операции вручаются значки.

Занавес

ПЕСНЯ

Александр ЖУРАВСКИЙ (г. Анапа Краснодарского края, Россия) — 1 место в номинации «Песня» («Автор-исполнитель») и Приз зрительских симпатий («Поэт-песенник»)

НОСТАЛЬГИЯ

Мы на Родину вернёмся, пусть не врут, что её нет.
 К старым фото прикоснёмся, на которых много лет
 Нашей памяти страницы топит времени река.
 Но девчонка, что влюбился, незамужняя пока.

Припев.

Ностальгия, ностальгия по ушедшим временам.
 Ностальгия — возвращенье боли прежней.
 Это фото городские, отношения людские.
 Ностальгия — наше время, наши песни.

Там, где крутятся пластинки, настоящий Первомай.
 И рыдает Ободзинский, и витеает «Водограй».
 Там, где юбочки и клёши, где читается Золя.
 Там, где учат о хорошем первые учителя.

Там, где носят телеграммы по державе без границ.
 Где ещё живая мама из ладошки кормит птиц.
 Наша молодость осталась на нейтральной полосе,
 Где мечты ещё сбывались, где советские мы все.

КРЫМ

Как не любить тебя, державный Крым,
Касаясь волн сыновьими руками,
Не поминать боёв военных дым,
И ангелов Руси под небесами?
Твой Фиолент и храма на мысу,
И Херсонеса освещённый ветер.
На Аю-Даге божию росу
Испить из лап склонённого медведя.

Привет

Крым. Крым. Крым.
Черноморский берег святого Рая.
Крым. Крым. Крым.
Любовью берега соединяет.

Душистый край — я преклоняюсь ниц:
Бахчисарай и Ялта, Севастополь.
Твоих божниц — распахнутых бойниц,
И Пушкиным исхоженные тропы.
Поговори со мной, поговори.
О гавани с тобой не делимой
Твоя звезда победная горит.
И нет Руси, если в Руси нет Крыма.

Ирина КОЛЯКА (г. Щёлкино, Республика Крым, Россия) — 2 место в номинации «Песня» («Поэт-песенник» и «Автор-исполнитель»)

ВСТРЕЧА

Музыка Вадима Бибергана

Мне пела скрипки тонкая душа
Прекрасным и пронзительным сопрано,
А я ждала, с волнением, чуть дыша,
Волшебной встречи примы и органа.

И где-то между небом и землёй
Возникло торжество соединенья,
И музыка казалась неземной.
В ней слышалось мне ангельское пенье.

Паденье, взлёт и снова глубина.
Застыла мысль, во всём царили звуки.
Зал растворился. Я растворена:
И сладкий плен, и радостные муки.

В потоке слёз тонуло всё кругом.
Моя душа стонала, трепетала,
Парила в измерении ином.
Я вместе с нею, кажется, летала.

Всё замерло, окончился полёт,
А я себя почти не осязала,
Но сердцем ощущала, что вот-вот
Взорвётся тишина восторгом зала.

ПРИБЛИЖАЯ НЕБЕСА

*Тончайшая грань меж полями
живых и ушедших: Повсюду есть солнце
и всюду божественный свет.*

Есть в мире посланцы солнца.
Их свет не измерить в герцах,
Но всюду лучами льётся,
В которых легко согреться.
Не всякий лучи заметит,
Не каждый понять способен:
Довольно тепла и света
В улыбке и добром слове.

Люди солнца, люди солнца...
Рядом с ними грусть смеётся,
День светлее в непогоду,
И возможней чудеса...
Люди солнца, люди солнца...
Щедро свет их отдаётся,
Отражая свет Господень,
Приближая к Небесам...

Над миром — питомцы Неба,
К Всевышней стремясь деснице,
Насытись насущным хлебом,
Взлетают, как чудо-птицы.
Но нас на земле оставя,
Они и с небес нам светят
И память теплом питают,
Пока мы живём на свете.

Люди неба... Время мчится...
Им уже не возвратиться,
Но грядут минуты встречи
Там, где лишни адреса...
Люди неба... Ярче солнца
Из божественных оконцев
Свет чудесный льётся вечно,
Приближая Небеса...

Юрий ТРУЩЕЛЁВ (г. Аксай Ростовской области, Россия) — 2 место в номинации «Песня» («Поэт-песенник»)

ОТЫСКАТЬ БЫ СЛОВА

Жизнь идёт — день за днём,
в суете и потерях,
рядом много людей,
да не каждому веришь...
Но всё время звучит
в сердце песня без слов:
неизбывный мотив —
про любовь, про любовь...

Для чего журавли
собираются в стаи,
и куда-то на юг
каждый год улетають?
Почему из тепла
возвращаются вновь?!
Почему жжёт дотла
моё сердце любовь?..
Отыскать бы слова, что сильны, как молитва!
Но на них за века шелуха поналипла...
Или нет в жизни слов, равнозначных судьбе?
А я всё же найду! И скажу их тебе...

Я прошёл сто дорог,
знал и бури, и грозы,
но ответа всё нет
на простые вопросы...
Значит, мы их найдём
только вместе с тобой!
И дуэтом споём
про любовь, про любовь!

Валерий ВОВК (г. Севастополь, Россия) — 3 место в номинации «Песня» («Автор-исполнитель»)

ПЛОЩАДЬ НАХИМОВА

1

Есть площадь в Севастополе у моря,
Она подобна в храме алтарю.
На ней Нахимов гордо смотрит, стоя,
Он в вечности, он с нами, он в строю.

Припев.

У Графской пристани на площади Нахимов,
Великий флотоводец, адмирал.
Пусть рвутся паруса от штормовых порывов,
Поможет нам он удержать штурвал.

2

Историю и летопись России
Победами украсил над врагом.
Величие — он знал — не только в силе,
В сердцах оно, наполненных добром.

Припев.

3

У памятника вместе соберёмся
И в радости, и если вдруг беда.
Мы, помня доблесть предков, поклянёмся
Честь флотскую в душе хранить всегда!

Припев.

Алёна ЛЕНЖЕТОВА (г. Севастополь, Россия) — 3 место в номинации «Песня» («Поэт-песенник»)

ВЛЮБЛЁННЫЕ ПОЭТЫ

1

Два поверивших в счастье невольника —
 Ей за сорок, ему за полвека —
 Уподобились ветреным школьникам,
 Окунувшись вдруг в юности реку.
 Прорастали друг в друга росточками
 И боялись давать обещания,
 А потом стихотворными строчками
 Исцеляли сердца на прощание.

Привев.

Удивляя ангелов беспечностью,
 На свиданьях парили над вечностью!
 Расставались — будто навсегда,
 И часы тянулись, как года.

2

И молились, как дети невинные,
 Нарушая святые обеты.
 Благодарные, даже наивные
 Эти два сумасшедших поэта.
 Расставанья, пока неизбежные,
 Словно иглы вонзаются в души.
 Они вместе, родные и нежные,
 И ничто их любовь не разрушит!

Привев.

Светлана ЧИЖОВА (г. Полоцк, Беларусь) — 3 место в номинации «Песня» («Поэт-песенник»)

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Музыка В. Грановского

Под солнцем твои золотились ресницы,
Небесный огонь фиолетовых глаз
Невольно и мне обозначил границы,
Избрав наказанием вечер и час.

Не надо, не надо мне было, не надо
К призывности этого взгляда спешить...
Но как же не надо, когда лишь от взгляда
Хотелось смеяться и плакать, и жить?

Как маленький мальчик, берущий конфету,
Смущаясь и прячась, фальшивость любви
За чистую и золотую монету
Доверчиво принял из рук визави.

И сколько бы встреч ни манило случайных,
Ни тешило слух, ни жалело огня,
Влечение глаз этих необычайных
Не оставляет в покое меня.

Не надо, не надо мне было, не надо
К фатальности этого взгляда спешить...
Но как же не надо? — До этого взгляда
Не знал я, что в жизни дано совершить.

ПУБЛИЦИСТИКА

Лола ЗВОНАРЁВА (г. Москва, Россия) — писатель, искусствовед, кандидат филологических наук, доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы, член правления Союза художников Подмосковья, академик Российской академии естественных наук и Петровской академии наук и искусств, профессор Института мировых цивилизаций, главный редактор альманаха «Литературные знакомства». Председатель жюри конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллектуальный сезон» всех лет (2015–2024).

ВОСТОРЖЕННЫЙ ПЕВЕЦ В СТАНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Рецензия на Золотов А. А. Сад Дебюсси.

Эпические мгновения из жизни искусства. Книга критика.

В 2 ч. — М.: Прогресс-Традиция, 2023–1094 с.

Этот уникальный двухтомник объединил эссе, статьи и беседы, написанные за 65 лет Андреем Андреевичем Золотовым, демонстрирующие уникальный творческий путь мастера: от талантливого журналиста отдела литературы и искусства газеты «Известия» 60-х годов до авторитетного знатока музыки, театра, живописи, литературы, последнего заместителя министра культуры СССР и нынешнего вице-президента Российской академии художеств, члена семи творческих союзов — художников, композиторов, архитекторов, кинематографистов, писателей...

Автор предлагает нам собственное определение такого сложного понятия, как Искусство: «*Эпические мгновения из жизни Любви в душе одной отдельно взятой личности — вот что такое Искусство. Здесь оно начинается и здесь же кончается.*»

Истоки этого успеха не только в постоянном напряжённом творческом труде, но и в том, что с юных лет Андрей Золотов, благодаря первым свежим и проникновенным публикациям, был допущен в круг

таких гениальных музыкантов, как композиторы Свиридов и Шостакович, дирижёр Мравинский, Святослав Рихтер, увидевших в нём близкого по духу человека, способного понять и оценить решаемые ими творческие задачи в современном искусстве.

Мне особенно близка использованная Андреем Андреевичем в названии двухтомного собрания сочинений метафора Сада. Недаром именно её применил ещё в 70-е годы XVII века основоположник восточнославянской поэзии Симеон Полоцкий, как и Золотов, писавший об искусстве (иеромонах Симеон — автор трёх трактатов об иконописи, дружил с великим художником Симоном Ушаковым, даже писал с ним в соавторстве трактат «К люботщащимся иконного писания», автор положенной композитором Титовым на музыку «Псалтыри рифмоторной»). Самый знаменитый поэтический сборник Симеона Полоцкого — «Вертоград многоцветный», энциклопедия в стихах (вертоград в переводе с церковнославянского означает «сад»). И монументальный двухтомник Андрея Золотова — это своеобразная энциклопедия отечественной культуры второй половины XX века. Я бы рекомендовала включить её в обязательный круг чтения наших старшекласников по дисциплине «Мировая художественная культура».

Неслучайно книга называется «Сад Дебюсси»: фигура великого французского композитора Клода Дебюсси, глубоко чувствовавшего Россию, для многих русских интеллектуалов стала символом высокого искусства нового времени.

К автору книги, А. А. Золотову можно отнести многие слова, сказанные им о своих героях. Читая его эссе и пространные аналитические статьи, понимаешь: для критика культура стала путём и дыханием, а художественная критика — инструментом культурологического осмысления актуальных процессов в современном искусстве.

Заметно: идеалом критика в культуре автор с юных лет избрал В. Стасова (среди работ, открывающих двухтомник — эссе «Владимир Стасов как явление искусства»). Есть у Андрея Андреевича и достойные ориентиры среди современников — это Дмитрий Сарабьянов и Нина Дмитриева, Георгий Гачев и Пётр Палиевский, Андрей Турков и Валентин Курбатов, Ираклий Андронников и Мариетта Шагинян.

В финале двухтомника Андрей Золотов, по сути, формулирует свой манифест: *«Судьба восходит к Художественности, призывая Искусство. Не в помощь, но в Сочувствие».*

Влюблённый в музыку автор построил свой двухтомник как музыкальную форму — тему с вариациями. Перед нами не просто сборник статей, эссе, рецензий, а тщательно структурированное целое, в котором одна тема раскрывается во множестве оригинальных вариаций. Тонкий знаток музыки, Андрей Андреевич Золотов строит свой двухтомник по законам симфонического развития. Причём главная тема выносит идеи, волнующие творческих людей в течение столетий: поэзия критики и назначение искусства в России.

Конечно, среди главных героев первого тома мы встречаем великих русских художников — Илью Репина, Валентина Серова, Павла Корина, Карла Брюллова, академиков Российской академии художеств Иллариона Голицына, Дмитрия Жилинского, Андрея Мыльникова, Георгия Нисского, Бориса Угарова, Андрея Тутунова, Михаила Аникушина, Олега Комова, Сергея Бархина, Давида Боровского, Зураба Церетели, Виктора Калинина.

Влюблённый в отечественное искусство, демонстрируя воспетую Ф. М. Достоевским «всеотзывчивость русского сердца», с большим теплом пишет Андрей Андреевич и о зарубежных классиках-художниках — Анри Матиссе (*«Равновесие по Матиссу»*), Пабло Пикассо (*«Герника напоминает и предостерегает»*), Шиле, Климте, Вагнере, Дебюсси,

Работа в течение 10 лет главным редактором Студии фильмов об искусстве Творческого объединения «Экран» Гостелерадио СССР позволила Андрею Золотову совершить своеобразный переворот в кинодокументалистике — снять уникальные телефильмы о Свиридове, Шостаковиче, Ираклии Андроникове, Святославе Рихтере, Евгении Мравинском, Александре Филипповиче Ведерникове, Заре Долухановой, Марке Рейзене...

Своеобразие критика в том, что он чувствует себя свободно в самых разных областях культуры — в изобразительном искусстве (вариация 1 — раздел 1 в 1-м томе), в кино и ТВ (вариация 2), в театре (вариация 3), в литературе (вариация 4), в музыке (вариация 5).

Для Андрея Золотова это принципиальная позиция в искусстве, мне особенно близкая. К сожалению, в современной культуре цеховая замкнутость — обычное явление. Не могу забыть, как двадцать лет назад на филологическом факультете РГГУ во время международной конференции одна из преподавателей меня упрекнула: «Мы ценим ваши работы по Симеону Полоцкому, зачем вы трогаете нашего Пушкина».

Для того чтобы глубоко, деликатно и точно писать о сложных проблемах в разных областях искусства, нужно обладать огромной эрудицией. У Андрея Андреевича Золотова она, без сомнения, есть. Редкие, яркие и запоминающиеся цитаты из текстов Зинаиды Гиппиус, Дмитрия Мережковского, Николая Клюева, Владимира Набокова, Николая Рубцова уместны в его статьях, они всегда развивают и дополняют оригинальную мысль критика.

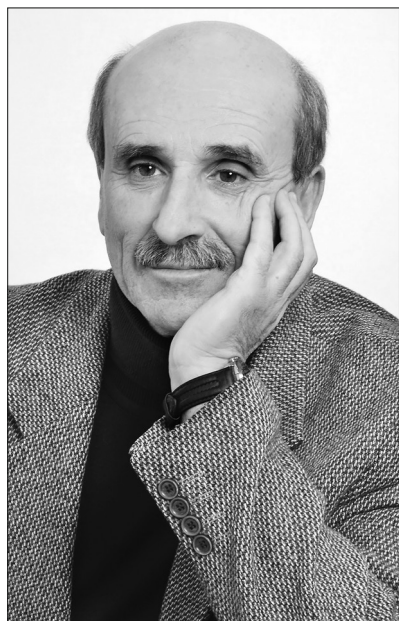
Автор открывает нам истоки этой эрудиции — юность, проведённую в кругу исключительно образованных людей, нежную опеку Георгия Свиридова, дарившего юному другу собрания сочинений Александра Блока, Сергея Есенина, искусствоведческие монографии. Ещё один источник — долгие, душевные беседы с писателями, среди которых Константин Паустовский, Леонид Леонов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Чингиз Айтматов, Георгий Гачев, Андрей Турков и Валентин Курбатов, Леонид Зорин, Михаил Рощин.

И всё же подлинные шедевры в этом монументальном двухтомнике-симфонии — по сути, самостоятельные книги о Свиридове, Рихтере, Шостаковиче, Мравинском, Ведерникове. Убеждена: в каждой музыкальной школе нашей огромной страны этот том должен быть настольным у преподавателя истории музыки.

Андрей Золотов писал о любимых людях, с которыми дружил, которыми восхищался. Созданные им образы этих гениальных музыкантов способны взволновать и тронуть даже не очень впечатлительные души: таким нежным и страстным пером написаны эти главы.

Закончить краткий обзор хотелось бы, вспомнив название «хорала» (Choral) Андрея Андреевича Золотова, завершающего первый том этого удивительного двухтомника: *«Чувство истины, или Искусство как икона гуманизма»*.

Золотов доказал, насколько его герои были искренни в творчестве, и именно искусство с его всеисцеляющим гуманизмом сегодня единственное, что способно спасти мир от неизбежной гибели. Как писала в стихах высоко ценимая автором этого двухтомника Белла Ахмадулина (её фотографию с пианистом Станиславом Нейгаузом мы увидим в разделе *«Встречи в искусстве. Знаки памяти, знаки жизни»*): *«За главный смысл лишь музыка в ответе, // а здравый смысл всегда перечит ей»*.

Владимир СПЕКТОР (г. Бад Зоден, Германия) — поэт, публицист, заслуженный работник культуры Украины. Член исполкома Международного сообщества писательских союзов (Москва) и Президиума Международного Литфонда (Москва), председатель правления Межрегионального союза писателей и сопредседатель Конгресса литераторов Украины (Киев), главный редактор альманаха и сайта «Свой вариант». Лауреат международных литературных премий им. Юрия Долгорукого (2008 г.), «Облака» им. Сергея Михалкова (2010 г.), им. Арсения Тарковского (2011 г.) и премии им. Фазилия Искандера в 2018 году. Автор более 20 книг стихотворений и очерковой прозы.

Постоянный член жюри Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского.

ВРЕМЯ НЕ АНГЕЛОВ — БЕСОВ, ВОЙНЫ И ПОП-КОРНА...

Максим ЗАМШЕВ «Вольнодумцы», роман, 2023, 496 с.
ООО «Издательство К. Тублина»
ID 2984059 ISBN 978-5-8370-0938-9

«Я читаю дютюктивный роман, оставьте меня в покое». Этой фразой герой популярного фильма, видимо, хотел подчеркнуть ироническое отношение не только к книге, но и к самому жанру. Ну, в данном случае, перефразируя героя другого фильма, ни за державу, ни за жанр не обидно. Ибо он процветает во всех своих проявлениях, от высокого до низкого и от простого до сложного. Это подтверждает и новый серьёзный роман Максима Замшева «Вольнодумцы», в котором есть элементы настоящего детектива с загадочным убийством, запутанным расследованием, высокопоставленными преступниками и традиционно противоречивой атмосферой в обществе. Присутствуют в книге и озабоченные (но не обременённые особыми заботами) вольнолюбивые молодые люди, протестующие против всего плохого и выступающие за всё хорошее. Это примерно о них сказал когда-то Салтыков-Щедрин: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то взять бы да ободрать кого-нибудь». Кстати, книга его называлась «О праздношатающихся».

И всё же роман Максима Замшева нельзя назвать классическим детективом, ибо в центре внимания не только и не столько расследование преступления. Главное в нём — повествование о том, как милые и прекраснодушные с виду молодые люди (и не только молодые) постепенно проникаются уверенностью в том, что избранная цель оправдывает средства. Что позёрство и пустословие, воплощённые в образе пренебрежительно-брезгливой укоризны окружающей среде, дают право на «раскачку общества», на его обман и манипуляцию, на превращение этого самого общества в легко внушаемую толпу, ведомую по пути протеста в страну несбывшихся желаний. Ох, не зря полицейский генерал в начале расследования убийства юной участницы кружка современных революционеров настойчиво советовал подчинённым внимательно почитать Достоевского. «Бесь» не меняются. Они вне времени. А бесовщина насмешливо выглядывает... нет, не из щелей, из самых престижных окон и кабинетов. Она ходит по проспектам и центральным площадям, сидит в модных кафе, на лекциях и семинарских занятиях... И словно не было истории, дальней и ближней, не было трагедий и кровавых переворотов. И словно не льётся кровь в соседнем доме, в котором всё начиналось так же, с безобидных, на первый взгляд, лозунгов

и призывов к светлому будущему, теряющемуся в смертельно безысходном мраке.

Книга Замшева удивительно актуальна и провидчески честна. Но для читателя на первое место, вероятно, выходит то, что она интересна и увлекательна. И при этом написана непривычно образным, поэтичным языком. Непривычно — для серьёзного романа, да ещё с детективным подтекстом. Но это ни в коей мере не то, что принято называть «прозой поэта». В ней нет манерности и чрезмерности. Она легка, хоть и обильно наполнена приметами современности, пронзительными описаниями улиц и площадей столичных мегаполисов и провинциальных городов.

«Вдали, сквозь толстое стекло, поблёскивали огни фонарей. Что они освещали? Многокилометровые автобаны, где автомобили подчёркивают всеобщее отчуждение; крошечные посёлки с сиротскими избами, в которых ставни годами заколочены; бензозаправки с невкусным кофе и чёрствой выпечкой, стаи собак, рыскающих в поисках пищи, или что-нибудь ещё, диковинное и невиданное, чего себе не представишь»...

А ведь как похоже на картину, написанную почти двести лет назад великим Пушкиным. Меняются детали пейзажа, но атмосферность изображения близка даже ритмически.

«Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой, За ними чернозём, равнины скат отлогой, Над ними серых туч густая полоса. Где нивы светлые? где тёмные леса?»

Тёмный лес — в душах и мыслях героев романа, готовых с лёгкостью разрушать всё вокруг, что для истории вовсе не ново. И, как прежде, это, в основном, обеспеченные молодые люди, для которых пиар и корысть, азартный дух развлечений и авантюры, смешиваясь с очарованием зла, рождают дурманящее чувство свободы мыслей и поступков. А юношеская беспечность мешает трезво оценить ответы на вопросы «Зачем?» и «Почему»? При этом вполне логичный вопрос «Кому это выгодно?», вообще, приходит в голову с непоправимо большим опозданием.

И потому на своих собраниях они с лёгкостью смешивают правду и вымыслы, реальность и фантазии, в которых передёргивание фактов — это нормальный процесс «работы с массами».

«— Если мы начнём с вранья, грош нам цена, — вступил в разговор один из парней.

— Это не враньё, — обиженно ответила Соня. — Это способ подачи информации. Дальше она популярно объяснила, как надо мракобесную деятельность министра культуры увязывать с коррупционными скандалами. По её мнению, намёки на воровство больше всего раздражают народ. Из этого весь Майдан слепили. Из воровства семейки Януковича.

— Чего в них больше, — спрашивал себя Артём, — юношеского максимализма или заблуждений?»...

Ненависть не учит любить, тем более, целовать. Ненависть учится бить и, может быть, убивать. Ещё она учится лгать, ей правда — как в горле кость. А злость — её злая мать. Я ненавижу злость.

Ненависть пропитывает общество, разрушая представления о добре и зле, правде и вымысле, разделяя на своих и чужих, рождая нетерпимость к иному мнению, насмешливость и злорадство. Но авторское перо описывает события романа спокойно и даже буднично. И это добавляет ощущение правды. Автор внимательно вглядывается в лица героев и персонажей книги, пытаясь понять мотивы поступков, разобраться в чувствах и мыслях, найти истоки уверенности в собственной непогрешимости, которая заменяет правоту. Поначалу кажется, что в книге нет тех, кого принято называть положительными героями. Но и абсолютных злодеев тоже, практически, нет. Возможно, за исключением одного из участников кружка «вольнодумцев», прошедшего суровую в своей несправедливости армейскую школу, озлобившегося, не сумевшего реализовать свои мечты, затаившего желание мстить. Кому? Всем. Но при этом ставшего любовником... Кого? Не будем раскрывать тайну повествования. Оно того стоит. Впрочем, и положительные (с натяжкой) герои тоже присутствуют. На мой взгляд, это и сотрудники полиции, среди которых не только по обыкновению ироничные и умелые опера (есть, правда, и циничные мерзавцы, готовые из корыстных побуждений на любую подлость — всё, как в жизни), но и пенсионер-генерал с сыном-полковником. Это он попал в центр водоворота событий, связанных с убийством, и сумел, проявив достоинство и мужество, с честью пройти испытания. Вызывает симпатию один из главных героев — директор библиотеки, а заодно и любовник (нет, в этом случае более подходит слово «возлюбленный») одной из главных активисток кружка, мечтающей о карьере знаменитой журналистки. Он подкупает искренностью, терпимостью, добродушием. А вот объект его воздыханий, манипулирующая всеми вокруг, в том числе и своим любовником (в данном случае слово точное), ближе, всё-таки, к характеристике со знаком «минус».

«— Скажи, а почему ты так ненавидишь режим? У тебя же всё хорошо. Работа. Зарплата.

— За других обидно. — Короткова произнесла это абсолютно серьёзно. — А ты?

— А мне за себя. Сначала в армию загнали, где такое дерьмо видел, что лучше не вспоминать, теперь вот работаю в ЧОПе. А хотел великим химиком стать. Да вот не получилось. Жизнь — не книга. В прошлое не вернёшься. Да и незачем...

... — О чём бы ты писал, если бы имел Телеграм-канал?

— *О том, что власть сама провоцирует волнения, постоянно создавая прецеденты, что лимит на революции Россия исчерпала, и задача общества науцать власть, пытаться изменить её, но не провоцировать кровь...*

— *Да как же это возможно? Ничего слушать не будут. Им бабки важнее всего остального...*

— *Но надо пробовать. Лучше, думаю, людей переубеждать, чем бросать под пули. Кровь порождает кровь...*

Кровожадность — как модный тренд, острый взгляд — как топор под полой, но бесчувственный, как документ, что подписан — и с плеч долой. Креативно-злорадная суть у кричащих и злых площадей... Если можешь — не модным будь, погружаясь в трясину идей.

Зачем всё это, ради чего? Автор вместе с героями пытается понять смысл происходящего, обнаружить пружину протестных настроений. Вольнодумцами в истории называли и декабристов, и членов организаций «Земля и воля», «Народная воля». Да и революционеры ленинского призыва тоже подходили под это определение. И всё же они были другие. Им в своём 19 веке хотелось больше справедливости для всех. И пусть действия их зачастую были несправедливыми, цели столь же часто свидетельствовали о благородстве помыслов. Впрочем, и «бесами» классик назвал примерно таких же «вольнодумцев» не зря.

Самолюбие, честолюбие, снобизм, замешанный на пренебрежении моралью и вызове общественным нравам, уверенность в собственной правоте, неприятие иного мнения, это было свойственно возмутителям спокойствия всегда. И так же всегда стоял перед ними выбор средств и методов достижения поставленной цели. И, кстати, почти всегда их деятельность не являлась откровением для тех, кто по долгу службы знает всё, всегда, про всех... А в нынешнее время социальных сетей, смартфонов и вай-фая — наверняка. И в романе деятельность кружка также просвечивается, как рентгеном, донесениями внедрённого агента. И только случайная гибель одной из активисток нарушает размеренный и контролируемый ход с виду независимых и, казалось бы, импровизационных действий. Всё под контролем. Но в жизни всегда есть место для экспромта.

Зачем всё это происходит? Куда несётся мрак и свет, клубок несыгранных мелодий и неотплясанных побед?... Зачем, куда — и нет ответа. В ответе — каждый за себя. Хоть много звёзд, но мало света... И свет ласкает, не любя.

Сюжет романа, хоть и сконцентрирован на раскрытии преступления (и не одного), по-киношному многовекторен. События происходят не только в нынешнее время, но и на излёте 80-х годов прошлого века. И пусть говорят, что жизнь интереснее, чем кино, эта история может стать захватывающим кинофильмом. И очаровательные пейзажные

зарисовки сценарию совсем не помеха. В них — дыхание пространства в Москве и Петербурге, а там всё неизменно, хоть и меняется каждое мгновение.

«...Справа одиноко торчала стела Поклонной горы с похожей на циркачку богиней победы. Тёмные комья небосвода угрожали разбиться о холодную землю и заполнить всё мутным серым маревом. Ёлки удерживали снег на лапах с усердием солдата роты почётного караула... Впереди несла изящную колесницу Триумфальная арка... Дворники кое-где скребли снег с привычным отвращением к этому занятию. Окна изысканных домов с сожалением рассматривали то, что творилось под ними»...

«Ноябрь в Петербурге подаёт на серебряном мокром блюде ключи от подлинного понимания экзистенции Достоевского и Блока. Ночь, улица, фонарь, аптека в XXI веке трансформировались в нечто беспредметное, вязкое, превращающее город в большой муляж, в лишившуюся стен крепость, за которой колючий безнадежный пустой север...

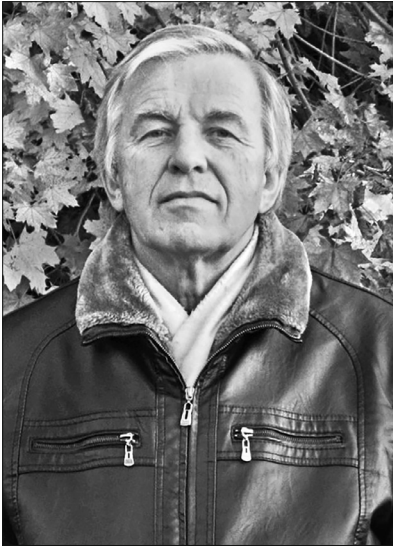
Взгляд упирался в Спас-на-Крови, первого собеседника неба, а слева Казанский крыльями колоннад тщетно пытался обнять нечто несуществующее и замирал от отчаяния. Дыхание Невского ближе к ночи походило на вдохи лёгочного больного, фасады шелестели холодной влагой»...

День темнеет и падает в ночь, улыбаясь, светлеет мрак... Тот, кто может, не хочет помочь, тот, кто хочет, не знает, как...

Как помочь тем, кому вред мнится во всём, и в помощи тоже? Как научиться различать плюсы и минусы, не забывая, что всё относительно, и так будет не всегда? Как не пропасть в пропасти, в которую может превратиться ближайшее будущее? Где она, мера правды и вымысла, осторожности и безрассудства, истины и фальши? И, наконец, стоит ли продавать совесть, или всё же жизнь дороже любого кошелька? Обо всём этом идёт речь на страницах романа Максима Замшева «Вольнодумцы». Ответы на вопросы каждый ищет сам для себя.

«Слабость, дойдя до своего предела, легко превращается в силу, в сгустки желаний. В безразличии иногда больше свободы, чем кажется... Петербург покоился в жёлтом свете фонарей и подсветок на фасадах. Шпиль Петропавловки торчал намёком на то, что не всё, устремлённое вверх, есть свобода».

Ангел поёт про свободу, где счастья пленительный свет. Пушкин читает, и память — опять рукотворна. Сердцу, живущему будущим, воли в покое всё нет. Время не ангелов — бесов, войны и попкорна...

Сергей КРИВОНОС (г. Сватово, ЛНР, Россия) — журналист, публицист, поэт, член Национального и Межрегионального союзов писателей Украины, Международного сообщества писательских союзов, автор 15 поэтических сборников. Лауреат Международной литературной премии им. Сергея Есенина (Союз писателей России), литературных премий им. Николая Ушакова, Михаила Матусовского, Владимира Даля, Бориса Гринченко, Татьяны Снежиной, «Молодой гвардии», фестиваля «Славянские традиции».

Постоянный член жюри Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского.

СПАСАЛА ДРУГИХ, РИСКУЯ СОБОЙ

Много написано и рассказано о героизме участников Великой Отечественной войны, об их бессмертных подвигах и любви к Родине. Это святая тема, которая никогда не потеряет своего значения. О ней вспоминаем и сейчас, в период проведения специальной военной операции. Ведь именно эта тема во многом формировала характер нынешнего молодого поколения, которое, помня заветы дедов и прадедов, старается приблизить победу над поднявшим голову неонацизмом.

Среди тех, кто с первых дней поддержал СВО, чётко определил свою гражданскую позицию, немало сватовчан и сватовчанок. Об одной из них — мой рассказ.

Наверное, символично, что Елизавета Третьяк родилась 31 января, в день освобождения Сватово от немецко-фашистских захватчиков. Такое календарное совпадение, возможно, и определило её дальнейший жизненный путь.

А начинался он вполне обычно — детство, первые шаги к познанию жизни, первые проявления интереса к профессиям. Лиза примерно с трёхлетнего возраста мечтала стать врачом, в своих детских играх постоянно «оздоравливая» игрушки и при этом приговаривая: «Вот вырасту, буду доктор-врач».

Потом была школа. Уроки, учителя, мечты, надежды. Училась Лиза в СШ № 7, до шестого класса была круглой отличницей, при этом особый интерес проявляла к наукам гуманитарным. Имела и склон-

ность к музыке, что вполне подтверждала её учеба в музыкальной школе по классу «скрипка».

Но вот закончен девятый класс, пройден первый рубеж, после которого можно определяться в дальнейшей учёбе: то ли продолжить её в школе, то ли поступать в учреждение, дающее специальное образование. Девушка избрала второй путь, открывавший дорогу к исполнению детской мечты, — поступила в Купянский медицинский колледж имени Марии Шкарлетовой. Училась хорошо и старательно.

Когда началась специальная военная операция, студентка была на четвёртом курсе. После того, как вояки ВСУ начали обстрел Купянска, продолжала в нём оставаться. Однажды пришлось бежать под шквальным огнём в укрытие — пули свистели над головой, и она чудом осталась в живых. На третий день после начала обстрелов с большим трудом удалось добраться до Сватово.

По приезде домой сразу приняла решение служить России, лечить раненых. Попросилась в медицинский отряд специального назначения, который в тот момент базировался в Сватово (Новосибирский МОСН). Командир отряда, увидев настрой девушки, уловив в нём высочайшей степени патриотизм, взял её на службу.

Лиза трудилась, не считаясь со временем и усталостью. Проявила себя как грамотный и ответственный специалист при оказании помощи раненым, а также заболевшим бойцам армии России. Работала в отделении анестезиологии и реанимации, в хирургическом отделении и перевязочном кабинете. Ставила зонды, проводила анализы при определении группы крови, осуществляла анестезию, выполняла много других манипуляций. Одних только гипсовых повязок наложила более полусотни. Неоднократно ассистировала как медицинская сестра при проведении различных хирургических операций. Успешно проводила сердечно-лёгочную реанимацию, и тем самым спасла немало жизней воинам. А ещё Елизавета Третьяк неоднократно участвовала в аэромедицинской эвакуации тяжело раненых бойцов.

Во время одной из таких эвакуаций начался обстрел со стороны ВСУ. Но, по словам юной медсестры, страха она не ощущала, так как её мысли были заняты одним — обязательно доставить бойцов в госпиталь. И задача была выполнена, все долетели живыми. Хотя случалось доставлять и груз «200». «Никогда не забуду своего первого “двухсотого”, — вспоминает Лиза. — Танкист. Сорок минут проводила ему сердечно-мышечную реанимацию, но сердце так и не “запустилось”. Этот боец навсегда в моей памяти».

Из характеристики, данной начальником медицинской службы, в составе которой находилась Елизавета Третьяк: «Отношения с коллективом — профессиональные. К пациентам была внимательна, вежлива, тактична и дружелюбна. Зарекомендовала себя с положительной стороны.

...Третьяк Е. А. достойна к рассмотрению для поступления вне

конкурса в Государственное учреждение Луганской Народной Республики «Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки»».

Став студенткой университета, Лиза всё время помнила о тех войнах, которые находятся на передовой, ежедневно, а порой и ежеминутно рискуя собственной жизнью. Параллельно с учёбой она стала заниматься волонтерской деятельностью. В первое время отправляла бойцам медикаменты.

В ноябре 2022 года погиб её друг и коллега Илья Гаманин, который также добровольно пошёл служить медиком. Он был убит под Артёмовском на поле боя, выполняя свой профессиональный долг. Осколок попал ему прямо в сердце. После смерти Ильи Лиза стала администратором его Телеграм-канала «Купянск наш». На этом канале организует сборы средств для закупки всего необходимого для наших бойцов на передовой. При этом активно сотрудничает со Свято-Никольским приходом города Чертково, где делают окопные свечи, сухие борщи и многое другое, необходимое воинам.

В течение года доставляла им приборы ночного видения, бусоль, дроны, калиматоры, тепловизорные прицелы, генераторы, спальные мешки, медикаменты, одежду, средства личной гигиены и многое другое.

Летом, когда в институте были каникулы, снова работала в медицинском отряде. Главой Сватовского муниципального округа Л. П. Русановой была награждена знаком «За патриотизм». А накануне дня образования ВПП «Единая Россия» отважного волонтера отметили благодарностью.

«Приятно, что мой труд ценят и знают о нём на моей малой родине, на сватовской земле, — говорит Елизавета Третьяк. — Это значит, что я всё делаю, как надо. После окончания университета стану хирургом».

...В нынешнее непростое время не вся молодёжь правильно оценивает ситуацию. Сказывается националистическая пропаганда, которой в течение тридцати лет «промывали» мозги украинцам, особенно в годы, последовавшие после вооружённого захвата власти в стране. Но всё же среди молодых людей много и здравомыслящих, достойных, мужественных, патриотически настроенных юношей и девушек. Яркий пример — двадцатилетняя Лиза Третьяк, которая, зачастую рискуя собой, успела совершить столько важного и необходимого для людей, что далеко не всем удаётся сделать за более долгую жизнь.

Фридрих ШИЛЛЕР

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

Светлана ЧИЖОВА (г. Полоцк Витебской области, Беларусь) — 2 место и Приз зрительских симпатий в номинации «Поэтический перевод»

ДЕВА С ЧУЖБИНЫ

(перевод с немецкого языка)

Давно, когда-то в старину,
В долине славных пастухов
Заветно каждую весну
Сквозь пенье птиц, полёт стихов

Являлась девушка одна.
Нет, родилась она не здесь —
Красива, радушна, стройна —
Мир озарялся ею весь...

Не знали, с мест каких пришла.
Когда прощалась, таял след.
С собой цветы, плоды несла,
Где солнечный иным был свет,

Где благоденствие кругом
В счастливой дальней стороне,
На поле зревшие другом,
В какой неведомо стране.

И всякому вручала в дар,
Одним — плоды, другим — цветы,
И радостные — млад и стар, —
Открывшие любви сердца,

В блаженстве счастья шли домой.
А тот, кто парой приходил,
Благодаря любви самой,
Подарок лучший уносил.

Елена ДАНЬШИНА (г. Севастополь,
Россия) — 3 место в номинации «Поэ-
тический перевод»

Богдан ГУРА

БАЛЛАДА О МАЛЬВАХ

(перевод с украинского языка)

Заснули мальвы возле хаты,
Их месяц вышел колыхать.
Уснуть не может только мать,
Всё ждёт и ждёт меня опять.

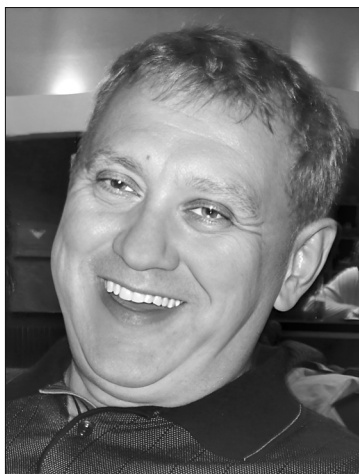
Родная мама, ты меня не жди,
Ведь никогда в наш дом мне не прийти.
Сквозь моё сердце мальва проросла
И алой кровью зацвела.

Не плачь же, мама, — ты ведь не одна,
Немало мальв насеяла война,
И шепчут осенью тебе они:
«Засни, засни, засни, засни».

У матерей других есть дети,
А у моей на целом свете
Одни лишь мальвы под окном,
Уснувшие давно.

Ты на рассвете выйди за порог.
Склонятся люди пред тобой до ног.
Пройдись по полю — мальвы буйных лук
Твоих коснутся, мама, рук.

Жизнь, словно песня, ей не отзвенеть.
Я вечно в мальвах буду жить и петь.
А коли ласку не успел я донести,
Прости меня, прости, прости.

Александр ЖУРАВСКИЙ (г. Анапа Краснодарского края, Россия) — 3 место в номинации «Поэтический перевод»

Леся УКРАИНКА

ОТВЕТ

(перевод с украинского языка)

Не жалко мне, что я тебя люблю,
А жаль, что все дороги разошлись,
И не сойдутся, как им не молись,
Ведь я-то знаю тропочку свою.
Моя любовь — погибель для тебя,
Ты будто дуб высокий и могучий,
А я, как плющ склонённый и липучий,
Что силу дуба губит, полюбя.

Но без объятий плющ зелёный вянет.
Лишь я в руинах зданий стану венной
И оплету разрушенные стены,
А плющ зелёный им подмогой станет.
В страну печали ветерок заглянет
И принесёт ко мне далёкий шёпот,
Моего дуба незабвенный ропот,
И память лет любви век не завянет.

ЛИТЕРАТУРА НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Людмила СТРЕМЕНОВСКАЯ
(г. Рыбница, Приднестровье) — 1 место в номинации «Литература на украинском языке» («Поэзия»)

ДОКИ Ж ТОБІ, РІДНЕСЕНЬКА, СТОЯТЬ НА КОЛІНАХ?

За горами рідну землю сховала чужина.
Плаче гіркими сльозами молода дівчина.
Плаче бідна, душу крає: «Де ж ти, рідна ненько,
Соловейко в темнім гаї, сестрички маленькі?
Мій коханий козаченьку, чи мене чекаєш,
А чи у тім нашім гаї іншу пригортаєш?»
Погнала на заробітки лиховісна доля,
Тепер одна на чужині, як верба у полі.
Бо у краї батьківському важко людям жити:
Глядять долі в чужім полі, їдуть заробити.
Ой, далеко, тут не чути церковнії дзвони —
Тут чужина, чужі люди й чужії закони.
Чужі хати, чужа мова, дерева чужії,
Чужі квіты, чужі діти, чужий вітер віє...
Гей, громадо, та доколи, хочу я спитати,
Будуть діти за кошійку по світі блукати?!
Туга в серці, як каміння... Моя Батьківщино,
Доки ж тобі, ріднесенька, стоять на колінах?
Люди, люди, чи забули, як добре ми жили,
Як всією спільнотою ми фашистів били,

Як славетную країну разом будували?
Залишилися руїны... Люди, чи ж ми спали,
Коли нашу Батьківщину кати розтинали?!
Вони, клятї, розпалили між нами багаття,
Православну нищать віру, тож вставаймо, браття!
Та гонїмо оту нечисть із нашого краю!
Хто посїяв отой роздрїб, хай в пеклі палає.
Допомоги я Твоєї прошу, Святий Боже!
Хай не льються людські сльози й правда переможе.
Добрї люди, об'єднаймо в Святу Русь Велику!
Нехай у ворогів наших перекосять пики.
Щоби пісні залунали за столом веселї,
Щоб добробут поселився у кожній оселї.
Щоб не знали наші діти лихої години,
Щоби квітла райським садом наша Батьківщина!

ОСІНЬ

Ховає сонечко у скриню вже тепло,
Згубила Осїнь свій лантух з туманами,
Лїси забагрянїли, а село
Підмалювалось теж собі рум'янами.
А у гаях сороча трїскотня,
І трави на стежини похилились,
Бреде холодний вітер навманя,
В садах медами яблука налились.
Вже не гудуть над квітами джмелї
І надто довго дощик загостився,
Розвішав на деревах кришталї
І хмарами в калюжах простелився.
А в хатї затишно і пахне чебрецем,
Муркоче котик онде на ослонї.
Вже вечір, в шибку — місяць каганцем,
В печі — вогонь в шаленому чарльстонї.

ТИ НЕ ТОПЧИ СТЕЖИНИ В МОЇ СНИ

Коли на землю ляже надвечір'я
Й загляне місяць в стомлене вікно,
І ніч прикрасить золотим сузір'ям
Небесне оксамитове сукно,

Коли колишуть янголи небесні
Маленьких немовлят в туманах-снах,
Й в посрібленому місячному плесі
Ще молода купається Весна,
В ім'я любові... Ні, наперекір!
Не лізь у мої спогади павуччям!
Лягають мрії-рими на папір
Й стікають вірші тихо і беззвучно.
Ти не топчи стежини в мої сні
І не збирай із губ моїх гіркоту.
Я полечу на крилах у Весни
І загорнусь в ранкову позолоту.
Змотає ніч в тугий клубок стежки,
Співатимуть в росюю вмитих вітах
Коханням одурманені пташки.
Їх слухатиму я, хитрючий кіт і вітер...

ВЕСНА

Шепоче про кохання фіалці горицвіт,
А зорі із небес попадали на трави
І роси п'ють, стає багряним світ
У полум'ї ранкової заграви.
Бузкова віхола загралася в саду,
І вітерець цілує черемшину.
По травах росяних я босоніж пройду,
«Дивись яка краса», — скажу я сину —
«Он яблунька, неначе до вінця
Зібралася щаслива наречена,
А ген, дивись, в маленьких деревцят
Які листочки ніжні, а у клена
Такий солодкий сік мураха п'є,
А в тебе на плечі — зозулька Божа,
Пташинка вже гніздечко собі в'є,
А хмарки в небі на овечок схожі.
Ой, подивись, грибочка вже маля
Тихенько причаїлось під сосною.
То, синку, наша матінка Земля
Так рясно уквітчалася весною».

Светлана ДЖЕЖЕР-ЛЫЧЁВА
(г. Сватово, ЛНР, Россия) — 2 место
в номинации «Литература на украинском языке» («Поэзия») и 1 место в номинации «Литература на украинском языке» («Малая проза»)

Я ТВОЯ

Я твоя,
коли п'янкий світанок тихенько стука у вікно,
коли веселий сонях у неба дивиться сукно.
Я твоя,
коли нарешті день стиха і лиш душею тліє,
коли ніч, зоряні квіти, розкривши хустку, гріє.
Я твоя,
коли ще юні вишні весільні одягнуть вінки,
коли тополя, зелені й жовті змінює хустки.
Я твоя,
коли з туманом розмовляє пожовкла вже долина,
коли червоними слізьми прощається калина.
Я твоя,
коли зима від сліз на шибках залишає сіль,
коли сніги холодну розстелюють тобі постіль.

ЛИСИЧКА

В лісі, де росте смерічка,
В хатці там живе лисичка.
Лисеняток доглядає,
на курчаток поглядає.
Вони ніби то й маленькі,
Але все ж таки хитренькі.
Як кульбабки у травичці,
Заховались від лисички.

Початок літа. Красиве, оповите зеленню і квітами, невелике провінційне містечко. Містечко дитинства, щастя і майбутньої любові. Позаду шкільні роки, попереду ціле життя надій, відкриттів, нових незабутніх зустрічей. Ціле життя для неї, звичайної дівчини з чуттєвою душею і довірливим серцем, яка як і всі мріє про кохання. Те, єдине, одне на все життя, про яке читала в підручниках і романах. В черговий раз взявши до рук збірку віршів місцевого поета, вона відчула обережний, але вимогливий стукіт у серце, наче довгоочікувана дитина своїми першими ударами, повідомляла про свою появу. Тому, що в його віршах вона відчувала духмяні трави, бачила «вітер, що біжить назустріч світанку» та «золоту зірку, що вказує шлях до чаклунської любові, що хитає озера сердець». Його поетичні образи хвилювали почуття, паморочили голову і в її душі готувалися, як пташенята до свого першого вильоту рими, рядки майбутніх віршів. Хоча Він не знав про її існування, Вона шепотіла його ім'я і вдивлялася в його фотографії. Коли Він насолоджувався творчими перемогами, Вона слідувала за його успіхами і соромилася підійти, ховаючись від своїх почуттів. Але словесна музика її серця звучала все голосніше і голосніше, і відгомонами доносилася до Нього. Боязка, недосконала мелодія перших її творів для нього здалася одноголосою, словами з інформацією та емоціями, але не чуто ще пісні Серця, яку б могли співати разом закохані. Вони зустрілися неочікувано для обох, з'єднавшись не декілька секунд поглядами. І наче блискава вдарила в її Серце і Вона побачила неймовірний, різноколірний світ своїх майбутніх картин, абстракцій своїх емоцій. А ледве отямившись, попрохала автограф і окрилена «найсвітлішими почуттями й добрими побажаннями» повернулася у свій світ почуттів, надій і віршів. Адже вірші — це казковий світ, де живе Він. У них вони обидва були щирими, беззахисними, розкривали свої серця і говорили про свої почуття. Багато разів перечитувала його поетичні збірки зі скупими рядками автографів, які бажали «весняних передчуттів», надихали «на все ліричне і добре», закликали до «невмирущої любові». А любов і не збиралася вмирати, вона жила своїм тихим життям, змирившись зі своєю долею. Не чуючи, не розуміючи підказки цієї долі. Заміж вийшла за людину з таким же ім'ям, як у нього. А він був одружений на дівчині, що мала її ім'я. Хтось невидимою ниткою зшивав їх імена. Ні відстань, ні люди, ні складні обставини не можуть зупинити їх у виконанні своєї місії. Вони зустрілися — значить, все сталося. Все інше — лише питання часу. Головне пам'ятати, що справжнє кохання — це не іскра у багатті життя. Справжнє кохання — це багаття. У його полум'ї згорить все, що заважає їх возз'єднанню. Це буде потім, а зараз їх сімейні рушники розрізали ножиці зради, залишивши в серцях рани та розчарування. І знову оголювалися душі у віршах, шукаючи розуміння. У Неї з'явилася неповторна здатність звичайни-

ми словами розтривожити душу, змусити малювати «фарбами» пам'яті найдорожче обличчя, відчувати ніжність рук, слухати на диску свого серця його мелодійний, бархатисто-ніжний голос. А плетіння почуттів закоханого серця подарувало їй крила щастя та натхнення. Залишилося тільки зібрати свою валізу з римами, запросити вірну серцю Музу і вирушити у Всесвітнє плавання материком Поезії та в міжгалактичний політ на планету Кохання. А Він не переставав дивувати своєю ліричністю, творчим світлом і теплом, умінням малювати пензлем слів нові грані кохання, радості, смутку, простягаючи читачеві золоту нитку зі срібними намистинами життя. Її Душа ніяковіла і «вкривалися росами» очі, при читанні його віршів. Скільки почуттів, щирості, образності! А Її кохання було вже не розсипом слів, або рядами римованих рядків, це був голосний спів серця, по-дитячому довірливого, ніжного, люблячого. На білому аркуші життя вимальовувалися вірші-картини, подібні до смичка, що торкається найпотаємніших фібр Душі та витягує звідти почуття. Бо кохання, як Поет розкриває Душі та змушує звучати Серця.

І все тривало спочатку. Він жив в її серці, а вона в записнику його друзів. Вони старанно розходилися, але доля зводила їх знову і знову. Можливо, доля знала більше, ніж вони. Йшли роки, старіли тіла, а серця рвалися, як птахи у височинь, шукаючи щастя і кохання. Хоча голова паморочилася від розчарування і стискалося серце від болю, вона знову розчинялася в барвистих фарбах для іншого, намагаючись забути Його, єдиного, який своїм поглядом засвітив зірки в її очах. Чудова картина 21 століття в стилі нанотехнологій, як чорний квадрат Малевича. Як зажурене нічне небо, яке наплакавшись після дощу, несподівано засяє зеленими очима зірок. Як політ високо над хмарами й легкий страх від повернення, від розлуки з тим, що вже було. Ще одна особливість віршованих картин з її життя — вони мають магічну здатність з кожним їх «переглядом» змінюватися, відкриваючи ледь помітні спочатку мазки, що дозволяють побачити їх інакше, з різної відстані, під різним кутом, подумки проникаючи під шар «фарби», купаючись у відчуттях кольору. Торкаючись нових і нових почуттів, емоцій, спогадів. У Його поетичних картинах відчувається і теплота погляду, і ніжність рук, і невидимий, легкий дотик янгола. А душа, розправивши журавлині крила, здійснює незвичайну подорож, підіймаючись із грішної землі в безгрішне небо, до сонця, до свободи. Дуже вишукані пейзажно-філософські замальовки, де слова, як олійні фарби лягають рівним, насиченим шаром почуттів та роздумів. А душі заворожує «поетичний сон» чуттєвих, багатогранних, красивих та ніжних рядків віршів. І як шкода, що цей неймовірне сновидіння не завжди збігається із пробудженням... Це тривало до тих пір, поки її пам'ять, сповнена болем до країв не нагадала про молодість, що пішла, про недавнє побачення зі смертю і бажання бути з ним. І вона зважилася через багато років, через відстань і вік, що розділяли їх, розповісти

про свою любов. Зав'язалося електронне листування, звичайні привітання перетворювалися в боязливі визнання й інтерес з його боку. Він писав: «Завчасно вітаю тебе зі святом Весни та любові! Нехай все добре тобі посміхається, нехай ошчасливиться в житті, нехай все бажане досягається!»

Вона відповідала: «Я бажаю всією душею, щоб ти завжди вірив в себе, щоб мрії дарували надії, а моя любов крила. Уяви собі — існують душі, налаштовані на одну струну. Для них не існує відстаней, умовностей, забобон і кордонів». Він: «Зі святом! Добра тобі, успіхів, високого душевного польоту». Нарешті її серце знайшло Людину, яка надала особливий і відверто важливий зміст усьому, що відбувається — зміст не просто кожному дню, але й кожній миті цього самого дня. Людину, яка здатна не просто дати привід посміхнутись, але й наповнила її серце неповторним світлом, справжнім теплом і спокоєм. Людину, яка необхідна, як повітря. А вона так само буде необхідна їй, яв віра. Людину, чиї вдихи й видихи, чиї кроки, дотики, сміх і голос, впізнає із тисячі. Чия присутність стане на стільки ж необхідна, як і саме життя, а можливо навіть і більше. Людину, яка стане найважливішим мотивом жити, бути й кохати, відраховувати години й хвилини до нової зустрічі. А бачачи його втрачати голову, тонути в сіро-блакитних очах і вірити, що колись від Нього почує: «Я тебе кохаю». І тоді для неї відкриється неймовірний світ, де від любові виростуть крила і заберуть в небеса щастя і пристрасті. Світ, якому непідвладний час, роки та відстані. Світ, як окрема галактика ніжності, ласки, любові. Це дивний Світ, де Він просто погляне в очі й обійме поглядом і земля почне обертатися швидше, а подих і голоси будуть в унісон. А закохане серце, нарешті прошепоче: «Я люблю тебе усім серцем, в кожному погляді та жесті, прокидаючись і засинаючи, пробачаючи й забуваючи, приходючи і йдучи, посміхаючись і плачучи — Люблю».

Галина ДЕЙНЕГА (г. Севастополь, Рос-
сия) — 2 место в номинации «Литература
на украинском языке» («Малая проза»)

ЛЮБОВ

(Уривки з повісті «Три життя»)

Другий курс у Ліани почався з участі у змаганнях гімнастів у Львові. Складні виступи, зворотня дорога породили ту ступінь втоми, коли людина стає свідомо байдужою до всього, крім ліжка. Прибувши у гуртожиток, дівчина серед ясного дня завалилася спати. Але не тут-то було!

— З глузду з'їхала, — почала торсати її однокурсниця Ліда. — Спати надумала. Наш курс повинен виграти змагання з самодіяльності!

— Ну при чому тут я?

— Будеш співати у хорі.

— Я не співаю.

— Рота будеш відкривати. — Після деякої перерви Ліда продовжила: — А взагалі-то у нас на курсі два нових хлопця. Високий, Володимир Дудник, грає на акордеоні, на гітарі. Інший, середнього зросту, Володимир Харламов, танцюрист. Сподобаєшся йому — візьме у пару. Це ж для курсу потрібно.

Поява Володимирів в інституті пояснювалась так. Друзі успішно виступили у Києві на республіканських студентських змаганнях з легкої атлетики, як студенти Запорізького машинобудівного інституту. Їм запропонували зробити перехід до Київського інституту фізкультури. Вони охоче погодилися. Обидва Володимира мріяли відірватися від дому, щоб без опіки батьків провести справжні студентські роки, відчувати вогонь щасливого божевілля юності.

Шлунок нагадав Ліані про свої вимоги, і вона, розуміючи, що вже не заснути, запропонувала подрузі сходити підкріпитися.

Відкривши двері їдальні, Ліда з подивом відзначила:

— Вони тут!

— Хто?

— Тихіше. Володимири. Дивись, він, за столиком у вікна. — сказала Ліда. — Зверни на себе увагу того, що нижче ростом.

— Як?

— Придумай!

Коли дівчата проходили повз, хлопці встали. Очі Ліани і Володимира Харламова зустрілися. Якось зовсім несподівано для себе Ліана підморгнула хлопцю, а той посміхнувся їй гарною посмішкою.

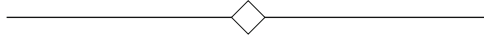
Може, при інших обставинах цю дівчину Володимир помітив би інакше, але тут все стрепенулося, все посміхнулося в ньому. Назвати її красунею було не можна, хоча природна грація маленької міцної фігури і несвідоме кокетство жестів викликали пильний погляд, а її підморгування дало веселий натяк на відносини в майбутньому.

Ліану вразили широко відкриті смарагдово-зелені очі Володимира. Красенем його теж назвати було не можна, але його м'який, що обіймає, погляд полонив дівчину.

Увечорі Ліана піймалася на очі керівнику студентського конкурсу художньої самодіяльності. Він займався з Харламовим постановою танцю. Танцював Володя легко і красиво. Найкраще у нього виходила чечітка, але у той час вважалося, що це буржуазний заборонений танець. Задовольнялися вальсом.

Керівник підкликав Ліану і поставив її у пару з Харламовим. Той, беручи партнерку під руку, відчув податливі на відповідь рухи і атакував питанням у лоб: «А твоє ім'я як?».

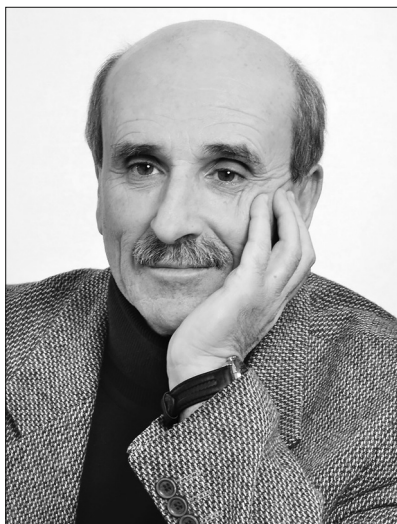
Знайомство нашої пари відбулося, і почалася любов, яку вони пронесли крізь довгі роки.

Александр ЖУРАВСКИЙ (г. Анапа Краснодарского края, Россия) — 3 место и Приз зрительских симпатий в номинации «Литература на украинском языке» («Поэзия»)

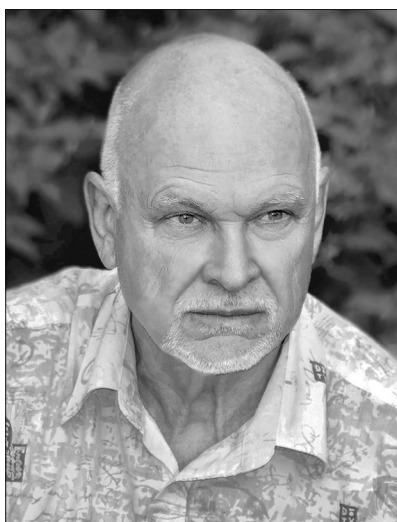
* * *

Ой полинь, полинь мое серденько.
У ту країну, де завжди весна.
Ой полинь, полинь мое серденько.
Де матуся сина колиха.
Де полин-трава дорожче квітів.
Де стара хатинка у Дніпра.
Там де зоряний співає вітер.
Де чекає матінко моя.
Ой полинь, полинь мое серденько.
Приторкнись до білих рушників.
Де Вітчизна плаче, як маленька
Донька, залишившись без батьків.
Тай на небі, де зірки, прохаю —
Зупинися, щоб з вишини.
Зберегти ту землю, що кохаю.
Там де плаче кобза по весні.

Владимир СПЕКТОР (г. Бад Зоден, Германия) — поэт, публицист, заслуженный работник культуры Украины. Член исполкома Международного сообщества писательских союзов (Москва) и Президиума Международного Литфонда (Москва), председатель правления Межрегионального союза писателей и сопредседатель Конгресса литераторов Украины (Киев), главный редактор альманаха и сайта «Свой вариант». Лауреат международных литературных премий им. Юрия Долгорукого (2008), «Облака» им. Сергея Михалкова (2010), им. Арсения Тарковского (2011) и премии им. Фазиля Искандера в 2018 году. Автор более 20 книг стихотворений и очерковой прозы.

Постоянный член жюри Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского.

Валерий БАСЫРОВ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, прозаик, переводчик, издатель, фотохудожник. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Автор 40 изданных книг. Лауреат различных литературных премий, в том числе международных. Член Союза писателей СССР. Член Союза переводчиков России. Председатель ОО «Союз писателей Республики Крым». Директор крымского издательства «Доля». Заслуженный деятель искусств Республики Крым.

Один из учредителей Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллектуальный сезон» и постоянный член жюри всех его конкурсов, председатель жюри Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского.

«БУДЬТЕ НЕ МЕРТВІ, А ЖИВІ ДУШІ»

(Переклад на українську мову В. Басирова)

Коли ми вимовляємо слова «літературна класика», то в нашій уяві постають невмирущі імена Гомера, Аліг'єрі, Гете, Шекспіра, Дюма... У цьому ряді великих є місце й для незрівнянного Миколи Гоголя, чий геній був унікальним ще й тому, що народжений історією та культурою двох народів — російського та українського. Сам він про це пам'ятав постійно, і його творчість, що досягає класичних вершин світової літератури та російської мови, залишається українською за духом і змістом. Ось як про взаємини двох культур, російської та української, він говорив у бесіді з літератором Григорієм Данилевським:

«Доминантой для русских, чеховъ, украинцевъ и сербовъ должна быть единая святыня — языкъ Пушкина, какою является евангеліе для всехъ христіанъ, католиковъ, лютеранъ... Намъ, малороссамъ и русскимъ, нужна одна поэзія, спокойная и сильная, нетленная поэзія правды, добра и красоты... Ея стихъ долженъ врачевать наши сомненія, возвышать, поучая вечнымъ истинамъ любви къ ближнимъ и прощенія врагамъ...»

Русскій и малороссъ — это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтение одной, въ ущербъ другой, невозможно...

«Всякій долженъ думать не о розни; онъ долженъ прежде всего поставить себя передъ лицо Того, кто далъ намъ вечное человеческое слово»...

(«Знайомство з Гоголем». Григорій Данилевський)

Важливо, щоб нащадки великого письменника не забували його думки й одкровення, явлені у творах, які за майже два століття не тільки не застаріли, а навпаки, стали сьогодні особливо актуальними. Унікальне одностомне російсько-українське видання всіх творів Миколи Васильовича Гоголя,* підготовлене до його 210-річного ювілею, якраз покликане нагадати жителям колись братніх країн, що вони називалися так недаремно, що спільність історії, культури, традицій та, загалом, світогляду — зобов'язують до дружби й порозуміння, миролюбності та всепрощення.

* Н. В. Гоголь — Все Сочинения. — Союз писателей России. Международный Шолоховский комитет. Академия поэзии. Международная ассоциация художественных искусств (Париж). «Библиотека В. С. Черномырдина». М., из д.: «Московский писатель», 2021. стр. 1024, с илл.

ISBN 5-93670-025-9

ISBN 978-966-2104-11-0

Як кожний геній, Гоголь — складний і суперечливий, простодушний і хитрий, веселий і трагічний. Він реаліст і містик, романтик і народник, фантаст і балагур, символіст і віщун. Він таємничий і неосяжний. Але якби він був простий і нехитрий, то хто б пам'ятав його сьогодні. Його творчість неосяжна, як космос. Але в цьому космосі є головна галактика — віра в Бога і у вищу справедливість. І в ній — Планета доброти і милосердя, і хочеться, щоб цією планетою була його і наша рідна Земля. Він вірив у це (і сумнівався), говорив про це у «Вибраних місцях з листування з друзями», а також (і особливо докладно) у «Роздумах про Божественну Літургію». До речі, ювілейне видання творів Гоголя приємно вирізняється тим, що до нього включено й нечасто видавані «Роздуми», у яких він стверджує, що душа, яка вірить у божественну справедливість, «...набуває високого настрою, заповіді Христові стають здійсненними, іго Христове благо і тягар легкий». Особливо гостро і животрепетно звучать цитовані Гоголем у цій книзі Заповіді:

«Блаженні лагідні, бо ті успадкують землю — ті, що не мають гніву, всепрощають, люблять, чия зброя — всепереможна лагідність.

Блаженні милостиві, яко ті помилувані будуть — ті, що співчують за кожного брата, в кожному, хто просить, бачать Самого Христа, який за нього просить.

Блаженні миротворці, яко ті сини Божі будуть названі — подібно до Сина Божого, який зійшов на землю, щоб внести мир у душі: так і ті, що вносять мир і примирення в дома, є істинними Божими синами.

Блаженні вигнані правди заради, бо тих є Царство Небесне — вигнані за сповіщення правди не одними устами, але пахощами всього життя».

Про милосердя, всеперемагаючу лагідність, добродушність, співчуття, прощення і примирення потрібно писати, говорити і проповідувати в наш час постійно. Бо наповнений він жорстокістю, непримиренністю, мстивістю, заздрістю і лихослів'ям.

І тому великий Гоголь сучасний, як Пушкін (якого він обоженював), Шекспір чи Достоевський, як усі генії, які народжуються рідко, але живуть у наших серцях вічно. Живуть, щоб пробуджувати милосердя, без якого світ перетворюється на війну, а дружба спотворюється зловтіхою. Адже це Гоголь сказав про призначення письменника:

«Обов'язок письменника — не одне доставлення приємного заняття розуму і смаку; суворо стягнеться з нього, якщо від творів його не пошириться користь душі і не залишиться від нього нічого на повчання людям».

Гоголь виконав своє призначення повністю і по максимуму. Його повчання ненастирливі й корисні для душі. Мало того, вони так само сучасні й актуальні. Адже він показував і висміював не тільки тради-

цінні, вічні вади, властиві «мертвим» душам. Я маю на увазі лінощі, жадібність, злодійкуватість, хвастощі, підлість, панібратство... Але що таке сюжет «Ревізора», як не боротьба з корупцією, що сьогодні пекуче злободенно? При цьому Гоголь не прагнув революційних перетворень суспільства, він закликав до вдосконалення людської душі. *«Суспільство утворюється саме собою, складається з одиниць, — писав він Белінському. — Треба, щоб кожна одиниця виконала обов'язок свій... Потрібно згадати людині, що вона зовсім не матеріальна худоба, але високий громадянин високого небесного громадянства. Доки вона хоч скільки-небудь не житиме життям небесного громадянина, доти не впорядкується і земне громадянство».* Як глибоко, точно і правильно сказано. Скільки років минуло, а все ніяк не вдається знайти й осмислити людям своє високе небесне громадянство. І як не згадати те, що сказав ще один чудовий письменник Іван Панаєв: *«Гоголь відкривав для читачів світ, який усім знайомий і близький, але який до нього ніхто не вмів відтворити з такою нещадною спостережливістю, дивовижною вірністю та художньою силою!..»*

І, все ж таки, гадаю, головне повчання великого Гоголя, що має бути обов'язково почуте нащадками, — це його тверда впевненість у необхідності й неминучості братерських, дружніх стосунків між двома народами — російським і українським, його уявлення про шляхетність та товариськість, які виклав перед братами-козаками Тарас Бульба:

«Бували і в інших землях товариші, але таких, як у Руській землі, не було таких товаришів... Ні, браття, так любити, як руська душа, — любити не те щоб розумом чи чимось іншим, а всім, чим дав Бог, що не є в тобі... Ні, так любити ніхто не може!.. Але в останнього підлабузника, який він не є, хоч увесь вивалювся в сажі й у поклонінні, є й у того, браття, крихта російського почуття. І прокинеться воно коли-небудь, і вдариться він, бідолашний, об поли руками, схопить себе за голову, проклявши голосно підле життя своє, готовий муками спокутувати ганебну справу. Нехай же знають вони всі, що таке значить у Російській землі товариство!»

Якщо уявити, що у Миколи Васильовича з'явилася машина часу, і він раптом побував би зараз у Києві та Сорочинцях, Запоріжжі та Москві, Станиці-Луганській і Петербурзі, він був би, упевнений, вражений і пригнічений побаченням і почутим. Ненависть і лихослів'я, нетерпимість до іншої думки, небажання зрозуміти й пробачити, мстивість і зловтіха, зневага до рідної мови і навіть заборона її... І це ще не найстрашніше. Найстрашніше те, що брати стріляють один в одного, і не з пістолетів і пищалей, а з важкої артилерії... ракетних систем залпового вогню... Ось тут би і стала в пригоді його відозва:

«Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник». Бо тільки мертві душі глухі до людського горя і нещастя, байдужі до мученицької загибелі людей похилого віку і дітей, готові знищити

будь-кого тільки в ім'я торжества своїх ілюзій і помилок. Гоголь своїми чудовими книжками закликав до іншого, навчав добра і справедливості, милосердя і взаєморозуміння. Тому дуже своєчасним є видання його зібрання творів, і те, що це спільний україно-російський проект — особливо добрий знак. Сподіваюся, це послужить прикладом і стане початком інших таких самих добрих справ, спрямованих на досягнення миру і благоденства в милих серцю генія Україні та Росії.

Талант Гоголя був великий і багатогранний, вирізнявся не тільки мудрістю, а й пророчим даром, умінням бачити те, що дано лише обраним, розуміти вищу суть речей і подій. І тому він писав: *«Що є життя? Це руйнування мрії дійсністю...»* Але, тим не менш, *«Варто тільки пильніше вдивитися в сьогоднішня, майбутнє раптом виступить саме собою»*. І, як би не було боляче, *«Буває час, коли не можна інакше спрямувати суспільство або навіть усе покоління до прекрасного, поки не покажеш усю глибину його теперішньої мерзоти»*. Він був правдивий і чесний перед собою і перед суспільством, у якому *«Крізь видимий сміх ллються невидимі світу сльози»*.

Визнаний світом генієм, Микола Васильович Гоголь дорогий нам, його нащадкам, і усією своєю творчістю, і тим, що, будучи українцем за місцем народження, суті та сутності, зумів саме російською мовою сказати незгаслі слова про кохання та дружбу, про мир та головних його цінностях. Сказати так, як — ні до нього, ні після — ніхто сказати не зможе. Дякую, Миколо Васильовичу! Це українсько-російське видання Ваших творів — гідне свідчення того, що Ваше добре, віще слово — не забуте, що майбутнє може бути таким, яким хотіли його бачити Ви — добропорядним та благословенним. Будемо на це сподіватись.

Володимир Спектор

ЛИТЕРАТУРА НА КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

V Международный конкурс
поэтического перевода

Россия (Крым) — Италия (Каникатти)
ПРЕМИЯ «ПАРНАС — ANGELO LA VECCHIA»
СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ «Амди Гирайбай»

Светлана ЖУЛЕН /ГАВРАЕВА/
(г. Ницца, Франция) — член Калмыцкого отделения ОО «Союз писателей Республики Крым», лауреат (1 место) V Международного конкурса поэтического перевода на приз Амди Гирайбая.

Амди Гирайбай

ТУКАЮ

(перевод с крымскотатарского)

Как песнь над миром турков и татар,
Твои стихи открыли путь народам.
Когда б ни твой, Всевышним данный дар,
Кто б описал страданья и невзгоды?!
И как же рано, будто розы цвет,
Ушёл в бессмертье, к собственным истокам...

При жизни мы не разглядели свет
 Твоей звезды, большой и одинокой...
 Когда был рок несправедлив к тебе,
 Тукай*, твои мы вытирали слёзы.
 Ты был один, и бросив меч судьбе,
 Тебя не напугали гром и грозы.
 Ну почему теперь не с нами ты?
 И отчего не ты наш вождь, как прежде?
 Мы в трауре, несём тебе цветы,
 и памяти твоей верны в надежде.
 Ты наш учитель, светоч — сила в том,
 что ты поверил в будущее свято,
 многострадальным, грустным жёг огнём,
 так рано жизнь отдав за нас когда-то.
 Ты верь, Тукай, народ теперь не тот,
 Ничто не станет для него преградой!
 Твоих воззваний безупречен слог,
 Как жаль, что не увидел ты награду.
 Тебе респект и почести, Тукай,
 Сгоревший ради своего народа!
 Ты в памяти народа, так и знай,
 Живёшь, как символ Мира и свободы!

Амди ГИРАЙБАЙ

ТОКЪАЙГЪА

Эй тюрк-татар дюнъясына шаале, нур сачкъан Токъай,
 Къара халкъкъа ана тильмен акъ ёлун ачкъан Токъай,
 Дертимиз, арзумызны джырлагъан, айткъан Токъай,
 Пек вакъытсыз гульдай солып, аслына къайткъан Токъай.
 Токъай, сенинъ къыйметинъни савлыгъынъда бильмедик
 Сен биз ичюн джан талаштынъ, джырладынъ да, сайрадынъ,
 Талий сени хорлагъанда козьяшынъны сильмедик,
 Тек башынъа, озь башынъа такъдирге тиш къайрадынъ.
 Ничюн, Токъай, арамизда танъ аткъанджек къалмадынъ?
 Ничюн, Токъай, къалып кене ёлбашчымыз болмадынъ?
 Бугунъ матем тутамыз биз эшиталмай сёзюнъни,
 Ёкълугъынъны пек дуямыз, хатырлаймыз озюнъни.
 Устазымыз, чолпанымыз, сен башымызсынъ, Токъай,
 Джол косътердинъ джашлыкъкъа сен о огъурсыз кунълерде,
 Бир чыракъдай коръдик сени биз къаранлыкъ кунълерде,

* Татарский поэт Габдулла Тукай (1886–1913)

Бугунь кене оджамызсынъ, ёлбашчымызсынъ, Токъай,
Дертли Токъай, монълы Токъай, омрю къыскъа джаш
Токъай, Халкъчы эдип шаирлернинъ ордусына баш Токъай,
Сенсинъ, Токъай, къальбимизде халкъ суйгюси яраткъан Сенсинъ,
Токъай, бугунь бизни «къара халкъкъа» къараткъан.
Инан, Токъай! Бугунь бу халкъ кучюн алды къолуна,
Талий чыкъып токътаталмаз энди онынъ джолуна,
Бакъыргъанынъ, чакъыргъанынъ сенинъ нафле кетмеди,
Ах, не языкъ коралмадынъ, омрюнъ вефа этмеди.
Урмет сагъа тюрк татарнынъ сайып суйген Токъайы,
Акъикъяткъа, халкъкъа бола джанып куйген Токъайы,
Тарихымыз байрам этсин, козь айдынлар яшасын,
Сендай шаир етиштирди, Токъайымыз яшасын!..

Апрель 13, 1920

Ремзи ДЕВЛЕТОВ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, переводчик, филолог, доктор педагогических наук, автор более 100 научных, учебных и методических публикаций, двуязычных и трёхязычных словарей. Заведующий литературной частью Крымскотатарского государственного академического музыкально-драматического театра. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» в номинации «Поэтический перевод» (1 место). Член жюри конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» с 2020 года.

Антон ЧЕХОВ

РАЗМАЗНЯ — ЯЛКЪАВ —

(перевод на крымскотатарский язык)

Куньлерден биринде одама эвлятларым оджасы, Юлия Васильевнаны давет эттим. Къазангъан маашыны одемек керек эди.

— Отурынъыз, Юлия Васильевна! — дедим мен. Къазанч паранъыз акъкъында къонушайыкъ. Сизге акъча керектир эбет. Сиз исе пек утанчакъсыз, озюнъиз сорап кельмейджегинъизни билем...

Демек... Айына 30 кумюшке анълашкъан эдик, догърумы...

— ...40 кумюшке...

— Ёкъ, 30 кумюшке эди... Меним дефтериме ойле язылгъан... Мен аиле оджаларына даима 30 кумюштен айлыкъ одеи эдим. Демек, сиз мында эки айдан берли яшайсыз...

— Эки ай ве 5 кунь...

— Тек эки ай... Менде бойле язылгъан... Демек, сизге 60 кумюш берильмек керек... бунынъ ичинден 9 базар куньлерини чыкъарамыз... сиз Колянен базар куньлери дерс чалышмадынъыз, тек кезинтеге чыкътынъыз... даа 3 кунь байрам эди...

Юлия Васильевна ачувындан къызырды-бозарды, элиндеки чулны чекелемеге башлады... лякин... бир шей айтмады!

— Учъ кунь байрам эди... Демек, ... 12 кумюш даа чыкъарамыз... Дёрт кунь Коля хаста эди, дерслер олмады... Сиз тек Варянен дерс чалыштынъыз... Учъ кунь сизнинъ тишлеринъиз агъырды, шу себеп иле меним апайым сизге уйледен сонъ раатлыкъ берди... Он экиге еди къошсакъ он докъуз ола. 60 кумюштен 19-ны чыкъарсакъ... хм... 41 кумюш къала... Догърумы?

Юлия Васильевнанынъ сол козю къызарды ве яшланды. Янакълары къалтырап башлады... Нервадан оксюрок тутты, мендилине бурунуны сюмюрди, лякин — бир сёз биле айтмады!..

— Янъы йыл арефесинде сиз чай фильджаныны тепсичикнен берабер къырдынъыз. Даа эки кумюш чыкъарамыз... Фильджан пек палы, чюнки о аилевий мирастыр... Айды, Алла эшкъына, мен сизден чокъ пара алмам!.. Олды оладжакъ... Сонъра Коля сизнинъ дикъкъатсызлыгынъыз себебинде терек устуне минип биджагъыны йыртты. Кене он кумюш чыкъармакъ керек... Анавы эв хызметчи къадын сизнинъ бакъмадынъыз себебинден Варянинъ потиклерини хырсылады. Буныда сизнинъ маашынъыздан чыкъармакъ лязим. Демек, бойлеликнен беш кумюш кене аладжам... Январьнинъ 10-джи куню сиз менден 10 кумюш алгъан эдинъиз...

— Мен алмадым, — деди Юлия Васильевна сессиз.

— Амма, меним дефтериме язылгъан!

— Айды, яхшы, олсун... ойле.

— 41-ден 27-ни чыкъарсакъ... хм... 14 ола...

Юлия Васильевнанынъ козьлери яшкъа толды... Дюльбер буруны терледи. Заваллы къадын!

— Мен тек бир кере апайынъыздан 3 кумюш алгъан эдим — титреген сеснен деди о.

— Тек учъ кумюш... башкъа бир капик биле алмадым...

— Ойлеми? Бакъса бунъа, мен бу борджынъызны язмагъаным! Он дёрттен учъ чыкъарсакъ он бир къала...

Мына сизнинъ къазангъан маашынъыз!.. Алынъыз, ханум эфенди! Учъ...учъ...учъ... бир ве бир кумюш. Мына, а-л-ы-нъ-ы-з!

Мен онъа 11 рублени узаттым. О титреген пармакъларынен параны алды ве джебине къойды. «Мерси» — сессиз, деди о. мен пек ачувланыш:

— Не ичюн «мерси», не ичюн «тешеккюр» бильдиресиз? — деп сорадым.

— Ахча, пара ичюн...

Лякин мен сизни инсафсыз чайпадымда! Бу къадар ялкъав олурмы инсан! Мен сизнинъ джебинъизге далдым, хырсызлыкъ яптым! Бу арекетке тешеккюр демек мумкюн дегиль! Анълайсызмы?

— Амма... башкъа ерлерде асылда бермей эдилер...

— Бермей эдилерми? Бу ич кимсени айретте къалдырмаз. Ялкъавларны айны бойле джезалайлар! ... Мен шакъа эттим, сизге мутхиш дерс береджек олдым... Мен сизге къазангъан 80 кумюш маашынъызны эписини береджем! Мына парангъыз конвертнинъ ичинде азыр тура! Бу дереджеде анкъав олмакъ олурмы бу дюньяда?! Шашыладжакъ шей! Аллах эшкъына, наразылыкъ косътермеге билесизми аслы? Нечюн сусып турасыз? Бу аятта, аз олсада, терс лаф айтагъа бильмек керек олгъанында хаберинъиз бармы? Бойле ялкъавлыкъ олурмы?

О зорнен кулюмсиреди, онынъ юзуне бакъып анъладым — ола экен.

Бурунъки мутхиш дерсим ичюн, лютфен багъышлангъыз мени. Мен бу къадындан мутхиш дерс бергеним ичюн афу сорадым. Оны буюк айретте къалдырып 80 кумюш маашыны теслим эттим. О къоркъа-къоркъа тешеккюрли юрюшнен оданы терк этти. Артындан бакъып бойле фикир сайби олдым: Эх, бу дюньяда кучълю олмакъ пек къолай экен!

Сейран СУЛЕЙМАН (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — крымскотатарский поэт, прозаик, переводчик, филолог-тюрколог. Заслуженный журналист Республики Крым. Главный редактор газеты «Янъы дюнья» («Новый мир»). Пишет на крымскотатарском и русском языках. Автор четырёх книг. Лауреат международных литературных премий им. Григория Сковороды (Украина) и Махмуда Кашгари (Турция). Постоянный член жюри конкурсов Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон», в том числе Международного конкурса поэтического перевода на приз Амди Гирайбая.

ПИАНИНО ЧАЛГЪАН КЪАРТИЙ

(икяе)

Мен студент олгъанда чокъусы киби ятакъханеде дегиль де, киралыкъ одада — янъгъыз бир къартийнинъ квартирасында яшадым. Аслында шу къартий бундан эвель одасыны даа кимсеге бермеген экен. Манъа да тесадуфен берди. Бир кунъ къомшуларына бош одалары бар экен, деп кельсем, энди бош ерлери къалмагъан. Не бермеген Алла деп, янаша квартира къапысынынъ зилини чалдым. Бираздан кимдир къапы артында мени соргъугъа чекти — ким олам, нечюн бу ерге кельдим...

Таныш олмагъан кимсеге эр шейни олгъаны киби анълатмагъа башладым. Ниает, баягъы яшта олгъан чал сачлы къартий къапыны ачкъан сонъ, айретте къалдым: омюримде коръмеген бу къартийнинъ квартирасында къалмакъ ихтималы мени башта къоркъутты. Тенинде тен, джанында джан къалмагъан насылдыр худжур бир къартий эди. Юзю бурюш-чюрюш, къолларында мораргъан дамарлары корюне, ешилтим козьлери исе гуя ичинъни тешип кече. Онъа бир кереден шубенен бакъмагъа башладым. Лякин бир муддеттен сонъ озюмни къолгъа алдым. Къарт адамдан къоркъаджаммы ёкъса? Олмайджакъ шей!

Къартий янъгъыз яшагъаны ве одасыны кимсеге кирагъа бермегенини, лякин манъа бермеге къаршы олмагъаныны бильдирди. Бираз экиленген сонъ эпбир одасында къалмакъ къарарына кельдим. Сессиямыз башланды, бир ерде яшамакъ керек. Квартиранынъ кучюк, амма темиз ве къынтавлы одасында ерлештим. Къысмет, иште... Мени энъ баштан шусы шашырды ки, къартий не къадар орьселенген ве худжур корюнгенине бакъмадан, даима хош ве муляйим лаф эте эди. Базан окъувдан кейфсиз къайткъанымда, о, андан-мындан сёз ачып, илле кейфимни котере, мени насылдыр рухландырмагъа истей эди. О юрюш-турушынен кимнидир хатырлата эди, амма кимни — бу суальге башта джевап тапалмай эдим. Сонъра бир къач йыл эвельси Джон Патрикнинъ «Къыйметли Памела» спектаклини бакъкъанымны, баш къараман — ихтиярлашкъан, хорлангъан, амма умюдини джоймагъан Памела Кронки тамам «меним» къартийимни анъдыргъаны фунтума урды.

Къартийнинъ эвинде эки килимден гъайры чокътан-чокъ китап, эски пластинкалар ве бир джарты пианино бар эди. Китаплар о къадар чокъ эди ки, олар о якъ бу якъта аякъ астында десте-десте яткъанына ачувлана эдим. Лякин базы китаплар манъа окъув девамьында ярдымджы олды. Китапларны ачкъанда базы саифелернинъ четлери букюльгени, базы ерлерде къарандашнен къайдлар япылгъаны дикъкъатымны чекти.

Эр кунь квартирагъа акъшам устю къайта эдим. Ве эр вакъыт ашханедеки кучюк соффра мени сыджакъ шорба, отъмек, чай ве алма беклей эдилер. Киралангъан ода парасыны бериркен, базыда ашы-су-вы ичюн бираз зиядедже пара къошып бермеге истегенимде, о: «Сен яшсынъ, осьмек керексинъ, адамгъа аш бермек савап иштир, къасевет этме», — дер эди муляйим сесле. Бир кунь исе, татильге кетмезден эвель, къартийге къаранфиллер алып кельдим. О бу къаранфиллерге бала киби къуванып, гульдестени чечек савутына ерлештирип, ода-сында тургъан пианинонынъ устуне, генч ве дюльбер бир ханымнынъ портрети янына къойды.

Эртеси куню чантамны азырлап, онынънен сагълыкълашмакъ ичюн янына кельдим. О исе: «Билесинъми, отуз йыл эвельси шеэри-мизнинъ энъ буюк залында сонъки кере чыкъыш япып, Шопеннинъ эсерини чалгъан сонъ, мухлислеримден бири айны бойле къаранфил-лер багъышлагъан эди. Шимди о кунни хатырладым. Санки тюневин олгъан шей. Амма отуз йыл артта къалды. Бугунь о залнынъ эль-чырпмаларыны, о адамларнынъ хош тебессюмлерини сагъынам», — деди. Шу ань юзюнде биринджи кере эфкъяр ве къайгъы корюнди. Оны эфкъярлы тюшюнджелерден узакълаштырмакъ, юрегини котер-мек ичюн пианино чалмасыны риджа эттим. «Мен... мен чокътан берли пианино чалмадым, энди эр шейни унуткъаным», — деди о. Мен пианинонынъ янына келип, устю йылтырагъаныны, демек ки, о эр кунь темизленгенини анъладым. «Пианино сизни сагъынды», — дедим онъа.

Къартий яваштан турып, пианино башына кечип отурды. О, козьлерини къапатып, бурюшик пармакъларынен квалишлерге бакъан сонъ оданынъ ичини насылдыр муджизевий аэнклер къаплап алды. Талгъын-талгъын чалынгъан иляхий музыкагъа айран къалдым ве агъыз ачып динъледим. Мени биринджи куню озюнинъ тыш корюнишинен къоркъуткъан бу аджайип къадын омюримде корьген энъ истидатлы ве меаретли пианоджы олгъандыр. Аэнклер сукъан сонъ оны эльчырпмаларнен алгъышладым. Козьлеринден кедер пер-деси артыкъ чекильгенини корьдим.

Биз къартийнен сагълыкълаштыкъ ве мен озь эвиме къайттым. Бир къач айдан сонъ узун татиллер де битти. Татиль биткенинен шеэрге келип, кене къартийнинъ квартирасына ашыкътым. Таныш къапынынъ зилини чалдым. Кимсе джевап бермеген сонъ къапы-ны пармагъымнен баягъы къакътым. Бираздан къомшу квартира-дан бир деликъанлы чыкъып: «Къапыны къакъмангъыз. Анда кимсе ёкъ. О ерде яшагъан къартий эки ай эвельси вефат этти», — деди. Бу сувукъ хаберден таш кесильдим ве шу ань юрегим парча-парча олды.

Арадан чокъ йыллар кечти. Къартийнинъ хош тебессюмини, ме-ним ичюн чалгъан шахане нагъмелерини сыкъ-сыкъ хатырлайым. О, омюримде тесадуфен расткельмеген олса керек...

ИТОГИ

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС ИМ. С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО (2023 год)

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

- 1 место — САВОСТЬЯНОВ Валерий**
(г. Тула, Россия)
- 2 место — БРАГИН Никита**
(г. Москва, Россия)
- 2 место — СОКОЛОВСКАЯ Виктория**
(г. Полоцк, Республика Беларусь)
- 3 место — АРЕФЬЕВА Лариса**
(г. Сердобск Пензенской области, Россия)
- 3 место — НУРДИНОВ Альберт**
(г. Екатеринбург, Россия)
- 3 место — ТРУЩЕЛЁВ Юрий**
(г. Аксай Ростовской обл., Россия)

НОМИНАЦИЯ «МАЛАЯ ПРОЗА»

- 1 место — ИВУШКИНА Екатерина**
(г. Москва, Россия)
- 2 место — БАРАКАЕВА Ольга**
(г. Москва, Россия)
- 2 место — ЗЕЛЁНКИНА Галина**
(г. Севастополь, Россия)
- 3 место — РАЛОТ /ПЕТРЕНКО/ Александр**
(г. Краснодар, Россия)
- 3 место — ТОЛСТИКОВ Николай**
(г. Вологда, Россия)

НОМИНАЦИЯ «ПУБЛИЦИСТИКА»

- 1 место — ШАХЛЕВИЧ Татьяна**
(с. Абрикосовка, Республика Крым, Россия)
- 2 место — ОСИПОВА Надежда**
(г. Енисейск Красноярского края, Россия)
- 3 место — ЧИЖОВА Светлана**
(г. Полоцк, Республика Беларусь)

ПУБЛИЦИСТИКА

Татьяна ШАХЛЕВИЧ (с. Абрикосовка, Республика Крым, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Публицистика», 1 место.

О ПОЭМЕ «НЕТОРОПЛИВОЕ СОЛНЦЕ»

(Обзорная статья, посвящённая рассказу
С. Н. Сергеева-Ценского)

Задумывался ли ты, уважаемый читатель, люди какой профессии пьют больше остальных? Наверное, как и я, вспомнил фразу «пьёт как сапожник»?

С. Н. Сергеев-Ценский в поэме «Неторопливое солнце» в первом предложении отвечает на этот вопрос: больше всех пьют печники и штукатуры.

Дворник Назар с дачи Пикулина шесть раз ходил в город, чтобы найти трезвого печника. Наконец-то, рано утром встретился ему хромой Фёдор: «бородатый, рыжий, нос огромный, глаза — серые щёлки; фартук — из грязи, сала, холстины, глины, извести и смоль». Писатель мастерски изображает своих персонажей, ни с кем не спутаешь. «Назар — молодой ещё, но какой-то весь свалывшийся, залежалый, как сухой веник: хочется поддержать его в кипятке, распарить». Вот жена Назара Зиновья: «худая, длинная, восхищённая.., у неё такие стремящиеся вниз текущие, жадные глаза». С. Н. Сергеев-Ценский показывает героев не в исключительных обстоятельствах, а в обыденных, рассказывает о них неторопливо. Современному читателю, привыкшему быстро и кратко получать информацию, поэма может показаться затянутой, малодинамичной. Почти все в рассказе медлительные, будто сонные: старый лавочник Мустафа, тучная дама, рыжая собака, белые

чайки, даже цикады трещат лениво. Но если сказать, что действие происходит на южном берегу Крыма, вблизи Алушты, тогда понятна медлительность: всему виной вездесущее яркое солнце — главный герой поэмы. «Солнце, вечный хозяин земли, знает на земле каждую пядь». Оно стёрло лоск штукатурки, отодрало масляную краску с балконов и водосточных труб, нарисовало белые полосы на крыше. Солнце вынуждает Назара поливать цветы и кустарники на даче, «нужно их напоить, как усталых рабочих коняг», побелить густой известью толь на крыше беседки, чтобы не так жарко было. Тем временем печник Фёдор разобрал дымоход плиты, наворочал груды закопчённых кирпичей, «пропитал всю кухню гарью и сажей, набил себе в бороду чёрных хлопьев, накурил крепчайшей махоркой, возился над глиной» и всё время говорил, не уставая, на разные темы. Увидит щенка, говорит о собаках, увидит синицу, расскажет историю о том, как маленькая птичка подпортила тушу свиньи, и о рыбах, и о дьяконе, и о кладках под Керчью вещает печник, лишь бы его слушали. Синеглазая Зиновья улыбается Фёдору, грешному, пьяному, подносит рюмку, малосольный огурец. «Простые русские бабы любят угощать и потчевать, ...матерински любят неправильных мужиков».

С. Н. Сергеев-Ценский знал жизнь не понаслышке: ему довелось учительствовать, служить, пасти и доить коров, общаться с людьми разных национальностей и сословий. Речь каждого его персонажа индивидуальна, сохраняет особенности языка, говора. «Зайчонок вчера вот это место сидел — серенький, цыбулястый, до чего чудной! Я это из дверей вышла, он как уши торчмя, как стрякнет! В балку кубарем... и-и чудной!» — радостно, спеша, словно ждала этого момента, рассказывает Зиновья. А вот как Назар встречает своего шестилетнего сына, прибежавшего за куском чёрного хлеба, чтобы опять уйти и раствориться в божьем мире: «Ты что же это, бегоулец, всё бы тебе шататься беспутя? Нет дома посидеть? А за уши хочешь?» Рассуждения печника: «Какая здесь на рыбу дороговизнь: лобан свежий татарчата носят — вынь-положь восемь гривен за штуку, а в этой штуке весу — только котика накормить».

Писатель считал национальным богатством родную русскую речь, звучащую на огромных пространствах от океана до океана.

С. Н. Сергеев-Ценский жил в Алуште на склоне горы Хурда-Тарлы (ныне Орлиная) с 1906 по 1958 год. Дом построил по собственному проекту, основательно, так что здание не разрушилось во время землетрясения. В годы Великой Отечественной войны писатель был эвакуирован в Алма-Ату, но после освобождения Крыма от фашистов вернулся в Алушту. Два года восстанавливал и достраивал разорённую усадьбу. Он любил свой дом, находящийся на высоте более ста метров над уровнем моря. С горы виднелись белые точки: это татарская деревня Куру-Узень, переименованная в Солнечногорское. «От солнца сплошного всё струится и движется. Посвистывают иванчики на кустах, а слева

слышно, как стучат тяжёлые арбы на белом шоссе. И можно сидеть здесь долго, очень долго и ни о чём не думать».

«Из меня получился художник-красочник, пейзажист, в чём и заключается моё своеобразие», — писал Сергеев-Ценский в «Автобиографии». У автора яркий, сочный, образный язык, обогащённый сравнениями и метафорами. Море в поэме трогательно-вдумчивое, усталое, как крупнейший круглый глаз, широко изумлённый. Горы лиловые, скалы щербатые с синими тенями. «Пейзаж Ваш — великолепнейшая новость в русской литературе. Я могу сказать это, ибо места, Вами рисуемые, хорошо видел». (М. Горький)

Поэма «Неторопливое солнце» впервые напечатана в журнале «Современный мир» в 1911 году. Почему автор определил жанр как поэма? Думаю, всему виной лирические отступления, беседы писателя с читателями по душам. Сергей Николаевич любил экспериментировать, например, рассказы «Погост», «Убийство» он обозначил как стихотворения в прозе.

Любопытно ли тебе узнать, уважаемый читатель, как выполнил работу печник? После обеда Фёдор лёг позади кухни в тени и крепко уснул, пока его не разбудил возмущённый Назар. Перепалка закончилась тем, что печник отказался сложить боров. Если бы Зиновья попросила его, он бы остался, но женщина не догадалась погасить конфликт. «И идёт Фёдор к пикулинской калитке — пьяный и старый, сутулый и хромой, грешный и гордый».

Солнце садится за горы, вот-вот позолотеет море, пастух гонит стадо, наступают часы прохлады, «тонкой темноты, воспоминаний, недоумков, грусти и странных мечтаний, и сказок, и радостной, прочной, как земля, убеждённости в том, что из-за моря подыметя в своё время такое же спокойное солнце и наступит завтра». Правда, здорово подмечено! У писателя дар оживлять всё существующее, видеть невидимое, ощущать едва уловимое, облекать всё в запоминающиеся образы.

А теперь немного информации для тебя, вдумчивый читатель, чтобы полнее представить себе автора.

С. Н. Сергеев-Ценский — летописец родной страны, истинный патриот, впитавший это чувство ещё ребёнком вместе с рассказами отца о Крымской войне. Он не просто мечтал о том, чтобы через Керченский пролив построили мост, но был убеждён, что обязательно так будет.

*Мост будет! Мощно и красиво
Взнесёт он арки над проливом,
И своенравная вода,
Непокорённая борьбою,
Ещё услышит над собою,
Как загрохочут поезда.*

*Стихотворение написано в 1948 году
(«Дневник поэта»).*

Крымский мост построили в 2018 году, кажется, это яркое событие произошло недавно, а уже минуло пять лет!

В 1962 году в Алуште был учреждён литературно-мемориальный музей Сергеева-Ценского. Христина Михайловна, вдова писателя, безвозмездно передала городу усадьбу, дом с обстановкой, библиотекой, архивом. В голодный 1921 год, желая спасти супругу и её дочь от первого брака, Сергей Николаевич пытался продать своё гнёздышко на горе за четыре пуда муки, но никто не брал, дорого. После Великой Отечественной войны вместе с женой шефствовали над местным детским домом, носящим имя писателя при его жизни. В военное время, будучи в эвакуации, автор встречался с бойцами, уходящими на фронт, переписывался с ними, поддерживал их. Писал публицистические статьи, рассказы, сотрудничал в шестнадцати изданиях. «Не посрамям ни русской земли, ни русского имени, — вот он, завет тысячелетий! И с таким народом гитлерова беспардонная банда хотела справиться в несколько недель!»

С. Н. Сергеев-Ценский — лауреат Сталинской премии первой степени, награждён орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта».

Похоронен писатель в своей усадьбе.

Надежда ОСИПОВА (г. Енисейск Красноярского края, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Публицистика», 2 место.

ОДА ЖЕНЩИНЕ

Чтобы читатель понял, как должно выглядеть идеальное произведение, ему надо всего лишь прочитать повесть С. Н. Сергеева-Ценского «Счастливица». Помимо технического совершенства, оно заполнено величайшим смыслом — автор описал реальную судьбу русской женщины. И поскольку о произведениях С. Н. Сергеева-Ценского в современ-

ном литературоведении, несмотря на его гигантский вклад в русскую литературу, очень мало сведений, то в этом случае я бы хотела сделать анализ повести «Счастливица» с позиции собственного житейского опыта на основе авторского текста, тем более что с главной героиней по курьёзному стечению обстоятельств мы почти одного возраста.

В самом начале повествования перед читателем предстаёт довольно несуразное создание в образе Евфалии Кондратьевны Уточкиной, отталкивающе прямолинейной, некрасивой и неуступчивой: «Как-то странно даже было слышать в свободной от предрассудков Советской стране, да ещё в доме отдыха, столь решительно высказанное нежелание сидеть на тринадцатом месте, но такое именно нежелание было высказано глухим сиповатым монотонно-жужжащим басом, и многие, приехавшие сюда в тот день, отметили эту высокую, прямую, больше-лобую, скуластую старуху, белоглазую, в кружевном чепчике и ковровой шали». Должна признаться — когда я перечитываю повесть «Счастливица», то с каждым разом всё больше убеждаюсь в том, что эта исключительно самостоятельная дама сама начала знакомство с читателем, даже не испросив на то разрешения автора, а незамедлительно с первых букв повествования решительно и твёрдо взяла бразды правления в свои жилистые руки.

Но удивительное дело, сразу же после весьма необычного представления главной героини начинаешь испытывать к ней уважение, вероятно, это достигается не менее странным сравнением: «Она насупливала безволосые брови и жужжала, как шмель».

Хочу пояснить: когда в моём доме стали зимовать шмели, то по весне я сильно испугалась, Они сердито жужжали, с трудом протискиваясь в мою комнату через видимые только им отверстия в стене. А внушительный размер шмеля вселял жуткий страх — думалось, что уж точно он ужалит меня, когда я с размаху усядусь на него в своё кресло. Но очень скоро по их поведению я поняла, что шмель — это красивое, большое, трудолюбивое, доброе, благородное и глубоко порядочное насекомое. Он сообщал обо всех своих передвижениях, потому что, я убеждена, шмели умеют думать и чувствовать — как ни странно, им присущи даже эмоции. И когда я выпускала очередного «квартиранта» на улицу, он сначала громко благодарил, делая над моей головой прощальный круг, чтобы следующей весной вновь повторить свой величественный ритуал. И я с уверенностью предполагаю, что Сергеев-Ценский с его энциклопедическими познаниями природы сознательно приводил неоднократное сравнение пожилой женщины со шмелём, чтобы как можно глубже подчеркнуть не только внешнее сходство, но и такие важные качества характера как трудолюбие и заботу о ближнем.

Ещё одна весьма заметная странность повести «Счастливица»: имя и фамилию главной героини читатель узнаёт значительно позже других персонажей, аж на семнадцатой странице и двадцать третьей

соответственно — почти на середине произведения. Такова задумка автора, что, несомненно, подогревает интерес к происходящему. И все случающиеся события, надо заметить, получают своё право на существование лишь с появлением в этом месте старухи Уточкиной. Она стержень повести, и только через неё оживает природа, действуют персонажи, меняются картинка и эпизоды. И вновь складывается стойкое впечатление, что именно Уточкина, этот решительный соавтор, управляет развитием повести, как некогда она умело управляла семейным хозяйством.

Забавно, но Евфалия Кондратьевна считает, что приехала сюда отдыхать, тогда как на самом деле она фактически исполняет роль энергичного ревизора, который неустанно наблюдает, критически подмечает своим недремлющим оком самые незначительные мелочи, молча контролирует поступки всех, без исключения, персонажей: «Старуха внимательно посмотрела на доктора, потом перевела глаза на Резвого и Дегтярёва и так же точно безмолвно, как уже сделала это днём, покрепче прижав ковровую шаль к подбородку, двинулась обратно к спуску с насыпи». Однако старуха Уточкина молчит не всегда, порой она гневается, особенно часто в общении с лысым московским доктором Вознесенским. Иногда в её интонации проскальзывают генеральские нотки, когда это касается экономии, точнее, напрасного расхода дров, открытых форточек, через которые уходит драгоценное тепло из комнаты. Несмотря на достаточно почтенный возраст, она много и жадно гуляет на свежем воздухе, да ещё и участвует в заготовке на зимнее хранение картошки: «Срезали уже капусту, и серый в яблоках битюг возил с огорода к подвалу огромные возы блистающих сочной прозеленью кочанов. Потом объявлен был среди отдыхающих морковный субботник и картофельный воскресник, и старуха Уточкина давала ценные указания, как надо копать картошку, чтобы ничего не оставлять в земле, и как её надо укладывать в подвале, чтобы не гнила и не мёрзла...». И возрастные изменения организма, к примеру, негнущиеся ноги не становятся помехой, когда ей надо сорвать гриб и положить его на видное место для предполагаемых грибников, чтобы уж точно ничего зря не пропало: «После обеда, в мёртвые часы, тут было принято спать под деревьями на дубовых решетчатых лежанках, но старуха, прижав к подбородку свою ковровую шаль, обошла на прямых ногах посыпанные жёлтым песком аллеи парка, где ели, сосны и берёзы вытягивались одинаково прямые, ровные, высокие, где между ними кустились черёмуха, бузина, бересклет, бирючина, а подо мхом и папоротником гнездились сыроежки, маслята, подгрузди. Старуха сорвала несколько штук грибов, но, не зная, куда девать их, положила кверху ножками на одну из скамеек около затянутого хвощом и кувшинками озера, посреди которого был островок с самыми разномастными деревьями — от пихты до дуба и орешника, на верхушке которого сидел молодой с яркой восковицей подорлик».

И ещё задолго до прояснения её жизненных фактов становится ясно: она голодала, мёрзла, испытывала всевозможные нужды, словом, систематически и упорно выживала. Отсюда не только отменные знания породы коров, свиней, кур, брюссельских кружев и прочих хозяйственных навыков, но видятся и выпирающие особенности искривлений очень сильной личности. Старуха Уточкина живёт как солдат по уставу, но по уставу ею самой изобретённому, где за основу принята выгода и целесообразность, а главными пунктами служат недопущение порчи имущества и рациональное использование экономического потенциала: «Выпив своё молоко, то есть получив последнее, что полагалось ей за день, она отправлялась спать, чтобы ровно в шесть часов утра проснуться и встать». И если бы, не дай Бог, Евфалия Кондратьевна заболела, отравилась или простудилась, что при её осторожном характере маловероятно, то я ни секунды не сомневаюсь, что свой стакан молока она всё равно бы выпила, даже если бы ей пришлось попросту вылить его в себя, скажем, как в горлышко бутылки или стеклянную банку. Спору нет, и ситуации порой бывают даже комичными, когда дело касается Уточкиной: «Они приехали, чтобы взять отсюда мать, помочь ей переехать в город, но старуха ни за что не хотела терять ещё один остававшийся ей здесь день». Ага. Как же. Ни много ни мало, а хотели забрать у неё целый день халявного отдыха! Вот этого уж она точно никому не позволит, даже своим детям!

Евфалия Кондратьевна прожила жизнь семейного завхоза, бесменного работника и одновременно подсобника в судьбах близких ей людей, а теперь, выйдя на пенсию по выслуге лет, продолжает контролировать возможный доход и предполагаемый расход во всей округе. Как шахтёрская лошадь, проработавшая всю жизнь на шахте под землёй, которая не только таскала гружёные углём вагонетки, но при этом для себя самой она умудрялась быть ещё и коногоном. Это сложно понять. Ещё труднее принять. Но вот другой пример из текста повести, где автор утверждает, что «есть возрасты, которые любят цветы, есть возрасты, которые к цветам равнодушны, но есть и такие, которые сторонятся цветов». Однако старуха Уточкина не приемлет цветы по другой причине — они не еда для человека в прямом смысле, а всего лишь будущее сено на корм скоту. Ведь цветами не прокормить семью, а потому они, по её разумению, только зря занимают место за обеденным столом.

Психологических искривлений личности у старухи Уточкиной очень много, которые в основном выражаются в откровенной, глубоко продуманной скупости: «Долго не могли понять Алянчикова и другие, почему так неистово топают старухины башмаки, пока не разглядели, что они на прочных подковках». Но это не всё. На мой взгляд, Евфалия Кондратьевна весьма и весьма гордится продуманностью семейной экономики, выстраиваемой ею десятками лет: «Я вот в чём сейчас хожу? Всё в своём старом, прибережённом... Этому пальту на мне, ему

не меньше как лет тридцать есть... Кастор тогда на него по четыре рубли аршин покупали, считалось куда дорогая цена... Ну, а мы, хоть бедно жили, однако мы дешёвых материй не покупали: скупой, говорится, два раза плотит... И что же вы думаете? Тридцать лет ношу, износить никак не могу... И так всё у меня ещё от старых времен...».

Я много размышляла об отношении автора к своей главной героине. Оказалось, что нет однозначного ответа на этот вопрос. Потому что, во-первых, Сергеев-Ценский довольно уважительно представляет старуху Уточкину, характеризует её работоспособность и экономическую сообразительность поразительными примерами. От старухи Уточкиной исходят и полезные советы: «Раз в годы тыходишь, и уж волос у тебя заседел, ты об настоящей женщине должен думать, какая бы тебе на старость пригодилась, какая б о тебе позаботилась... Кто об настоящем заботится, о будущем думает? Мужчина, что ли?.. Всё женщина...»

Порой даже появляется ощущение, что автор любит триумфальным шествием созданного им персонажа: «Полосатый кружевной чепчик и ковровая шаль придавали ей сзади что-то восточное, даже, пожалуй, библейское, так что она, казалось доктору, даже и не шла, а шествовала к какой-то высокой цели, полная торжественности».

Во-вторых, Евфалия Кондратьевна не только вырастила, она дала образование своим детям, что звучит совершенно невероятно по тем голодным временам. Это, несомненно, подвиг матери и детей тоже. Но любви-то к ним осталось в её сердце ничтожно мало — только уже привычная и глубоко обязательная ответственность. Труд почти свёл на нет любовь. Вместо неё возвеличивается гордыня. Она гордится собой, своей высокой пенсией. Гордится невероятными достижениями сыновей и «математической» дочери — газеты именно по этой причине и читает, чтобы отыскать в списках награждённых их имена. И, к примеру, её душа не приемлет любви и заботы о внуках: «У меня уж и правнучата есть, — поправила старуха, но добавила живо: Нет уж, я и внучат не нянчила, и с правнучатами возиться тоже я не желаю... Теперь и ясли, и сады детские, и дома детские — такая об ребёнке забота, что женщина только знай себе рожай». А это, как ни крути, с какой стороны не рассматривай, — на несколько рядов продуманный эгоизм, который вряд ли нравится автору. И характеризует столь горделивый эгоизм главную героиню повести не лучшим образом, он обнажает довольно неприятную сторону её выхоленную работой рациональной души. Старуху Уточкину читателям, возможно, будет тяжело понять, потому что по русским традициям — внуки в радость.

На мой взгляд, повесть «Счастливица» — психологически очень сложное произведение, которое рассказывает не только о подвиге женщины, но и о его последствиях. В нём нет однозначных и готовых ответов на самые важные вопросы, читатель должен сам решить, как ему относиться к поступкам и словам героев повести. Но повесть «Счастливица» и очень полезное произведение, потому что заставляет

читателя продумать, проанализировать и собственную жизнь, дать качественную оценку и своим поступкам в том числе.

Знакомство в доме отдыха московского доктора Вознесенского с Евфалией Кондратьевной тоже вызвало у него желание критически оценить её результаты в воспитании детей, вот только семью Уточкиных он именуется хозяйством: «В хозяйстве вашем бывали потери, как во всяком хозяйстве: хозяйство — живое дело! Один трёх лет умер, другого на войне убили, третья на другой войне захватила сыпную вошь, но хозяйство ваше было обширно и поставлено крепко... И даёт вам теперь доход неотъемлемый!.. И охотно поменялись бы с вами теперь многие бывшие миллионеры у нас своим положением...». В его оценке слышатся не только грубоватые, на первый взгляд, даже несколько циничные докторские нотки, но и печальная зависть человека, который старался, но не смог стать счастливым в одиночку. И эта страшная тоска многократно усиливается, когда он рассказывает о своих детях: «Вышло так, что у них никакого стержня внутри не оказалось, и куда их клонили первые встречные, туда они и сгибались... А революция и потом гражданская война, как вам известно, это уж оказалась такая пробирная палатка, что всякому ставила пробу, какой он стоил... и пройти через эту пробирную палатку всем пришлось, никого она не минула... Конечно, и... этих двух... моего знакомого детей, — они уж в то время были взрослые, — конечно, и их втянуло... и завертело... Оказалось, что драгоценного металла в них было заложено... количество совсем ничтожное... Один метался то к анархистам, то к красным, то к белым и, в конце концов, его расстреляли... Другая... с другой ещё хуже вышло... та какая-то злостно-беспринципная оказалась... Долго говорить... и не к чему... только она отравилась... и, пожалуй, к другому выходу трудно уж ей было прийти...»

Что поразительно, Сергеев-Ценский сам может подшучивать над своей главной героиней, но другим давать её в обиду он не собирается. Именно по этой причине автор выставил всем на обозрение её мужество, материнский беспримерный героизм, решительность. В доказательство хотелось бы кратенько остановиться на случае, когда квартирная хозяйка положила валенки на рыбу, приготовленную на ужин из последних продуктов. Подлинный трагизм ситуации требует пояснений. Производство современных валенок с разными вышивками я считаю форменным баловством. А вот во времена старухи Уточкиной валенки катали с помощью мыла, соды и с добавлением слабого раствора серной кислоты. А уже одно это — смертельная угроза, не считая грязи и всевозможной заразы, которая могла запросто налипнуть на подошвы: «Села я тогда с отчаянием да самый какой кусок всех был грязнее, что я обчистить не могла, и ну его чавкать... Всё равно, думаю, когда такое дело: раз нам помереть, пускай уж все вместе помрём!.. Сама всё на них гляжу, чтобы мне эти валенки грязные в глаза не вязли, а сама чавкаю... И слышу ведь, что под зубами у меня грязь хрустит, а себе же самой втолковываю:

«Что ты! Да это же хрящик рыбий...» Так мы всё это снадобье и поели дотла... Голод-то что значит!.. Пускай, дескать, я завтра помру, зато же я сегодня сыта!.. И дети мои тоже сыты...»

И, как ни странно, у старухи Уточкиной в повести проглядывается не менее героическое будущее. Я не сомневаюсь, что она вновь спасёт всю свою родню — накопленными ею отрезами материй во время Второй мировой войны, которая уже на пороге. Так что проживёт она не меньше сотни лет. «И в толпе идущих на станцию пригородной дороги она шла медлительным, но спорым, нисколько не отстающим шагом своих негнущихся длинных ног, вполне готовая и к поездке в вагоне электрички, и к посадке в вагон московского трамвая, и к долгой зиме со всеми её метелями и морозами, и даже к десятилетней войне со всеми империалистами мира».

Повесть С. Н. Сергеева-Ценского «Счастливица» характеризуется ещё и описанием невероятных природных красот, где каждое дерево имеет свой запах, цвет, оттенки, собственный нрав и родное название: «Ударил первый чувствительный утренник, скорёживший лопушистую ботву свёклы, раззолотивший орешник и такую бронзу и киноварь бросивший в густую листву клёна, прижавшегося к южной стене дома, что стройное, ещё молодое дерево это сразу приобрело многопудовую тяжесть, и странно было видеть, как под тяжестью этой не согнулось оно до земли». И вновь, как ни присматривайся к тексту, не отыщешь и единственного повтора. Уникального таланта и поразительной работоспособности писатель!

А закончить своё эссе мне хотелось бы личным восприятием повести «Счастливица». Скажу сразу, на мой взгляд, это произведение получилось страшным. Я будто в зеркало на себя посмотрела. Но пользу мне оно дало несомненную. Хотя очень часто, признаюсь, становилось стыдно, когда в старухе Уточкиной узнавала себя. Например, видела свою невероятную скупость, совсем как у Евфалии Кондратьевны. Стань, к примеру, я сейчас самым богатым человеком на Земле, — всё равно бы сэкономила со страшной силой. Да и смалчивать, думаю, тоже бы не стала. Как и она, всю жизнь работала. Только вот ноги у меня не столь прямые как у старухи Уточкиной, но тоже изношенные, порой кажется, что вихляются, сдаётся — в обратную сторону, как у аиста. Признаю, что старуха Уточкина — счастливица, ей действительно повезло, а вот я до сих пор в работе, которой конца и края не предвидится. А дети, что ж... У меня двое сыновей, оба кандидаты наук. Я старалась. Только вот сейчас многие люди живут «прохладно», и мои сыновья не исключение. Они теперь другими путями ходят. Чаще всего — не теми. И свои мозги, как говорится, им не вставишь, а вырастить и дать образование — это всего лишь полдела, как показывает жизнь... Потому-то повесть «Счастливица» — вечное произведение. Уже девяносто два года прошло, как его написал Сергеев-Ценский, а оно до сей поры читаемо, да и всегда будет актуальным... Это уж как пить дать...

Светлана ЧИЖОВА (г. Полоцк, Республика Беларусь) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Публицистика», 3 место.

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ О РОМАНЕ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «ВЕСНА В КРЫМУ», ПЕРЕКЛИКАЮЩЕГОСЯ СО СТИХОТВОРЕНИЕМ «НАСТОЙ»

Драгоценный авторский дар художественного восприятия способствует тонкому проникновению автора в сложный период времени перемен — сквозь призму настроения героев. Предлагается мастерски, доступным языком постичь читателю и колорит эпохи, и атмосферу быта семьи. Неразгаданность настроений лёгким пунктиром отражается в оттенках крымской природы.

Следуя развитию сюжета, погружаешься в неповторимый аромат морского дыхания, приправленного горным ветерком страстной красоты солнечного Крыма, реальными красками представленного автором.

Стихотворение «Настой» поразительно перекликается с мотивами романа. Удивительное сочетание: Поэзия в прозе.

*И это просто потому,
Что Крым мне стал родной,
Что я настоен на Крыму...*

Стоп! — «Весна в Крыму»...

Что ошутимее и загадочнее в обаянии южного полуострова, фактически главного героя повествования, в особенности в переломную годину Гражданской войны?

Жизненная позиция героя в вере в лучшее «завтра» — поступал честно и шёл прямым путём. Конгломерат недоразумений в столкновении с новой властью Советов не разуверил светлых чувств и поры-

вов художника в осуществлении замыслов о принятии просвещённым человечеством в недалёком будущем написанной им картины.

«Бывают такие счастливые моменты в жизни людей, когда они будто перерождаются вдруг каждой клеточкой своего тела. До последних мелочей ясно становится им, что надо делать и как делать. Тяжесть их тела отлетает куда-то — оно становится невесомым. Человек становится одно стремление, захватившее его целиком, и в действиях его не может уже проявиться ни малейшей ошибки».

Его умом как будто уже овладел кто-то невидимый. Но всё видящий сам.

Микроклимат мастерской художника вносит свою лепту в умиротворённое течение крымского неоднозначного бытия.

И... Героиня, со знакомства с которой начиналось повествование... Нежная и чуткая к прекрасной душе героини парила.

Словно замороженная, смотрела на произведение художника.

«Мы всегда глядим, но редко видим».

«Но она как бы летела... поспешно летучей походкой. А на улице первое, что её встретило и обняло гораздо крепче, чем муж, была весна».

Её мечты осуществились.

В своей пейзажной лирике Сергей Николаевич остаётся певцом Крыма, который он искренне любил всю жизнь.

В самой природе присутствует что-то грозное, тревожное. И не мудрено... Зловещими отблесками событий озвучивалось: война! Отзвуки доносились посредством возвращающихся с фронтов Первой мировой.

Море и горы своими картинами вечного и грандиозного давали ему вдохновение, силы, щедрые краски, а в дни неудач успокаивали.

Он любит Родину «до боли сердечной».

В диалогах:

— А в Керчи... церковь Иоанна Богослова 7 века...

— А уголь там откуда?

— Из Донецкого бассейна, конечно.

Мастерам искусства слова подвластно пророчество:

«...умнеют люди от каждой большой войны — вот мой вывод, и дойдут когда-нибудь до того, что выкинут всякие войны из обихода жизни!»

Особенно актуально, когда зло достигает своего апогея:

«...в жизнь вошло вдруг что-то очень большое, что задавить, усмирить, уничтожить нельзя.

... в силу вспыхнувшего патриотизма ... по-русски...»

Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Поэзия», 1 место.

ФУРАЖКА

(В День Победы)

*Светлой памяти моего деда-фронтовика
Кострюкова Николая Алексеевича*

В боевом солдатском званье,
В гордом званье старшины,
В новом обмундированье
Возвратился дед с войны.

Гимнастёрку и рубашку,
Пару яловых сапог
Износил он. А фуражку
Почему-то всё берёг.

Надевал фуражку в праздник,
Очень ею дорожа.
Бабка скажет: «Новой разве
Нет? Всё для куража!

Как в такой пойдёшь к соседу:
Не хозяин, что ль, рублю?
На базар поеду в среду —
Шляпу там тебе куплю...»

Дед припрятанную «Старку»
Брал: да что тут говорить? —
Спорить с бабкой, что по танку
Из винтовочки палить...

Не спеша он шёл к соседу,
Что под Курском воевал,
И с соседом за Победу
«Старку» — чаркой распивал.

С ним, осколком ослеплённым,
Пел о самом дорогом,
Пел и плакал! И гранёным —
Пил за мёртвых самогон!

Добирались и до бражки...
Правда, ум не пропивал:
Никогда чужой фуражки,
Уходя, не надевал.

Перед бабкой отвечая,
Говорил: «Да что там пью? —
От чужих же отличаю
Я фуражечку свою!» —

«...Отчего ж тебя качает,
Что корову в борозде?
Знаю, как ты отличаешь:
Ты ж — на ощупь, по звезде!..»

Дед молчал. Когда ж от брани
Строгой бабки уставал,
Не ложился на диване —
Уходил на сеновал.

И, проваливаясь в небыль
От нахлынувшей тоски,
Видел он, как шли по небу
Краснозвёздные полки.

Там по цвету и по лаку,
По немеркнущей звезде —
Узнавал свою фуражку!
Ту, что в доме, на гвозде...

ДЕДУ

Мы попросим нашу бабу
Протопить нам к ночи баньку,
И, ступая на порог,
Мяты, липы, зверобоею
Не забудем взять с собою,
Чтобы слаще был парок.

В шайке веничек распарим,
Чайник травами заварим —
Помогает пропотеть,
Будем чаем упиваться,
Долго веником стегаться —
Каждой клеточкою петть!

Дверь откроем — и с разбега
Упадём в объятия снега!
И под юною луной
Канут хвори и заботы,
И к тебе вернуться годы,
Годы, взятые войной!..

Если ж так вернуть их сложно —
То, давай, тогда мы сложим
Жизнь твою и жизнь мою
(Пусть мне тоже будет больно!)
И разделим — как обоймы
Поделили бы в бою.

И расправятся морщины —
Жизнь примеряют мужчины
Вновь, как чистое бельё...

Как, тебя мочалкой драя,
Я о шрамы обдираю
Сердце штатское своё!

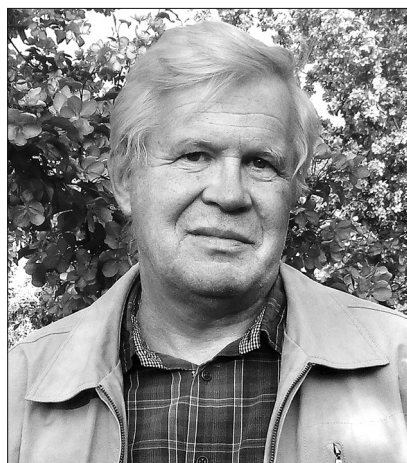
СКРОМНОСТЬ

Бабку старую проведаю,
Дом и сад перед крыльцом,
Где отмеченный Победою,
Золотым её венцом,

Жил мой дед — до часа смертного,
 До сырого бугорка
 В скромной роли неприметного
 Простофили-мужичка.

Не кричал: «Мы жизнью тёртые:
 Вынь-положь, — а нас уважь!».
 Говорил: «Герои — мёртвые,
 А живым награды — блажь.
 Грех рядиться перед вдовами:
 Сколь уж лет они в тоске».
 И лежали ненадёванны
 «За отвагу» в сундуке...

Жил мой дед — колхоз выхаживал,
 Быть старался, где народ.
 Много делал,
 Мало сказывал,
 Вдов стесняясь и сирот.

Никита БРАГИН (г. Москва, Россия) —
 лауреат V Международного литера-
 турного конкурса им. С. Н. Сергеева-
 Ценского (2023 год) в номинации «Поэ-
 зия», 2 место.

НЕЖНОСТЬ ПЕПЛА

Земля, ты столько бережёшь
 в себе, за пазухой шинели —
 сошник, подкову, царский грош,
 жестянку из-под карамели —
 любви и времени осколки,
 кусочки драгоценных ваз,
 припрятанные втихомолку
 от посторонних глаз.

Родная, чёрная, прости!
Поклон твоим цветам и злакам!
Как горестно держать в горсти
тебя, наполненную прахом!
Но, чтобы память не ослепла,
и слово не сдалось огню,
в сосуде сердца нежность пепла
я мысленно храню.

Три поколения войны,
мальчишки, их отцы и деды,
что до сих пор не сочтены,
и ждут поныне день победы —
кто на высотах, кто в болотах,
кто мхом укрыт, кто муравой...
На поле боя ждёт пехота
салюта над Москвой.

Насколько лучше нас они,
настолько тяжелей утрата.
Не скажешь времени — верни,
и не услышишь голос брата.
Есть только память о родимых
и поминальные венки,
и от Рыбачьего до Крыма
бессмертные полки.

ДВА СОБОРА

Во многих странах закрывают церкви
затем, что паствы нет, и вера меркнет,
меж тем жилплощадь — страшный дефицит.
И вот вам, словно клоун на параде,
доходный дом в готическом наряде,
и радужный флажок на нём висит.

Но есть державы, где святые храмы
и ныне строят, не скупясь на мрамор,
и золотят кресты и купола.
В небесной вышине виденья рая,
и праведные воины взирают,
и смальта благородная светла.

И вижу я великих два собора —
один весь в белокаменном уборе,
другой как будто в танковой броне,
один в Белграде над священным пеплом,
другой на месте фронтового пекла
в привольной подмосковной стороне.

В ЧАС ПОСЛЕДНЕГО ГРОМА

Через многие-многие годы наступит весна —
в час последнего грома и первого вздоха сирени
внучка тихо попросит, забравшись к тебе на колени —
расскажи, что такое война.

И тогда на мгновение ты онемеешь,
и промчатся сквозь память жестокие майские дни,
где в крови лепестки, где встают смоляные дымы,
извиваясь по небу, как змеи.

Но затем ты расскажешь о том, что любил и мечтал
о зелёных полях и садах в подвенечном уборе,
и о городе белом у самого синего моря,
где в печах-исполинах рождался металл.

И о том, как алеет заря над золой террикона,
как проснулись подсолнухи, и серебрится река,
и война умирает слезой на щеке старика,
и Азовское море смеётся на детской ладони.

Виктория СОКОЛОВСКАЯ (г. Полоцк, Республика Беларусь) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Поэзия», 2 место.

* * *

В межзубье лестничных пролётов
не падать сверху, а взлетать
туда, где крылья самолётов
расчертят небо, как тетрадь,
на параллельные прямые
до красной линии полей
и отделят пути земные
от клина белых журавлей,
от облаков, что на закате
вдруг станут тяжести полны,
от песни о моём солдате,
живым вернувшемся с войны.

* * *

Время моё, ты безумное, время моё...
Пригоршня неба вбирает несметные беды,
стонет земля, и качается в поле быльё,
каждой соломинкой помня былые победы.

Время моё, ты безжалостно, время моё:
Судьбы людские, что зёрнышки, мнёшь жерновами,
а уцелевшие бойко клюёт вороньё,
как флюгерами, шальными вертя головами...

Время моё, ты священное, время моё!
Лики знамён отражают багровость заката,
и отливает на солнце ручное шитьё
блеском звезды золотой на груди у солдата.

Лариса АРЕФЬЕВА (г. Сердобск Пензенской области, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Поэзия», 3 место.

ЕВДОКИЯ

С фланга правого — берёза,
 Слева — жиденький сосняк.
 Евдокия, вытри слёзы,
 По-другому мне никак.
 Голосила, говорила:
 «Как же дети, как же я?»
 Даже матом
 Крепким крыла
 Ненаглядная моя.
 Ногу вспомнила больную,
 Всё нутро истеребя:
 «Молодые довоюют,
 Обойдутся без тебя...»
 Растерялась, то не гонор...
 То про душу,
 Не про статью.
 А как крикнули:
 «К вагонам!» —
 Дёрнул черт
 Тебя сказать:
 «Поперечный, не послушал,
 Как вернёшься —
 Разведусь...»
 Рядом братья,
 Друг Петруша,
 Ну, ей богу,
 Стыдно, Дусь.

Я-то знаю — понарошку,
С бабьей боли,
Не со зла.
Вон как кинулась
К окошку,
«люб» — в зарёванных глазах.
Ладно, я —
Мужик, бывал там,
Только крепче
Зубы сжал.
Пожалела б
Лейтенанта,
Ажно голос
Задрожал...
Рвёт машину
На ухабах,
Грязь подмёрзла,
Воздух стыл.
Бросит ротный:
«Дура-баба...»
Хорошо им,
Холостым.
С фланга правого — берёза,
Слева — скошенный сосняк.
В голове слова занозой,
И не выкинешь никак.
Вот так дело,
Лезут бредом,
Нахрена...
Тут свой экстрим.
Ладно, как вернусь
С Победой,
Вот тогда поговорим.

ЮБКИ

Дед брюзжал незло:
«Лахудра —
жисть не жисть, а ё-моё».
Хлопотал, проснувшись, хутор.
Бабы вешали бельё.
На юру дрожит верёвка,
треплет юбки ветерок.

Сплюнул дед — глядеть неловко:
Ни одних мужских порток.
Шла война неспешно, косо:
шаг вперёд и два назад.
Почтальонке от расспросов
разъедала соль глаза.
Край берёзовых гнездовий.
Что война! Не съела б тля...
И, черней косынки вдовей,
грач разведывал поля.
Шебуршали мыши сеном,
серопузое жульё,
И густился дух весенний
над потеющим жнивьём.
Избы к Пасхе хорошели,
подновить хватало сил.
День — до вздутых жил на шее.
Ночь догонит — голоси.
А мальчикам — свои печали:
«Васька, в хату, где ты, плут?»
Мужикам пообещали,
пуще глаза берегут.
Солнце день в зубах таскает,
слава богу, что живой.
И кружится юбок стая
над проклятою войной.

Альберт НУРДИНОВ (г. Екатеринбург, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Поэзия», 3 место.

БАЛЛАДА О ПТИЦАХ

За излучиной речною луг росой серебритя.
С давних пор к нему весною прилетали с юга птицы.
Каждый год они спешили к мягким травам на свиданье;
Их преграды не страшили, не пугало расстоянье.

Но пришли сюда солдаты, принесли беду с собою,
И цветущий луг когда-то — превратился в поле боя.
Он окопами покрылся, цвет поблѣк травы атласной,
Потому что луг умылся не росой, а кровью красной.

...Вновь весна настала, с юга дружно стаи прилетали;
А внизу бесилась вьюга из огня и жгучей стали:
Пулемѣты стрекотали, пушки били перекрёстно, —
Попадали эти стаи под огонь их смертоносный!

Жертвы падали на травы с перебитыми крылами,
Засыпали луг кровавый оперѣнными телами;
Крики жалобно звучали птиц, подстреленных в полѣте, —
А солдаты им кричали: «Улетайте, пропадѣте!..»

Птицы людям не внимали, вниз спускались друг за другом...
А бойцы не понимали, что их держит здесь, над лугом,
Почему летят волною в это гибельное пламя?
А была тому виною генетическая память!

Смерть трофеи не считала и не делала различий, —
И земля в себя впитала кровь людскую с кровью птичьей.
Был усеян луг телами и людей, и птиц несчастных.
Дождь наутро смыл слезами след багровый с трав атласных.

...С той весны, войной спалѣнной, лет промчалась вереница,
И опять на луг зелёный прилетают с юга птицы.
И поют они беспечно над травой, росой манящей...
Пусть звучат над миром вечно песни радости звенящей!

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Он приходит сюда каждый год по весне,
К обелиску из чёрного камня, —
Одноногий солдат, на далѣкой войне
Потерявший друзей. Но не память!

Он стоит и молчит. Давит ногу протез.
Боль застыла в глазах ветерана.
Но болит не культя — как глубокий надзрез
Кровоточит сердечная рана.

Он опять на войне, рот его искривлён, —
Вспоминает бойцов друг за другом:
В этой братской могиле — его батальон,
Лёгший в землю за Западным Бугом.

Он тогда уцелел, но попал в медсанбат,
Хмурый врач ампутировал ногу.
Самым юным он был из безусых ребят —
Всех потом перерос понемногу...

Год за годом проходит, всё дальше война,
Но солдатская память не дремлет, —
И лежит на душе тяжким грузом вина,
Что с другими не лёг в эту землю.

Небо плещет лазурью, трепещут листья —
Шепчет что-то ветла вековая...
Плачет старый солдат у гранитной плиты,
Слёз своих от друзей не скрывая.

МОСТ

Стремительно мчатся вперёд наши танки,
Уже наступают фашистам на хвост.
Ещё поднажать бы! Но за полустанком
Упёрлась дорога в разрушенный мост.
Стоят командиры, что делать решая,
Начштаба по карте елозит рукой, —
Река неглубокая и небольшая,
Но берег напротив довольно крутой.
Чтоб выстроить мост, надо брёвен штук триста,
Да где только взять их — нет леса вокруг:
Направо деревня — мала, неказиста,
Налево кусты и болотистый луг.
«День добрый, сынки». Посмотрели направо:
Дед в старом треухе с мальцом лет пяти.
«Отец, не подскажешь нам: для переправы
Дерева поблизости можно найти?»
Старик чуть подумал: «Есть брёвна — в деревне». —
«Деревня большая?» — «Семнадцать дворов».

Привёл дед к избёнке, убогой и древней:
 «Вот хата моя, разбирайте!» — «Твой кров, —
 Смутились бойцы, — мы разрушить не вправе»,
 А кто-то в уме сделал быстрый расчёт:
 «Штук двадцать таких нужно для переправы, —
 Избушка твоя нас, отец, не спасёт».
 Старик пятернёй расчесал бородищу,
 Пригладил ладонью вихры у внучка:
 «Пройдусь по дворам: может, люди что сыщут.
 Сынки, приглядите за Митькой пока».
 Спустя полчаса заскрипели ворота:
 Хозяин вернулся (сполз набок треух,
 Худая спина потемнела от пота),
 За ним шла толпа стариков и старух.
 «Ломайте дома — что жалеть деревяшки!»
 Молчали танкисты, глаза опустив.
 «Зима на подходе. Придётся вам тяжко», —
 Ответил за всех помрачневший комдив.
 «О нас не печальтесь, — сражайтесь, герои,
 Фашистов на запад гоните живей! —
 Сказал дед в треухе. — Дома мы отстроим,
 Вот только дождёмся с войны сыновей.
 В землянках пока поживём, — нам не бремя»,
 Взглянул на солдат из-под белых бровей:
 «Не стойте, сынки, нынче дорого время, —
 Ломайте избышки, начните с моей».
 ...Спешат по мосту и пехота, и танки,
 Несметная сила идёт каждый день!
 Торчат в поле трубы — деревни останки.
 Эх, сколько их было, таких деревень...

Юрий ТРУЩЕЛЁВ (г. Аксай Ростовской области, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Поэзия», 3 место.

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Кто ропщет, кто зовёт мессию,
а кто — в набат и к топору:
«Спасай поруганную Русь!
Масоны продали Россию...»

А всё равно растут деревья,
и к морю тянется река,
и вдохновенная рука
врачует раны фресок древних.

А всё равно из века в век
восходит солнце в русском небе,
и думой о насущном хлебе
его встречает человек.

НАШ ВЫБОР

На самом деле выбор не велик:
Террор 30-х и безвластье 90-х.
При Ельцине — бежали, кто могли.
При Сталине Союз — как в море остров.

Слабеет власть — звереет криминал.
Закрутят гайки — риск пропасть безвинно.
Обычным гражданам в любые времена
Всех лучше — золотая середина.

Мы проклинали «Брежневский застой» —
Из 90-х он смотрелся раем.
Уже забылся диссидентский вой:
«Спасай страну, Россия вымирает...»

И что, спасли?! Каскад локальных войн,
Союз разрушен, беженцев исходы...
А Горби — демократор ключевой,
В Европе признан «Лучшим немцем года».

В метаниях за весь 20-й век
Мы девять с гаком «франций» потеряли!
Жить лучше стал обычный человек?
Свободнее? Счастливее?
Едва ли...

Ну хоть «наелись» Запада сполна.
 Россия-мать — подобна континенту.
 За право БЫТЬ сейчас идёт война.
 Другой у нас Отчизны нету.

ЗАБОЛЕЛИ Б, ЧТО ЛЬ, ЧЬИ-ТО ЗУБЫ

У монарха* болели зубы,
 А решалась судьба столицы.
 Не имперской, донской всего лишь...
 У монарха болели зубы.
 По скрипучим полам светлицы
 Он шагал, искривясь от боли.

Здесь, в Аксае, в поповском доме,
 Предстояло принять решение,
 Что меняло людские судьбы.
 Он, не видя, смотрел в Задонье,
 Не вникая, читал «Прошенье»...
 У монарха болели зубы,

Отказал казакам в «Прощении».
 И остался Аксай станицей,
 Процветающей, судоходной.
 По монаршему повеленью,
 На Бирючем Куту столицу,
 Возвели на буграх безводных.

.....
 Аксайчане свой город любят.
 И довольны судьбой простою.
 Заболели б, что ль, чьи-то зубы,
 Чтоб не стал наш Аксай Ростовом...

* Атаман М. И. Платов принял решение о переносе г. Черкаска на безлюдное урочище Бирючий Кут (Волчий угол) в 1805 году, но ещё 32 года донские казаки противились этому, подавали прошения на имя Александра I, который умер в 1825 г., не успев дать ответ. Николай I в 1837 г. отклонил прошение, находясь в станице Аксайской; документально подтверждено, что в тот день у монарха болели зубы. Сейчас чиновники хотят присоединить наш город к Ростову-на-Дону.

ПРОЗА

Екатерина ИВУШКИНА (г. Москва, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Малая проза», 1 место.

ТАК НАДО!

Саня Глебов аккуратно сложил газету и уже собирался убрать её в тумбочку, как кто-то ударил его по плечу.

— Ну вот, хоть улыбаться начал! — услышал он за спиной голос своего друга Вальки. — А ты и правда вышел на снимке хорошо! Дай ещё раз посмотреть.

Он протянул руку, но Глебов её отстранил.

— Валь, ты из столовой, что ли? У тебя пальцы жирные! Иди вымой сначала...

— Нет, мы с Иванычем в тракторе ковырялись, у него что-то там с мотором... Не боись, не измажу! Ну, хочешь, из твоих рук?!

Саша вздохнул и развернул экземпляр «Дальневосточного пограничника». На снимке он и правда вышел очень хорошо. А главное — с улыбкой. И вроде бы всё прекрасно, рядовой Глебов несёт свою срочную службу на границе Родины, ходит в дозоры, на занятия, спит в казарме, стреляет на полигоне, и ничего больше в его жизни не происходит. Вот и на развороте, под статьёй о взаимодействии солдат-пограничников с народными дружинниками и ребятами из ЮПД¹ красовалась фотография, где он стоит рядом с офицером Яковлевым и местными активистами.

¹ Юные друзья пограничников, в состав групп входили школьники из близлежащих населённых пунктов.

С Валькой они сдружились сразу. Вероятно, потому что были абсолютно разные. Валентин Зубов был, в отличие от горожанина Глебова, родом из деревни. Здоровый во всех смыслах, светловолосый парень с кулаками-кувалдами, добрый и упрямый, он напоминал Сане молочного телёнка. Такой же крутолобый, губастый и ноздреватый. Серые глаза смотрели на мир с хитринкой, будто Валька задумал какую-то шутку и сам вот-вот рассмеётся. Над его деревенскими байками хохотала вся застава. И каждый второй перенял его словечки: «колидор», «резетка», «гаманок», «одёвывайся». Разумеется, понимали — это особенности диалекта, но так тепло и нежно воспринимались эти слова из его уст, что хотелось повторять и повторять. Даже грубое «батя» вместо «папы» он произносил с такой любовью и уважением, что все завидовали его крепким отношениям с отцом.

— Ну и вот батя говорит невесте: на кой ты шикатурку купила?

— Погоди, — перебивает его Лёша Клопенко, — у твоего отца есть невеста?

— Ну да, Машка, я же говорил...

— Так она же жена твоего брата. Значит, твоему отцу она невестка, а не невеста. И что такое «шикатурка»?

— Как что? Ну, такая белая... на потолок красят... — Валька переждал взрыв хохота и развёл руками. — А невеста... Ну, у нас все так говорят...

Зубова любили за беззлобность. Он никогда ни на кого не обижался. На его мясистых, словно обветренных губах всегда играла полуулыбка, обнажая здоровые, Саше на зависть, белоснежные зубы. У Вальки их было будто с перебором, словно природа от щедрот наградила этого румяного молодца не только богатырской внешностью, крепким здоровьем, но и накинула ещё пару-тройку лишних зубов. При этом Валя никогда за ними особо не следил, даже забывал чистить и на глазах у друга однажды вытащил ими гвоздь из доски. Для Саши, у которого к его девятнадцати уже четыре пломбы, это был шокирующий аттракцион.

И только Валька знал о его трагедии. Несмотря на то, что на заставе отношения между пограничниками всегда были доверительными, этого, в том числе, требовала и служба, никому из ребят Саша поведать о своей беде не мог. Было понятно, что в подобной ситуации пацаны будут его жалеть, а в отношении Марины польются грязные слова. Этого допустить он не мог. Потому что сам её, вот странность, не осуждал.

В Марину Саша влюбился сразу, как только увидел её в соседнем дворе. Он и сам не знал, что привлекло его в этой девочке. Чисто внешне она не отличалась от остальных школьниц. Так же ходила в коричневом платье с чёрным фартуком, на ногах белые носочки и туфельки, а русые волосы уложены кренделем и украшены белыми ленточками. Но была она какая-то необычная, молчаливая, с серьёзными, нежи-

данно взрослыми глазами. Она просто посмотрела вот так, долго, с поволокой, слегка улыбнулась, и парень понял, что пропал.

Во дворе все давно привыкли к их дружбе. Поначалу, конечно, дразнили и задирали. За громкое «тили-тесто, жених и невеста» пару раз пришлось подраться, но потом всё сошло на нет. Да и какой он жених? Никак не мог собраться с духом и признаться ей в любви. И за всё время лишь однажды осмелился, взял её маленькую ладошку в свою. Сердце замерло, а Марина вздрогнула. Посмотрела на руки, медленно подняла голову, а потом, также медленно, высвободила свою руку. Больше попыток сблизиться Саша не делал.

Вот так, незаметно, Глебов из угловатого задиристого мальчишки превратился в рослого плечистого юношу, а Марина расцвела, похорошела и округлилась. Не изменился только её взгляд, серьёзный и задумчивый.

В армию Саню провожали всем двором. Соседи собрались за тем столом, где обычно по вечерам дед Семён играл в домино с друзьями. Мать вынесла варёную картошку, квашеную капусту, солёные огурцы. Мужики говорили длинные тосты, хлопали по плечу, пожимали руку. Петрович, сосед из девятой коммуналки, вынес гармонь. Изольда Петровна из третьей парадной разрешила взять её патефон. Мишка-музыкант притащил магнитофон. И началось: старики танцевали фокстрот «Риорита», слушали Утёсова, пели военные песни. Потом женщины помоложе подпевали Тамаре Миансаровой и Ларисе Мондрус, вздыхали под «Лучший город Земли» Магомаева. Пацаны в сторонке от старших старательно зажимали аккорды «Песни о друге» и «Прощания с горами» Высоцкого на гитаре. Когда празднество чуть поутихло, мужчины стали давать напутствия, мол, служба предстоит серьёзная, отношения с Китаем сложные, держи границу нашей Родины на замке.

Уже поздно вечером во двор вышла Марина, села на табурет, склонилась, по-птичьи, голову на бок.

— Я буду скучать, — тихо проговорила она, теребя слегка увядшую веточку сирени.

— А ждать будешь?

— Ждать? — повторила она вопрос, поднимая брови.

— Да, ждать. Обычно верные девушки ждут из армии своих... — он замолчал. Не знал, как себя аттестовать. Вроде не жених.

Повисла неловкая пауза.

— Я буду тебе писать, — наконец, тихо проговорила она.

И слово своё сдержала. Писала раз в неделю. Письма были длинные, на двух страницах. Подробно описывала, что делала, что читала, на какие концерты ходила. Когда держал эти страницы в руках, так и видел, как Марина сидит за отцовским письменным столом в свете зелёной лампы, пишет ему, как обычно, склонив голову на бок. Её маленькую руку с блестящими ноготками, выпавшую из причёски

прядь волос, которую она время от времени заправляла за маленькое розовое ушко, приподнятую бровь и слегка подрагивающие ресницы. И словно она рядом, можно коснуться её плечом, почувствовать запах волос и увидеть улыбку.

А потом пришло то письмо. Это был удар, пощёчина, даже ашперкот. Марина написала, что вышла замуж. Что он хороший человек, тоже ленинградец, работает в издательстве. Что она счастлива, и у неё всё будет хорошо. Что, как и прежде, очень дорожит их дружбой и надеется, когда Глебов вернётся из армии, они с мужем станут добрыми друзьями.

Сане хотелось умереть.

Валька случайно застал его за хозблоком. Саша сидел на корточках, прислонившись спиной к растрескавшейся стене и плакал, закрыв лицо ладонями. Зубов сразу всё понял, без слов подошёл и сел рядом.

Валентин не утешал и ничего не спрашивал, только сказал однажды: «Значит, так надо! Потом поймёшь, зачем». И так уверенно это было сказано, что Саша поверил.

И потом, в чём он мог её упрекнуть? В своих иллюзиях разве только. Именно поэтому Саша её не осуждал.

Валька почмокал губами, ещё раз разглядывая фото друга на странице газеты.

— Всё, теперь твоё лицо навсегда останется в веках, — хохотнул он.

— Почему же?

— Выпуск-то праздничный! Всё-таки к пятидесятилетию погранвойск приурочена, даже командующий войсками Дальневосточного Краснознамённого пограничного округа статью написал. Наверняка газета на доске почёта висеть будет. Да и в библиотеке на видном месте лежать. И правильно! Так надо! Пошли в псарню?

Глебов ещё раз бережно сложил газету от двадцать второго мая шестьдесят восьмого года, положил в тумбочку и двинулся вслед за другом.

Псарня была самым любимым Валькиным местом. Широко шагая, он прошёл мимо вольеров с рабочими собаками и повернул налево. Там, в стороне от взрослых псов, держали молодняк. Увидев приближающихся людей, щенки устроили гвалт. Они визжали, скулили, лаяли, прыгали на рабицу и вертели хвостами. И, чем ближе Валька подходил к двери вольера, тем больше он дурел. Его чуть навывкате глаза расширились до пределов, положенных природой, он начал сюсюкать и шепелявить, и вообще имел идиотский вид. Внутри вольера он сел на пол, и его тут же со всех сторон окружили щенки. Они лизали ему лицо, прыгали на него, кусали нос и уши, дёргали за одежду и грызли сапоги. Валька же сидел, хохотал, не отгоняя юрких созданий от лица и одежды, лишь время от времени вытирал рукавом с лица собачьи слюни.

Собак Валя обожал. И не раз говорил, что если бы люди были такими же, как эти преданные и послушные животные, то мир бы был намного лучше.

— Собака любит безусловно, без претензий и шантажа, — говорил он по дороге обратно к казармам. — Хозяин для неё бог, друг и покровитель. И если её хозяин даёт какую-то команду, она не задаётся вопросом, почему ей надо сесть или выполнить апорт. Она просто идёт и выполняет приказ. Ведь хозяин знает, что делает. И раз он сказал сесть или встать, значит, так надо!

— Всё-то у тебя просто!

— Да, Саня. Жизнь вообще простая штука. Делай, что велит твой долг, живи по совести, не обманывай, не воруй, не предавай. Тогда и проживёшь достойную жизнь. Так надо!

В этот день Валентин вышел в наряд дозорным вместе с Клопенко. Они проверяли левый фланг, шли вдоль контрольно-следовой полосы по берегу Амура, отмахиваясь от гнуса и мошки. Лето приближалось, градусник показывал пятнадцать градусов тепла и дождя в ближайшие сутки не обещали. На левом фланге, в соответствии с оперативной обстановкой, было определено всего одно наиболее вероятное направление движения нарушителей, — ручей Банный, впадавший в Амур, недалеко от села Джалинда. Четыре часа дозора обещали быть спокойными. Тем более что местные дружинники-добровольцы, работающие в полях в пограничной зоне, оказывали помощь погранзаставе, когда появлялись подозрительные «чужаки». Да и школьники, эти глазастые и шустрые помощники, проживая на границе, не отставали от взрослых в проявлении бдительности. Несколько раз, по ходу игры в казаки-разбойники, ребята натыкались на незнакомцев, молниеносно сообщали о них на заставу и этим содействовали задержанию. Об одном из таких случаев сочинили песню про коричневую пуговку¹, и каждый мальчишка, вдохновившись подвигом Алёшки, хотел непременно поймать китайского шпиона.

Саша же получил наряд в дежурную группу реагирования, в «тревожку», как её называли между собой бойцы.

В двадцать два шестнадцать раздался сигнал тревоги. Дежурный сообщил начальнику заставы, что в седьмом квадрате по левому флангу обнаружены признаки нарушения государственной границы. Была найдена спрятанная в камышах лодка без опознавательных знаков. Дежурная группа с собакой отправилась в указанный квадрат. Саша прекрасно знал это место. Там как раз много кустарников, густой лес — идеальное место для перехода границы.

Вальку он увидел издалека, помахал рукой. Собаку поставили на след, и она тут же повела в тыл от границы. Саша с Валентином остались у лодки на случай возвращения нарушителя. Разойдясь на расстояние около двух десятков метров, они обыскивали землю на случай обнаружения тайника.

¹ «Коричневая пуговка», стихи Евгения Долматовского, музыка Даниила и Дмитрия Покрасс.

Что произошло потом, Саня помнил плохо. Он так и не понял, как напавшему удалось бесшумно подойти к нему вплотную. Это что-то из разряда мистики, поскольку при движении по земле всегда происходят характерные шумы — треск сухих сучков, лёгкий скрип песка под подошвой, стук отлетевших от ног маленьких камешков. Даже если ты следопыт и тебе удалось не наступить на ветку, что в густом лесу практически невозможно, то избежать шуршания травы при ходьбе невозможно. Он лишь почувствовал сильный удар по голове и услышал Валькин крик.

Сашка упал на траву, но сознания не потерял. Преодолевая головокружение и шум в ушах, он встал на четвереньки, убедился, что автомат на месте — преступник его снять не успел. Опёршись о ствол сосны, он медленно, со стоном поднялся и оглянулся, в поисках друга.

Справа внизу, у самой кромки воды он увидел, как Валька дерётся с незнакомцем. «Ближний бой» — вдруг возник в голове термин из учебника. Взрослый, лет сорока, мужик славянской внешности, выше на голову и явно крупнее Вальки, вдруг завёл руку за спину и достал из-за ремня нож. Не думая, и держа палец на спусковом крючке автомата, левой рукой Глебов достал ракетницу, произвёл выстрел в воздух. Незнакомец повернулся на звук. Саша наставил дуло автомата на него.

— Стоять! Руки вверх!

Потом уже обратился к другу.

— Валя, ты как?

— Ничего, нормально... — проговорил тот, вытирая кровь с разбитой губы. — Хорошо дерётся, чёрт! Но ничего, отбегал своё, вон наши на сигнал идут!

Саша повернулся в сторону, куда он указал и тут же раздался страшный Валькин крик, протяжный и громкий, похожий на собачий вой.

Обернувшись, Саня увидел друга, лежавшего ногами в воде в странной, неестественной позе. Удивился ещё и тому, что руки у него были прижаты к горлу. И незнакомца, бегущего вдоль берега по колёно в воде. «От собак надеется оторваться», — пронеслось в голове.

— Стоять! Стрелять буду! — крикнул он и подошёл ближе к Вальке.

И только тут он увидел, что у его друга из шеи торчит рукоятка ножа, а между пальцев струится кровь.

— Валя! Валька! — закричал Саша в панике. — Сейчас, сейчас, вон уже наши! Видишь?

Из леса выбежала группа пограничников с собакой. Но Валька уже умер. Саша это понял сразу. Поднял автомат, и дал очередь по ногам убегающего. Тот упал. Глебов поменял магазин у автомата и побежал к преступнику. Он был ранен и полз на руках по берегу, с немым

упрямством двигаясь от преследователей. Саша нагнал его, перевернул на спину, закричал и начал бить. Со всей силы наносил удар за ударом, вытирал слёзы и снова бил, не слыша свой крик на выдохе. Он бил и бил этого человека, но чьи-то сильные руки его оторвали и поволокли прочь. Сашка вырывался, орал, метался, но его держали крепко. И тогда он запрокинул голову наверх и закричал...

— Деда, дед!

Александр Петрович проснулся от звука детского голоса. Он резко сел на кровати и протёр глаза. У кровати стоял шестилетний Максимка с бананом в руке.

— Деда, ты опять во сне кричал. Тебе кто снился, пираты?

— Да, внучок, пираты.

Пригладив взъерошенные подушкой волосы, вконец осознал, что он на даче, всё в порядке, просто опять приснилось что-то нехорошее.

— Деда, а ты их победил? Пиратов?

— Конечно, Максимка!

— А кто на тебя напал? Джек Воробей или этот, с щупальцами под носом?

— Джек Воробей, конечно! — дед взял мальчика на руки и посадил себе на колено. — Он же главный!

— Угу, — кивнул ребёнок, и откусил банан. — А ты почему кричал? Ты его боялся?

— Нет, я специально кричал, чтобы он испугался. И тогда я его победил.

Тут раздался женский голос:

— Максимка, иди мыть руки!

Александр Петрович спустил внука на пол и слегка шлёпнул по попе.

— Шагай, не расстраивай бабушку!

Мальчик выбежал из комнаты и тут же раздалось:

— Бабуля, деда пирата победил!

Шумно выдохнув, Александр Петрович встал и прошёл по комнате.

Странное дело, в последнее время ему часто снилась служба на границе. Снился Амур, сочная летняя зелень деревьев, ночные песни комаров. Или зимние сорокоградусные морозы, торосы намёрзшего льда на реке, и запах гимнастёрки. Снились казармы, псарня и кухня, хозблок, учебка и полигон. И как стоял часовым на вышке. С белыми от мороза ресницами, в тулупе поверх полушубка. Замерзал порой так, что не чувствовал ног. А размяться было невозможно, количество одежды не позволяло. Так и стоял «колуном», пока не придёт смена.

И Валька снился. Его сильные руки, серые глаза с прищуром и полная зубов улыбка. И накатывало разочарование.

Минуло много лет, мир кардинально изменился. Давно нет СССР, отношения с Китаем наладились, никто больше не роет окопы вдоль

села Джалинда. И только молодой сильный парень, с его простыми и понятными заповедями, вечной присказкой: «Так надо!», остался навсегда в шестьдесят восьмом. Не женился, не завёл, как хотел, овчарку, не родил детей и не построил дом. Его смерть казалась абсолютно несправедливой и, самое страшное, бессмысленной.

Александр Петрович вышел на крыльцо, достал из кармана толстовки пачку сигарет, прикурил. Тут же вышла жена в фартуке, с кулонным полотенцем в руках.

— Саша, ты опять куришь? Это уже третья за сегодня, я считаю. — Она улыбнулась исподлобья, поправила выпавший локон за ухо и по-птичьему наклонила голову. — Больше сегодня нельзя. И отойди подальше, дым в дом тянет.

Александр Петрович поднял руки в примирительном жесте, спустился по ступенькам, отошёл к колодцу, сел на лавочку и снова вернулся к размышлениям.

Опять вспомнилось Валькино: «Так надо!» Но надо ли было? Вот в чём вопрос...

Со ступенек крыльца сбежал Максимка с телефоном в руках.

— Деда, на! Это папа!

Александр приложил трубку к уху.

— Алло? Валя?

— Бать, привет! Только брус брать? Саморезы нужны, или хватит тех, что есть? — в трубке раздался голос сына.

— Саморезы не нужны, у нас много в сарае. И половую доску не забудь! — помолчав, добавил. — Наждачку ещё, на всякий случай... И как там моя невеста?

— Бать, ну сколько раз тебе говорить, — улыбнулся на том конце сын. — Она тебе не невеста, а невестка! Невеста она была мне до свадьбы...

— Как хочу, так и называю! — Притворился обидевшимся и продолжил: — И вообще, Валентин, не морочь голову, скажи толком, у врача были? Что с Наташей? Отравилась?

— Были, были... Я, конечно, хотел тебе лично...

— Что там, желудок? Она слишком много пьёт кофе...

— Пац, она здорова. Просто мы опять беременны. Надеюсь, будет девочка...

Александр Петрович прикрыл глаза и улыбнулся. Картинка мира, наконец, собралась воедино, стало легко и спокойно на сердце.

Да, так было надо!

Ольга БАРАКАЕВА *Ольга (г. Москва, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Малая проза», 2 место.*

АРШАЛУЙС И ВЕРОЧКА

— Давай мальчиков навестим, Вера. Ты не всех знаешь, я познакомлю.

Крепкие ноги Аршалуйс в мужских ботинках шустро ступают по каменистой земле Поднавислы, приминая невысокую, уставшую от южного солнца траву. Энергичный голос становится тихим, мягким. Женщина показывает пальцем издали:

— Это Серёжа Ломакин, Сергей Фёдорович, командир стрелкового батальона, он из моих женихов самый красивый. Глаза прозрачные, серые, будто вода в Чепси. Люблю в них смотреть, отражение своё искать. Смотрю и молчу. И Серёжа молчит. По вечерам спать его укладываю, как маленького, колыбельную армянскую пою, ему нравится, быстро засыпает. А это Стёпушка, джигяр. Белобрысенький, хорошенький, самый молодой здесь. Любит, когда полковые газеты вслух читаю. Сохранились штук пять, искрошились на сгибах. Уже наизусть могу — одно и то же по очереди. Мальчишке обе ноги выше колена оторвало, какой фронт? А так кажется Стёпке, что он сражается, а не лежит без дела, мамалыгу почём зря ест. Ваня Василенко, старший сержант; не смотри, что полноватый: бегаёт быстро, стреляет метко. Мыкола. Ранение в голову, зрение потерял. Коле письмо от жены читаю. Одно письмо пришло, больше не приносили; видать, неживая она. Кудрявый, черноволосый — Игорь Саркисян. Тяжёлый был, три недели его выхаживала, супом с ложки выкармливала, точно птичку. Не хотел есть. Иногда завлекал: поправлюсь — женюсь на тебе, Аршалуйс. Единственный из них знал, как моё имя переводится.

— Как? — спрашивает подруга.

— Рассвет. У тебя хорошее имя, военное. Для врача подходящее.

— Вера? Вера — военное имя?!

— Конечно. Нельзя на войне без веры. Тем более докторице. Мальчишки все, кроме Игоря, Шурой кличут, а Шусей — только ты. Да и не случилось других подруг, сама знаешь, ты у меня разьединственная, разговариваю — наговориться не могу. Надоело, поди, про белого бычка слушать? Терпи, моя золотая, ведь никого на хуторе нет, одна векую. Кроме тебя, не с кем словом перекинуться. Брат и племяшка в Горячий Ключ звали: там электричество, телевизор, вода из крана. А как солдат оставить? Они просили: не бросай. Клятву я дала, что не брошу, пока жива. Днём в колхозе работала, вечером к ним бежала — кому сказку рассказать, кого песенкой порадовать. Радио слушала, новости ребятам рассказывала. Так полвека и усвистало.

Ездила я в город. Красиво, не спорю, удобства всякие. Провода, как прыгалки, между столбами висят, на них птицы — чернявые, клювастые, что мой Игорёк. Ночью светло: фонари на улицах. Домой вернулась — скала нависает, Чепси шуршит по камням, убаюкивает, любимки спокойно спят. Вон там — братская могила, двести человек лично похоронила, чуток левее — ещё триста, а всего — почти две тысячи в Поднависле. Каждому камень приносила, отмечала, кто где упокоился. Под розовым большим камнем — командир. Запомни место.

Сколько за них перед скалой молилась! Храма нет, отсюда до ближайшего села — двенадцать километров. Помнишь бои в сорок втором, Вера-джан? Страшные какие бои... Гитлер здесь на Северный Кавказ хотел прорваться, в газете писали — главный удар: за нефтью шёл. В нескольких километрах от Поднавислы его остановили. Не вышло ничего у фрица. Папа и братья на войну ушли. Дедушка, царствие небесное, всем Ханжиянам наказал: русская земля нас приняла, кров дала, братья по вере армян от турок спасли, и теперь свою новую Родину мы защищать должны до последнего.

Сначала пять раненых в дом принесли. Потом ещё, ещё. Я не санитарка — никто и звать никак, никем и не числилась — доброволец. Ничего, всему научилась — уколы ставила, капельницы держала, разве что не оперировала. В одной комнате операцию сделали, в других — лазарет. Дома ступить негде, новеньких под деревья клали. Жара, осы, мухи роятся, зато фруктов много. Пациенты плакали, кричали, еле успевала от одного к другому бегать. Мы с хирургом спали по три часа. Потом тебя на помощь прислали, солнышко рыжее, конопущатое. Вер, до чего же мы молодые были! По двадцать восемь, кажется?

Иду с ведром воды однажды, гляжу — сидит лейтенант носатый, длинный нос повесил совсем. Поздоровалась по-армянски: барев дез. Не понял. Спросила — армянин? Нет, грек. Совсем расклеился: руку оторвало, кому калечный нужен? Я рявкнула: чего удумал — духом падать! На фронте нужен, одной рукой запросто стрелять можно! Меня и дед, и отец к оружию приучили: охотники. Ружьё одной правой схватила, в воздух пальнула, зыркнула постройе. Наверное, жёстко, но так надо. Ожил парень.

В другой раз безногий Володя-тракторист скис. Вовке мягче сказала: после войны мужчин мало уцелеет, каждый наперечёт, женишься на доброй красивой девушке, детей нарождаете. Учись, мозги хорошие, образование получай! Обе руки на месте, одна нога имеется, обязательно трактором управлять. Владимир Петрович в восемьдесят пятом приезжал: «Шурочка, помнишь меня? Молоком поила, жить учила — так выучился я, нынче сам учу детей в школе».

В октябре хирург вызвал, сказал: «Все на фронт уходим, раненых подводами вывезем, тебя защищать некому, собирайся в эвакуацию». Отказалась. На кого могилы оставлю? Кто ходить за ними будет?

Так крепко ты на прощание меня обняла... на всю жизнь слово твоё запомнила, Верка, что вернёшься. Твёрдо пообещала — вернёшься, глазищами намокла и к грузовику помчалась, а я стала ждать, пока довоюешь. Терпения, чай, не занимать. Слезу не подпускала: бойцы хныканья не любят, к чему их огорчать?

Шептала-журчала, перекатывалась на голышах год за годом Чепси, уносила тревоги, смывала горести.

Днём в колхозе, вечером с солдатами — так и сложилось. Женихов немало сваталось, да не вышла замуж: предназначение другое. Не рассказывала никому, открою историю давнюю. Лет пятнадцать мне было, через реку переправлялась — арба перевернулась, и понёс меня горный поток, притопил в холодной воде. Я за воловьих хвосты схватилась — дотасили волы до берега. Долго в горячке лежала, с неделю, родители не верили, что оправлюсь, глаза выплакали.

Где-то в других мирах оказалась. Сначала увидела лестницу с резными перилами, по ней поднялась — открылся сад, на местные не похожий. Беседки каменные в рядок выстроились, возле них — фруктовые деревья невиданные. Кипарис лианами навроде глицинии до верхушки опутан, а глициния — каких на земле не встретишь: ярко-синяя, сыплется сверху бархатным дождём, под исцарапанные босые ноги коврик стелет; до чего хорошо, до чего благостно на сердце! Полупрозрачный старик в белых одеждах наверху стоит, смотрит не на меня, а словно внутрь меня — и ни слова не произносит. Так захотелось в том саду поселиться! Прилечь на топчан, кожицу диковинного плода отшелушить, сладкую мякоть попробовать... Спросила: «Можно?» Старец губами не шевельнул, но я услышала: «Нельзя, главное предназначение на земле не выполнено, а какое — узнаешь, когда время придёт».

Спит моё предназначение под скалой. Смотри, оградки из ивы сплела, чтобы слаще спалось. Командиру куст посадила. Тощенький прутик за столько лет расщекастился, живым зонтом накрыл.

Привыкшими к работе руками в оплётке толстых сизых вен Аршалуис ловко выдёргивает сорняки, переходит от могилы к могиле. Худая жилистая фигура закутана в тёмную самовязаную кофту, на

седой стриженной голове пёстрый платок. Подруга рядом, «роднулечка», так Аршалуйс её зовёт. Куда Шуся — туда и Вера, хвостиком всегдашним. В тысячный раз Шусин рассказ слушает; помочь не может, зато слушать — сколько угодно.

— Колхоз перестройкой растрепало. Растила кукурузу в огороде, держала несушек — прокормилась. Захотел местный буржуин дачу в урочище строить, бульдозер пригнал. Захолонула душа, Вер. Выскочила, растопырилась. Выглядывает паренёк: «Уйди, бабушка, у меня приказ, расчистить территорию надо». Не растерялась, отвечаю: «У меня тоже приказ, покажу, только домой сбегаю, обожди!»

Тот вылез, прикурил, а я за ружьишкой метнулась. Перед ковшом встала, осадила: «Убирайся отсюда, здесь святое место, солдаты спят, да не шуми: разбудишь. Передай своему начальству: захоронения военных времён, ничего перекапывать не позволю!» Дурак молодой рассердился, своей гремучей железякой попёр, я первый выстрел — в воздух, упредила, второй — в лобовое стекло. Удрал на бульдозере.

Потом чиновница приехала. Понимающая баба оказалась: у самой деда в войну сгинули. Распорядилась богатеев не пускать, денег раздобыла на железные ограды. Мальчишки довольны, и мне легче. Готовые оградки помыть быстрее, чем из лозы плести: силы-то не те уже, глаза подслепли. Умру скоро, чувствую. Умирать не страшно, страшно с солдатиками разлучиться, вся жизнь моя — за их могилами ухаживать и тебя ждать. Ты же тогда, в сорок втором, обещала вернуться, с той поры и жду. Пятьдесят лет жду!

— Здесь я, с тобой всюду хожу, за плечом твоим, — успокаивает Верочка старуху, — просто ты меня не видишь. Хочешь, расскажу, что дальше случится?

— Хочу, матахгнэм.

— Ты потеряешь зрение. Когда умрёшь, племяшка твоя станет хранительницей. На поляне выстроят армянский храм, сможешь молиться не скале, а настоящей иконе. Местные жители соберут миллион рублей, представляешь, целый миллион! Хотя как ты представишь, если даже пенсию отродясь не получала... Вот здесь поставят большой памятник: немолодая женщина, опустив голову, сидит на скамье, справа от её руки — простреленная каска. У ног всегда живые цветы — гвоздики, ромашки. Шуся, это ты! Не бросила своих солдат, осталась при них.

По вечерам невидимая Вера подсаживается к бронзовой подруге, гладит родные морщинистые щёки. Скамейка длинная, места обоим хватает. Аршалуйс под шёпот любимой Чепси негромко и ласково напевает бойцам армянскую колыбельную.

А. К. Ханжиян признали Женщиной 1997 года в номинации «Жизнь — судьба». В 1998 году её не стало. Аршалуйс Кеворковне присвоили звание Почётного гражданина Горячего Ключа, того самого города, куда она отказалась переезжать.

Галина ЗЕЛЁНКИНА (г. Севастополь, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Малая проза», 2 место.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА. ВЕЛИКАЯ ЦЕННОСТЬ

Более полумиллиона человек оккупированного фашистами Харькова — харьковчане, жители близлежащих деревень, беженцы, не успевшие уйти с отступающей Красной армией, — как могли, приспособившись к новой обстановке. Шёл декабрь 1942 года.

Весь город заметён снегом, расчищены только центральные улицы, да площади. Морозно и пасмурно, хотя уже 11 часов утра. Не прибавляли света и сугробы, достающие почти до середины окон первых этажей. Тяжёлые серые тучи зацепились за единственный в городе, самый первый небоскрёб Украины — здание Госпрома, так сокращённо назывался «Дом государственной промышленности». Они опустили небо так низко, что оно легло на уцелевшие крыши домов и своими серыми щупальцами медленно обхватывало торчащие балконами и печными трубами развалины. В любую минуту эта серая масса была готова рассыпаться по улицам снежными хлопьями.

Редкие прохожие, осторожно пробираясь между сугробами, пугливо оглядывались и старались быстрее проскочить открытые места. Лишь единицы заглядывали в развалины, пытаясь найти там хоть что-нибудь пригодное для продажи или обмена на еду. В городе холодно и голодно.

Разгребая руками снег, из сугробов выбралась женщина. В старенькой овчинке, голова укутана по глаза клетчатой шалью. Высокие валенки путались в плотной юбке, не давая согнуться ногам, поэтому ей пришлось почти выползти на дорогу из еле заметного прохода в сугробах. Эти сугробы скрывали вход в подвал разрушенного дома.

Отряхнув кое-как снег замёрзшими, непослушными руками, женщина медленно пошла по улице. Пошатываясь, она тащила за собой валенки, наклоняясь вперёд, с усилием переставляла ноги. Если бы кто-то в этот момент присмотрелся к ней, то увидел бы отрешённый взгляд на измождённом сером лице.

Неширокая тропинка, протоптанная редкими прохожими, вела её вдоль домов, огибая сугробы, разбитую технику и разрушенные дома. Люди ей не встречались, а если бы и показался кто-то, то она бы этого не заметила. Женщина просто шла туда, куда вела её дорожка, и, вскоре, пропетляв среди развалин, вышла на небольшую площадь.

Вдруг женщина остановилась и повернулась всем телом к развалинам одного дома. Уцелевшая стена закрывала его внутренность, и только небольшой низкий пролом зиял подозрительной чернотой. Именно оттуда тянуло тонким горьковатым запахом дыма и ещё чем-то, что вызывало лёгкое подташнивание. Она сильнее наклонилась вперёд и застыла, принюхиваясь, как охотничья собака. Ноздри расширились, дыхание стало глубоким, и в глаза медленно возвращалась жизнь. Женщина с трудом протиснулась внутрь.

В глубине, на развалинах бывшей кухни, горел маленький костерок. Его разожгли в неглубокой воронке, и дыма почти не было. Но внимание женщины привлёк не костёр, хотя она очень замёрзла. Она не могла оторвать взгляда от лошади, вернее, половины мёрзлой лошадиной туши, лежавшей рядом на земле. Как заворожённая, не видя ничего вокруг, женщина вытянула руки и пошла вперёд. Но вот, словно издалека, до неё донёсся резкий окрик, и тут она увидела двух фашистов. Они сидели на брёвнах, а между ними на газете лежали жареные куски мяса. В городе был голод, от него страдали и фашисты. Эти двое, молодой и пожилой, добыли конину и укрылись в развалинах от посторонних глаз.

Молодой немец направил на женщину автомат и стал кричать. Его замасленный рот, перекошенный злобой, изрыгал лающие звуки. Он сипел простуженным голосом, и его от натуги и ярости выпученные глаза наводили ужас. Дуло автомата упёрлось женщине в грудь. Она, молча, смотрела на автомат, а мысли были в холодном подвале разрушенного дома. Там, в темноте, под кучей тряпья, лежали две больные и голодные дочурки. Сегодня она обязательно должна принести им еды — завтра может быть уже поздно!

Фашист стал подталкивать автоматом женщину к выходу. Но её ноги словно примёрзли к земле, и никакая сила сейчас не смогла бы сдвинуть их с места.

Вдруг пожилой немец оттолкнул напарника, посмотрел долгим взглядом в глаза женщине и что-то сказал тихо, но резко. Молодой опустил автомат, но руки его тряслись, а взгляд был похож на взгляд дикого зверя. Старший молча втиснул в заочневшие руки женщины кусок мёрзлой конины и рукой указал на пролом. Ещё не всё осознавая до конца, она, как в замедленном кадре кино, оторвала непослушные ноги от земли и, прижав драгоценную ношу, медленно пошла назад.

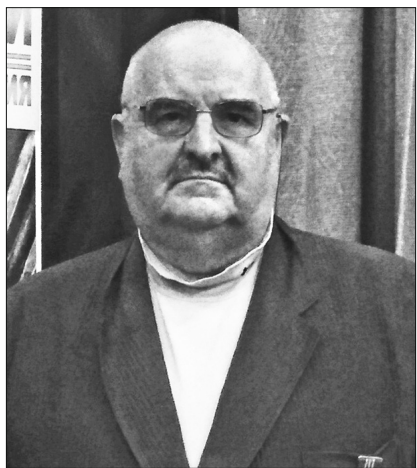
О чём подумал этот пожилой человек-немец, заглянув в лицо женщины? О своей семье, о своих детях, о тех страшных делах, которые творились вокруг, и он тоже был к ним причастен? А может, просто испугался, что шум приведёт и других незваных гостей, и придётся делиться добычей! Этого уже никто не узнает, да и это было уже не важно.

Теперь у женщины появилась цель и смысл её жизни, и теперь надо было обязательно выжить. Ещё больше согнувшись, цепляя снег большими валенками, ощущая каждой своей клеточкой за спиной дуло автомата и прижимая к себе этот мёрзлый кусок, словно великую ценность, она шла медленно, будто на казнь, готовая ко всему.

Выбравшись из развалин, женщина, как могла, быстро уходила от этого страшного места. Она спешила к своим детям. Шла и не знала, что впереди ещё будут страшные голодные дни, что до спасительного освобождения, августа 1943 года, в городе останется только 190 тысяч человек. Среди этих измученных голодом, переживших страшные дни оккупации, вытерпевших невероятные унижения, будет и она со своими дочурками.

А сейчас по улице шла, крепко прижимая к себе ледяной кусок кофены, не ощущая ни холода, ни голода, сторбившаяся, в больших высоких валенках, женщина-старушка, которой не было ещё и тридцати.

Это была моя бабушка, Варвара Анисимовна.

Александр РАЛОТ /ПЕТРЕНКО/
(г. Краснодар, Россия) — лауреат
V Международного литературного
конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского
(2023 год) в номинации «Малая проза», 3 место.

ЗА СЛУЖЕНИЕ РОССИИ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ПРИГОВОРИТЬ!

1812 год. Российская империя

— Уважаемый господин Кваренги, боюсь, у меня для вас дурные вести. — Чиновник итальянского посольства переминался с ноги на ногу, боясь переступить порог дома архитектора.

Хозяин указал гостю на венский стул:

— Да проходите уж, не стойте как истукан. Что там стряслось на нашем достопочтенном Апеннинском сапоге?¹

— Извольте ознакомиться и расписаться в получении. — Продолжая стоять, гость протянул Джакомо Кваренги конверт. — К сожалению, задерживаться не могу, в столице итальянцев немало, и мне надобно каждому лично вручить подобное послание. Вынужден также сообщить, что наше посольство уже завтра ждёт от вас ответ, ибо дело сие чрезвычайной важности и задержка недопустима.

Поняв, что гость к долгой беседе не расположен, архитектор распечатал конверт и быстро ознакомился с содержанием.

«...Всем итальянцам, состоявшим на русской службе, приказано вернуться в Италию... в случае отказа каждый ослушавшийся будет незамедлительно приговорён к смертной казни, с конфискацией имущества!.. Король Италии»².

Хозяин дома отвлёкся и хотел что-то сказать посетителю, но того уже не было. Лишь громкий стук входной двери засвидетельствовал, что чиновник ретировался по-английски, поспешно и не прощаясь.

Джакомо подошёл к окну, долго смотрел на проезжающие внизу кареты и спешащих по своим делам людей разного чина. Затем кликнул супругу Анну Катерину Конради. Когда женщина вошла, протянул ей королевский вердикт:

— Что скажешь, дорогая? Как поступим? Будем паковать дорожные баулы или останемся?

— Последнее слово всегда за вами, мой господин, — молвила Анна. — Господь посылает нам испытание по силам нашим. Вспомните, как девятнадцать лет назад во время родов покинула этот бранный мир ваша первая жена. И на вашем попечении осталась новорождённая девочка и четверо малолетних детей. Вы тогда покинули Россию, перебрались в Бергамо, но всё же через два года вернулись. По всему выходит, ваша Родина отныне здесь и, полагаю, уже навсегда, ибо правитель Италии слов на ветер не бросает. Окажетесь в его владениях, велит казнить без всякой жалости.

— Я тебя услышал, спасибо. А теперь ступай, мне надобно подумать.

¹ Один из крупнейших полуостровов Европы, расположенный на юге данной части света и омываемый водами Средиземного моря. На нём находится государство Италия.

² Приказ был дан в связи с подготовкой похода наполеоновской армии на Россию: Франция установила свой контроль над Италией в результате Кампоформийского мирного договора, заключённого 18 октября 1797 года по итогам войны Франции против Австрии (прим. автора).

Кваренги, покашливая и кряхтя, опустился на стул. Прожитые годы брали своё.

— Сделай милость, принеси мне кьянти³. Нет, лучше завари кофе. Сейчас мне потребна трезвая голова.

* * *

Оставшись один, архитектор предался воспоминаниям. Перед глазами пронеслись годы далёкой юности, споры с отцом Антонио по поводу выбора профессии. Старший Кваренги настаивал, чтобы сын не смел нарушать семейную традицию. В случае если родятся три сына, два из них должны принять сан священнослужителя. А он, Джакомо, — младший, второй. Обязан пройти курс обучения в известном в Бергамо коллеже «Милосердие», а затем облачиться в рясу.

«...не могу достаточно выразить отвращение, с которым я предавался таким занятиям. Но не буду отрицать, что в курсе риторики я чувствовал особенную склонность к поэзии, и что мне до крайности нравились три изящнейших латинских поэта — Катулл, Тибулл и более всех Аергилий, из которых я перевёл в итальянских стихах несколько произведений... но наклонность, сильно влëкшая меня к художествам, не позволявшая, чтобы я стал ни поэтом, ни философом, ни духовным лицом, была причиною того, что я извлék мало или совсем не извлék плодов из таких упражнений»⁴.

В конце концов родитель сдался. Видя, как его наследник всецело увлечён изобразительным искусством, отправил его учиться рисованию у лучших художников города Бергамо Паоло Бономини и Джованни Раджи.

Но юный бунтарь на этом не успокоился. Утверждал, что манера их преподавания — устаревшая!

— Раз тебе и это не по нраву, остаётся одна дорога — в монастырь Сан-Кассино! — Отец в гневе стукнул кулаком по столу. — Примешь обет послушания и будешь всецело служить господу нашему Иисусу Хресту.

— Отпусти меня в Рим. Там есть люди, у которых можно получить хорошие знания в области живописи и архитектуры. Обещаю, семью не подведу и фамилию не опозорю.

Настойчивость юноши была столь велика, что отец, немного поколебавшись, всё же сдался.

* * *

Архитектор открыл глаза и посмотрел на чашку с ароматным напитком. Супруги рядом не было. Она прекрасно понимала состояние мужа и, принеся кофе, тихо вышла из комнаты.

³ *Итальянское сухое красное вино, производимое в регионе Тоскана на основе винограда сорта Санджовезе.*

Джакомо попытался представить, как пахнет кофе в далёком Риме, но не смог, а потому, закрыв лицо руками, вновь предался воспоминаниям.

«Аббат Торп познакомил меня со знаменитым меценатом Редзони-ко. И тот не побоялся заказать у меня проект церкви в Субиако.

Проблема была в том, что её надо было не построить с фундамента, а переделать уже имеющееся здание, причём изменения должны были быть минимальными.

Пришлось изловчиться и создать новый храм внутри уже существующего».

* * *

***За тридцать три года до описываемых событий.
Санкт-Петербург. Кабинет императрицы
Екатерины Второй***

Царица окунула в чернильницу острозаточенное перо, а затем начертала на чистом листе бумаги:

«Италия. Рим. Барону Фридриху Гримму.

Мой любезнейший друг, не соблаговолите ли в кратчайший срок подыскать двух хороших архитекторов-итальянцев для работы в России. Ибо строительство затеваю масштабное, дабы держава наша не хуже иных европейских стран вид достойный имела!»

* * *

Хозяин дома в два глотка выпил ароматный напиток и поставил чашку на стол. Вспомнил, как, почти не колеблясь, принял предложение императрицы северной страны, как долго добирался через Крым до столицы огромного государства, как приступил к своей первой работе, перестройке дворца Её Высочества на реке Язуе. Затем были православные церкви в Царском Селе, Павловске и Пулково, Английский дворец в Петергофе, Эрмитажный театр на Дворцовой набережной, реконструкция покоев царицы в восточной части Зимнего дворца.

«Мальтийская капелла при Воронцовском дворце. Это уже при правлении её сына, Павла Первого, который и присвоил мне звание Архитектора высочайшего двора и капитула ордена святого Иоанна Иерусалимского. Потом было строительство Смольного института. Это уже при нынешнем самодержце Александре Первом...»

Его воспоминания прервал звон убираемой посуды.

— Так мы остаёмся или нет? — еле слышно произнесла супруга.

— Моя Родина отныне и до скончания дней — Россия, — ответил архитектор и, опираясь на стол, поднялся с места.

* * *

Два года спустя Джакомо Кваренги получил потомственное российское дворянство, и за выдающиеся заслуги был награждён орденом Святого Владимира Первой степени.

* * *

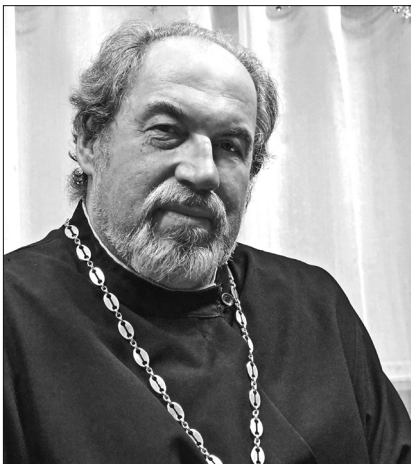
Архитектор тихо скончался 2 марта 1817 года. Его тело было передано земле на католическом участке Волкова кладбища.

Сорок три года спустя место его последнего упокоения было утеряно.

Прошло ещё сто лет

В начале шестидесятых годов прошлого века могилу знаменитого итальянца и русского дворянина отыскиали. А в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом — перезахоронили на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

«Значение Кваренги в истории русского зодчества конца XVIII и начала XIX века очень велико. Величайший мастер своего времени, не знавший себе равного в целой Европе, он является в значительной степени создателем той архитектурной физиономии, которую имеет Петербург. Ибо здесь ещё до сих пор стоят почти нетронутыми десять грандиознейших зданий из числа выстроенных им. Но со смертью Кваренги дух его архитектуры не умер, и он нашёл себе достойного продолжателя в лице даровитого К. И. Росси, довершившего начатое им дело украшения столицы. В Европе нет столицы, которая была бы так богата архитектурными сокровищами строгого вкуса» (Игорь Грабарь).

Николай ТОЛСТИКОВ (г. Вологда, Россия) — лауреат V Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского (2023 год) в номинации «Малая проза», 3 место.

«КРАСНЫЙ» АРХИЕРЕЙ

(Рассказ)

Над монашками глумились долго, потому как не старухи древние они ещё были.

Командир карательного отряда — тщедушный низкорослый мужичок средних лет — повернул жёлчное, заросшее щетиной, лицо к стоявшему рядом пожилому бойцу:

— А вы, товарищ, не хотите присоединиться к молодым?

И зло-весело сверля его карим глазом — другой был, ровно за-слонкой, прикрыт бельмом — кивнул на заброшенный овин, откуда доносились девичьи стоны и причитания.

Дядька растерялся, опустил ствол винтовки, и тут же остановились, перестали выбрасывать лопатами землю из ямы вкопавшиеся уже по грудь два священника и немолодой, но крепкий мужик — церковный староста. Они смущали народ, когда из монастырских храмов и здешней приходской церкви отряд выгребал ценности. С ними, с «контрой», долго не чикались, тут же к высшей мере приговорили.

Лишь по-прежнему стоявший на коленях возле края развёрстого зева ямы восьмидесятилетний старец-архиерей монотонно, нараспев, читал молитвы; ветерок шевелил на его голове реденький белесый пух.

— Что, работнички? Хватит с вас? Авось, все поместитесь! — бельмастый знаком приказал копалям выбираться из ямы.

Раздумяившиеся, потные бойцы вытолкнули из сарая трёх монахинь. Они, увязая босыми ногами в холодной супеси и пытаясь прикрыть наготу разодранной одеждой, взошли на земляной бугор. Монашенки помоложе жалась к настоятельнице, статной сорокалетней женщине. Оглянувшись, она ожгла палачей взглядом черносморозинных глаз.

— Приготовиться! — скомандовал бельмастый, с усмешкой косясь на молоденького служивого с расцарапанной мордашкой; тот, вжимая в плечо приклад винтовки старательно целился. — Пли!

«Какая баба красивая! — ненароком успев встретиться со взглядом игуменьи, вздохнул пожилой дядька. — Эх, губим!.. Каторжанец, твою мать!»

Он поморщился от звука скрипучего неприятного голоса бельмастого, выкрикивающего команды.

Другой залп смёл в яму священников и старосту, остался стоять епископ с воздетыми к небу руками, шепча слова отходной молитвы. Но вот и он повалился.

— Свадьба что надо — невесты, женихи и посаженный батюшка! Зарывайте!

Бельмастый отошёл к воротам овина, запалил остатки сена. Бойцы, торопливо закидывая землёй убиенных, хмуρο косились на своего командира: он, неотрывно глядя на взметнувшиеся языки пламени, бормотал что-то, лишь ему одному ведомое...

— Серафима!..

Епископ-обновленец Александр Надеждинский, высокий, худощавый, после бессонных ночей с набрякшими синими подглазьями на осунувшемся лице, мерил шагами взад-вперёд полутёмную горницу; при тусклом свете керосиновой лампы длинная уродливая тень бестолково металась по стене.

Чумазый, со спутанной гривой нечёсаных волос, парень, заикаясь и плача, закончил свой сбивчивый рассказ и, когда Александр сдавленно простонал, сжался в углу, вылупив полубезумные глаза. Рот его перекосялся в страшной гримасе, на губах запузырилась пена, и через минуту парень забился в припадке на полу.

Прибежавший на шум епархиальный секретарь остановился в растерянности, не ведая, чем помочь парнишке. Он первый заметил этого оборванца, трущегося около архиерейского подворья. Парня прогоняли, а он всё упорно норовил попасться на глаза архиерею и, стояло епископу Александру выйти на крыльцо, бросился ему в ноги, лопоча невразумительно и обливаясь слезами. Его попытались оттащить прочь, но кто-то из obsługi признал в нём иподиакона убитого епископа Варсанофия.

Он видел всё... Родом из тех мест, исхитрился как-то прошмыгнуть напрямки лесом, пока приговорённых везли окружной дорогой на место расстрела, затаился в кустах, после того как упал последним владыка, заревел в полный голос. Не услышали: спасло то, что рьяно занялись, затрещали, стреляя далеко головёшками, крыша и стены овина, и в этой зловещей трескотне потонули рыдания парнишки...

Епископ Александр, хотя и не разобрал доброй половины слов, но представил себе произошедшее до сердечной обессиливающей боли зримо.

«Серафима!..»

Вроде бы с той поры и немного лет минуло, и... много...

У них всё было сговорено. Великая Смута только начинала надвигаться, расправлять над Россией кровавый свой морок, но всё ещё в жизни казалось прочно, незыблемо.

У Александра подходила к завершению учёба в духовной академии, надо было решать: принимать ли монашество либо приглядывать себе невесту, жениться и ждать святительского рукоположения в приходские батюшки. За будущей матушкой дело не стало. На рождественские каникулы из Лавры он летел к Серафиме в мыслях, как на крыльях, но мучительно медленно тащился поезд. Проплывали за окном сонные, засыпанные снегом полустанки, оставались позади станции с важно вышагивающими по перрону городскими и ватагами гомонящих пирожников, и опять за окном то глухой сумрачный перелесок, то холмы с чёрными пятнами деревенек на вершинах.

С Серафимой выросли вместе. Отец её был настоятелем храма в городской слободке, отец Александра — простым псаломщиком. Александр хорошо помнил, как трепетал отец перед суровым громогласным

протоиереем, допустив оплошку в службе, и, выслушав внушения, заискивающе лебезил. Услужливо прогибая спину, он тыкался багрово-красной коковой носа в холёную поповскую руку, ища благословения и забвения вины.

Поначалу маленький Саша тоже боялся гневных настоятельских глаз и прятался, позже ему становилось стыдно за отца. Тот, пережив очередную выволочку, всё чаще прикладывался к кружке с компанией нищевродов за углом и, наклюкавшись, беззвучно плакал, размазывая слёзы по лицу. Сыну быть вот таким не хотелось...

В семинарии Александр выбился в первые ученики, а когда оказался в академии и в редкие побывки дома встречал старого протоиерея, тот теплел взглядом: «Каков молодец! Не в тятку!»

Глаза у Серафимы — в отца-настоятеля, жгуче-чёрные, только не гневливые и высокомерные, а с обвораживающей лукавинкой и тайной на доньшке. Приехал как-то на каникулы Александр, увидел неожиданно расцветшую из нескладной девочки-подростка Серафиму и без памяти влюбился...

После вагонного тепла Александр, выйдя на перрон, мгновенно продрог от налетевшего свирепо ледяного ветра, охрип, пока кричал извозчика, и, наконец, постучав в дверь родного дома в слободке, еле слышно откликнулся просевшим голосом.

Матери подсказало сердце: сразу распахнула дверь. В домике было уютно, тепло, пахло ладаном, в красном углу трепетал огонёк лампадки перед святыми ликами. Только не встречал отец: однажды после настоятельской взбучки вышел из храма, шагнул ещё раз-другой и упал.

Александр, долго не церемонясь, забрался на русскую печь и на жарких кирпичках лежанки тут же провалился в сон.

Пробудился он от того, что мать, взобравшись на приступок у печи, трясла его за плечо:

— Санушко, стучается к нам кто-то! Ночь ведь глухая!

Александр прислушался: то ли ветер хлопал незапертой впопыхах калиткой, то ли вправду топтался кто на обледенелых тесинах крыльца и дёргал за дверную скобу.

За дверью ответили не сразу, будто раздумывали:

— Пустите, люди добрые! Не дайте погибнуть!

Серую невзрачную одежду вошедшего, от наброшенного на голову капюшона до бахил на ногах облеплял снег; незнакомец прижимал к груди окоченевшие без рукавиц руки. Александр стащил с него «наволоку», явно не по его низенькому росту, мать, охая, принялась растирать шерстяным шарфом незнакомцу белые, как снег, кисти рук.

Нежданный гость, усаженный на табуретку, прижимаясь спиной к жаркому боку печи и постанывая от боли, меж тем настороженно оглядывал горницу. Был он одних лет с Александром, по смуглому лицу с тонкими чертами, по длинным «музыкальным» пальцам угадывался скорее студент, хоть и назвался он купеческим работником, отбившимся от обоза и заплутавшим в такую непогоду.

Один глаз у него, точно заслонкой, был прикрыт бельмом, другой же, тёмно-карий, с «печалинкой», изучающе-неотрывно следил за хозяевами.

— Мне б только до утра отогреться, потом пойду догонять своих... Вашу доброту век не забуду!

Он и, верно, ушёл, едва рассвело, и метель улеглась.

Александр, собираясь к Серафиме, скоро бы и забыл про ночного гостя, кабы днём к Надеждинским не заглянул урядник: не видали, мол, такого-то? И приметы точные назвал. С этапа арестант намедни убёг, обыскались, но как сквозь землю провалился.

Александр, представив занесённую снегом, скрюченную от мороза фигуру на крыльце, промолчал, недоумённо пожимая плечами.

— Прощевайте тогда! — пожилой урядник, прихожанин здешнего храма, расспросами больше томить не стал, вздохнул только, подходя к двери: — Опасный преступник, вам скажу! Бомбометатель! Если что, вы уж...

На пороге он столкнулся с городовым:

— Нигде нет, ваше бродь! — доложил тот. — Может, замёрз, и пургой занесло?

— Туда ему и дорога! Жаль, что не взяли...

Александр встрепенулся, хотел выбежать на крыльцо вслед за полицейскими, но, толкнув было дверь, остановился, чувствуя, как краска стыда начинает заливать лицо. Сначала промолчал, жалея замерзающего бедолагу, а теперь — нате вот! — опамятовался. «Поймают его сами. И на мне греха не будет», — утешил он себя...

Но потом, уже в Санкт-Петербурге в академии, случившееся той морозной ночью всё равно не давало ему покоя, засело занозой: «Он же бомбист, наверняка на совести загубленные жизни!»

Великим Постом Александр, облегчая душу, исповедовался отцу Пармену. Выслушав десятка два «академистов», тот безразлично-непроницаемо поглядывал на кающегося Александра, как механический болванчик размеренно кивал головой с реденькими волосёнками, зачёсанными в жиденькую косицу. Когда же Надеждинский решился упомянуть о беглом арестанте, которого укрыл, в обычно сонных глазах отца Пармена сверкнул хищно и настороженно интерес, что Александру не по себе стало.

И предчувствие не обмануло...

Спустя недолгое время, Александр, держа в руке саквояж с пожитками, добирался до вокзала: нежданная дорога домой предстояла. Его окликнул вдруг Васька Красницкий, по прозвищу Революционер, тоже на днях отчисленный из академии — маленький суетливый человечек с бегающими неприятными глазками. Они торопливо, но сноровисто ощупывали Надеждинского:

— Горюешь, брат? Но дело ты стоящее сделал, проболтался вот только зря... Узналось как? Пармен?!

Александр, немного удивлённый Васькиной прозорливостью, растерянно кивнул.

— Одному ему на исповеди и сказал.

— Нашёл кому! — Красницкий налился краской, сердито запыхтел, засопел. — Он же у начальства глаза и уши! За тем к нам и представлен был!

Васька учился с Надеждинским на одном курсе, но Александр держался от него поодаль. Непоседе Красницкому учение давалось легко, отпрыск столичной «поповки» позволял себе на лекциях дерзить с преподавателями и подначивать их. Терпели Ваську до поры до времени; а он в какие-то тайные кружки стал похаживать, чем и прозвище себе заслужил, затёсывался в демонстрации рабочих на питерских улицах, и однажды неслабо получил по спине нагайками от казаков.

«Мне революционеры не нужны! Мы здесь Богу молимся, а не по баррикадам бегаем! И с господами бомбистами не знаемся! — отзвук раздражённого густого баса ректора академии до сих пор гудел у Александра в ушах. — Ладно, тот олух Красницкий — хлыщ столичный, а ты куда лезешь, деревня неумытая?!»

— Даст Бог, свидимся ещё! — Красницкий, привстав на цыпочки, тоекратно ткнулся Александру в щёки мокрыми холодными губами и пропал в людской толчее на тротуаре.

«Он, похоже, не сожалеет, что и исключили, — вздохнул Надеждинский. — Мне-то вот какво возвращаться?..»

Дома, в слободке, было привычно тихо, редкий прохожий неторопливо, осторожно брёл по прихваченной утренним морозцем осклизлой тропинке; размеренно, редко позвякивал на звоннице церкви одинокий колокол — шла Страстная седмица, наставлял Великий Четверток.

В тесном, полутёмном, с низеньким сводом, но зато с детства знакомом и дорогом фреской ли со святым ликом на стене или старого письма иконами храме, Александр стоял на коленях перед Распятием и молился. Прихожан было много, стояли плотно, неловко в тесноте крестились. Надеждинский чувствовал на себе их взгляды — вырос он на глазах у многих, и взоры эти были то сочувственные, то недоумённые, но ни одного недоброжелательного и злого. Нехорошая весть доходит ведь быстро. Ему стало ещё горше.

«Господи помилуй, помоги и не оставь!» — шептал он, глотая слёзы...

Серафима ждала его у калитки в церковной ограде, с тревогою заглянула в глаза:

— Приехал, а к нам не заходишь. Меня избегаешь будто...

Она ласково дотронулась до его руки, но Александр подавленно молчал и даже до дому её не проводил, отговорился каким-то срочным делом.

— Ты к нам в Пасху-то придёшь? — уже вдогонку крикнула Серафима. — Я ждать буду!

Лучше бы было не ходить в настоятельский дом, да куда себя денешь и никуда от себя не убежишь...

Не успели Александр расцеловаться и «похристосоваться» с Серафимой, как старый протоиерей, её отец, взорвался возмущённо, только что Александра со двора не погнал в толчки:

— Мне смутьяна и каторжанцев дружка в зятя не надо! Что стоишь, впрямь орясина, глазки потупивши? Будто и из академии не вышибли?! Забирайся к своим каторжанцам и про мою дочь забудь!

— Тятенька, перестаньте! — попыталась утишить отца Серафима, только куда там!

— В горницу иди! Обрадела женишку-то, выскочила! — зыкнул вконец расвирепевший протоиерей на дочь. — Не будет вам моего родительского благословения! Во веки веков!

Александру вспомнился покойный бедняга отец: то-то дрожал огоньком грошовой поминальной свечки, переживая настоящий гнев! Да и самому бы теперь впору сквозь землю провалиться.

Серафима же поджала в тонкую ниточку губы, и в чёрных глазах её строптиво заблестели гневные огоньки:

— Я тогда в монастырь уйду!

— Скатертью дорога!..

Иеромонах Александр, принявший «постриг» несколько лет назад, пережил Смуту в маленьком монастырьке под Питером. Что ожидало впереди?..

Малочисленная братия истово молилась в храме; кто-то предложил по крепкому ещё льду Финского залива податься за границу.

«На всё воля Божья!» — сурово одёрнул ослушника старик-игумен.

Внезапно появился... Красницкий. Александр поначалу и не узнал его: сановный, в тёплой широкополой рясе и алой бархатной скуфье, протопресвитер неспешно выбрался из кибитки и важно, вразвалочку, направился к храму.

— Да! Небогато у вас! — окинув беглым взглядом убранство внутри, вздохнул он и уставился на Александра. Даже в заплывших сонных глазках вслед за удивлением мелькнула неподдельная радость.

— Не ждал, не гадал, что ты тут! — когда остались с глазу на глаз, проговорил Красницкий. — Не сбились бы с дороги, век бы в эту дыру не заехал! Да ладно... Я теперь член Высшего Церковного Управления, слышал о таком? Самого патриарха Тихона вот где держим! — Красницкий крепко сжал маленький, в рыжих конопушках, кулачок. — Что тебя здесь ждёт? Ну, разгонят вас, монасей, и то... в лучшем случае. А у нас, «живоцерковных», епископом будешь. Поедешь в свою Вологду церковную жизнь направлять и обновлять. Тянет на родину, а?!

Когда глава «Живой Церкви» митрополит Введенский и с ним ещё двое архиереев-обновленцев в Москве соборно «поставили» Александра во епископы, он опять припомнил своего всегда униженного дьячка-отца и громогласого хамоватого протоиерея. Не будет на приходах такого при нём, новом архиерее!..

Попутчик удивил: влез в купе вагона весь в скрипучей чёрной коже, козырёк кепки, как у бандита — на самые глаза. Сел молча у окна и, когда поезд тронулся, спросил картаво скрипучим голосом:

— Не узнаете меня? Вы мне жизнь той давней зимой спасли!

Попутчик снял кепку и солнечные блики, отражающиеся от стекла, осветили нашлёпку бельма на его глазу.

— Едем вот с отрядом разную контру шерстить, в том числе и церковную. Рад, что вы на нашей стороне...

По приезде в Вологду бельмастый комиссар со своим отрядом немедля ушёл по храмам «изымать ценности», а новоявленного епископа ждала весьма скромная встреча. Хотя местная власть подсуетилась, и большинство храмов в городе «заняли» попы-обновленцы, немногая числом кучка раскольного священства, бывшая не в чести у прежних архиереев, подходила под благословение к епископу Александру.

А народ Божий в храмы к обновленцам не пошёл! Так и служил потом новый «владыка» в аукающей гулким эхом пустоте. Отряд же Бельмастого, разоряя церкви, всякое маломальское сопротивление жестоко карал, и на слабые протесты «красного» архиерея там давно махнули рукой: будет лишка выделяться — и самого к ногтю прижмём!

— Что мы, ровно раскольники, творим-то, кому помогаем и способствуем?! Под чью дуду пляшем?! Господи, помоги и вразуми! — молился в своих «владычных покоях» Александр.

Весть о расправе над Серафимой и монахинями была последней каплей.

— Возомнили мы о себе, в великую прелесть впали! Надо ехать к Святейшему Патриарху Тихону и в ноги ему, каяться!

С городского вокзала тронуться в путь Александр не решился: архиерей — не иголка, всяк заметит.

— Домчим полегоньку, надо — и до Москвы! — епархиальный кучер вроде бы человек надёжный, споро погонял пару лошадей, заложенных в тарантас.

Но отъехать от Вологды далеко не удалось. В сумерках на глухом просёлке нагнал беглеца конный отряд.

— Вы мне когда-то жизнь спасли, я тоже в долгу не останусь! Возвращайтесь и будьте с нами заодно, как прежде! А про ваше бегство будет забыто, — бельмастый выжидающе помолчал. — Нет?! Хотите умереть праведником? Не получится! Слух будет пущен, что вы, святой отец, прихватили церковное золотишко и того... втихую смотались за кордон!

В густеющих сумерках бельмо на глазу комиссара проступило явственней, зловеще.

«На кого же он так похож?» — подумал Александр. Страх не было.

— Иуда?.. — одними губами успел ещё прошептать.

Сухого щелчка выстрела он не услышал. В разлившемся вдруг перед ним сиянии предстала радостно и светло улыбающаяся Серафима, юная, красивая, как в те далёкие годы...

ИТОГИ

IX Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (2023 год)	3
--	---

ГРАН-ПРИ ФЕСТИВАЛЯ

Виктория СОКОЛОВСКАЯ	7
----------------------------	---

МАЛАЯ ПРОЗА

Виталий КОРАБЛЁВ	16
Ирина АНТОНОВА	20
Елена ЗВЕКОВА	27
Светлана ЧИЖОВА	30
Елена ДАНЬШИНА	36
Любовь БОБИНА.....	41
Рушан ПИЛОСЯН.....	42
Татьяна ОКОМЕНЮК	47
Павел КРЕНЁВ (ПОЗДЕЕВ).....	72
Лидия ГРИГОРЬЕВА.....	87
Борис ЕВСЕЕВ	96
Пётр ПЫТАЛЕВ.....	103
Ольга ПРИЛУЦКАЯ.....	106

ПОЭЗИЯ

Валерий САВОСТЬЯНОВ	121
Ирина АНТОНОВА	124
Светлана ЧИЖОВА	126
Ольга ХАРЛАМОВА.....	128
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ.....	130
Александр ЖУРАВСКИЙ.....	133

Ирина ИГНАТОВА.....	133
Ирина КОЛЯКА	134
Марина ФАТЕЕВА.....	136
Светлана БЫКОВА.....	140

ДРАМАТУРГИЯ

Галина ДЕЙНЕГА.....	145
Любовь БОБИНА.....	148

ПЕСНЯ

Александр ЖУРАВСКИЙ.....	154
Ирина КОЛЯКА	155
Юрий ТРУЩЕЛЁВ.....	157
Валерий ВОВК	159
Алёна ЛЕНЖЕТОВА.....	160
Светлана ЧИЖОВА	161

ПУБЛИЦИСТИКА

Лола ЗВОНАРЁВА.....	162
Владимир СПЕКТОР	165
Сергей КРИВОНОС	171

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

Светлана ЧИЖОВА	174
Елена ДАНЬШИНА	175
Александр ЖУРАВСКИЙ.....	176

ЛИТЕРАТУРА

НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Людмила СТРЕМЕНОВСКАЯ	178
Светлана ДЖЕЖЕР-ЛЫЧЁВА	181
Галина ДЕЙНЕГА.....	184

Александр ЖУРАВСКИЙ	186
Владимир СПЕКТОР – Валерий БАСЫРОВ....	187

ЛИТЕРАТУРА

НА КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Светлана ЖУЛЕН (ГАВРАЕВА)	192
Ремзи ДЕВЛЕТОВ	194
Сейран СУЛЕЙМАН	196

V МЕЖДУНАРОДНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС

ИМ. С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО

(2023)	199
--------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Татьяна ШАХЛЕВИЧ	200
Надежда ОСИПОВА	203
Светлана ЧИЖОВА	210

ПОЭЗИЯ

Валерий САВОСТЬЯНОВ	212
Никита БРАГИН	215
Виктория СОКОЛОВСКАЯ	217
Лариса АРЕФЬЕВА	219
Альберт НУРДИНОВ	221
Юрий ТРУЩЕЛЁВ	224

ПРОЗА

Екатерина ИВУШКИНА	227
Ольга БАРАКАЕВА	235
Галина ЗЕЛЁНКИНА	239
Александр РАЛОТ (ПЕТРЕНКО)	241
Николай ТОЛСТИКОВ	245

КРИМ • КЪЫРЫМ КРЫМ

1
[63] 2024

Литературно-художественный журнал

Главный редактор — Валерий Басыров
Редактор-составитель — Ольга Прилуцкая
Дизайн обложки — Александр Иванченко
Вёрстка — Кирилл Лемешко

Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная 80 г/м²
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,54
Тираж 300 экз. Заказ № 44406-24

Издано при поддержке Государственного комитета по делам
международных отношений Республики Крым
Государственным автономным учреждением Республики Крым
«Медиацентр им. Исмаила Гаспринского»
за счёт средств федерального бюджета
и бюджета Республики Крым

© Оригинал-макет и вёрстка подготовлены
в ООО «Издательство “Доля”»:
295022, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Виноградная, 22
Тел.: +7 (978) 050-85-15

E-mail: vbasyrov@mail.ru
E-mail: primula2008@mail.ru
<http://www.sprkrim.ucoz.net>

Отпечатано в соответствии
с представленными материалами в ООО «Амирит»:
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru
<http://www.amirit.ru>